

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 1 (41)

2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО

<i>Гуляков А. Д.</i> Процесс учреждения федеративных государств в центре Европы (опыт Швейцарии, Германии, Австрии)	5
<i>Егоров А. В.</i> Сравнительное правоведение и международно-правовые науки	19
<i>Романовская О. В.</i> Принцип сорегулирования в конституционном праве	26
<i>Сизов В. А.</i> Актуальные проблемы противодействия преступлениям, связанным с незаконным использованием средств индивидуализации товаров (работ, услуг)	40
<i>Гончаров С. А.</i> Проблемы применения меры прокурорского реагирования в виде вынесения постановления о возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 5.27 КоАП РФ	49
<i>Капитонова Е. А.</i> Особенности ядерного и биологического терроризма как новых разновидностей террористического акта	57

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Кошарная Г. Б., Дмитриев Р. В.</i> Религиозные основы развития предпринимательства	68
<i>Рябоконь М. В., Черномор М. С.</i> Принятие абитуриентами решения о выборе вуза (на примере приема в Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского)	79
<i>Петрова Ж. В.</i> Профессионально-трудовая деятельность пенсионеров по возрасту в контексте социальной политики государства	88
<i>Пузанова Ж. В., Ларина Т. И.</i> Использование методики ассоциаций для изучения отношения к странам	98
<i>Давлетишина Я. М., Мухаметзянова Л. К., Хизбуллина Р. Р.</i> Причины и направления миграции талантливой молодежи в Республике Татарстан: результаты эмпирических исследований	111
<i>Полетаева О. В.</i> Социальные факторы появления фрилансеров в структуре занятого населения	119

ЭКОНОМИКА

<i>Соколова О. Ю., Колотырин Е. А., Скворцова В. А.</i> Импортзамещение как стратегия промышленной политики	130
<i>Сергеева И. А., Володин В. М.</i> Прогнозирование потенциальных угроз – основа превентивных мер финансовой безопасности организации	140
<i>Акимов А. А.</i> Особенности стратегического планирования на предприятиях оборонно-промышленного комплекса	149
<i>Синявин В. Ю., Питайкина И. А., Володин В. М.</i> Проблемы повышения эффективного использования человеческого капитала как фактора устойчивого развития	157
<i>Садвокасова К. Ж., Кодашева Г. С.</i> Факторы, влияющие на развитие банковской деятельности в Казахстане в условиях роста неопределенности	167
<i>Плеханова Е. А., Володин В. М., Волгина И. В.</i> Современные тенденции развития отраслей деятельности системы потребительской кооперации Республики Мордовия	177

UNIVERSITY PROCEEDINGS
VOLGA REGION
SOCIAL SCIENCES

№ 1 (41)

2017

CONTENTS

LAW

<i>Gulyakov A. D.</i> The process of federative states formation in the center of Europe (the experience of Switzerland, Germany, Austria)	5
<i>Egorov A. V.</i> Comparative law and international legal sciences	19
<i>Romanovskaya O. V.</i> The principle of co-regulation in constitutional law	26
<i>Sizov V. A.</i> Actual problems of counteraction to the crimes connected with illegal use of means of individualization of goods (works, services)	40
<i>Goncharov S. A.</i> Problems of applying a prosecutor's response measure by instituting administrative offense proceedings under art. 5.27 of the administrative code of the Russian Federation	49
<i>Kapitonova E. A.</i> Features of nuclear and biological terrorism as a new kind of terrorist attacks	57

SOCIOLOGY

<i>Kosharnaya G. B., Dmitriev R. V.</i> Religious bases of business development	68
<i>Ryabokon M. V., Chernomor M. S.</i> Decision making on university selection by entrants (by the example of the admission to Lobachevsky state university of Nizhny Novgorod)	79
<i>Petrova J. V.</i> Professional-labor activity of senior citizens in the context of the state social policy	88
<i>Puzanova Zh. V., Larina T. I.</i> The use of the association method to study attitudes to countries	98
<i>Davletshina Ya. M., Mukhametzyanova L. K., Khizbullina R. R.</i> Migration reasons and directions of talented youth in the Republic of Tatarstan: results of empirical researches	111
<i>Poletaeva O. V.</i> Social factors of freelancers appearance in the structure of employed population	119

ECONOMICS

<i>Sokolova O. Yu., Kolotyryn E. A., Skvortsova V. A.</i> Import substitution as a strategy of the industrial policy.....	130
<i>Sergeeva I. A., Volodin V. M.</i> Potential threats prediction as the basis of preventive measures of company's financial security	140
<i>Akimov A. A.</i> Strategic planning features at enterprises of the defence-industrial sector	149
<i>Sinyavin V. Yu., Pitaikina I. A., Volodin V. M.</i> Problems of increasing the efficiency of human capital usage as a factor of sustainable development.....	157
<i>Sadvokassova K. Zh., Kodasheva G. S.</i> Banking development influencing factors in Kazakhstan under conditions of growing uncertainty	167
<i>Plekhanova E. A., Volodin V. M., Volgina I. V.</i> Modern development trends of the consumer cooperation system branches in the Republic of Mordovia.....	177

УДК 342.1

DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-1

А. Д. Гуляков

ПРОЦЕСС УЧРЕЖДЕНИЯ ФЕДЕРАТИВНЫХ ГОСУДАРСТВ В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ (ОПЫТ ШВЕЙЦАРИИ, ГЕРМАНИИ, АВСТРИИ)

Аннотация.

Актуальность и цели. Центр Европы, будучи местом интенсивных миграций и соперничества между государствами, не был способен создать федерации в добуржуазную эпоху. Феодализм с его сословными предрассудками, дефицитом материальных ресурсов и слабыми коммуникациями не давал должных предпосылок для государств со сложной структурой. Только в небольшой горной Швейцарии с ее изолированными общинами протофедерализация началась в Средние века и продолжалась в течение нескольких столетий. В Германии и Австрии подготовка федерализации в XIX и XX вв. длилась в течение нескольких лет. Но этот период был очень важен с точки зрения построения конкретной модели федерализма.

Материалы и методы. Статья анализирует три случая формирования федеративных государств в соседних странах. Описание основано на общих элементах, включая предпосылки, причины образования, этап протофедерализации, конституционное закрепление и учреждение федерального правительства. Применяется сравнение для выяснения объективных закономерностей формирования федеративных государств и особенностей этого процесса в конкретных странах.

Результаты. Мы видим различие в эволюции федерации и их результатах. Швейцария прошла медленный и длинный путь к достаточно децентрализованному федеративному государству с коллективной исполнительной властью. Германия стала союзом монархий при доминировании Пруссии с централизованной властью в нормальных пропорциях. Австрия, как ядро бывшей многонациональной империи, под давлением внешних факторов и классовой борьбы характеризовалась суперцентрализацией.

Выводы. Необходимо продолжить сравнительные исследования с включением новых объектов. Федеративные государства, расположенные на других континентах и родившиеся в различные исторические эпохи, могут предоставить дополнительную информацию о трудностях и достижениях федерализма. Только с помощью истории государства и права, основанной на сравнительном изучении, мы можем попытаться прийти к выводам о современном и, возможно, будущем развитии федерализма.

Ключевые слова: история федерализма, формирование федеративных государств, Центральная Европа, федеративные государства в Швейцарии, федеративные государства в Германии, федеративные государства в Австрии, сравнительный федерализм.

THE PROCESS OF FEDERATIVE STATES FORMATION IN THE CENTER OF EUROPE (THE EXPERIENCE OF SWITZERLAND, GERMANY, AUSTRIA)

Abstract.

Background. Being a place of intensive migrations and competition between states, the Center of Europe was not able to create federations before the bourgeois epoch. Feudalism with its group prejudices, lack of material resources and communications did not give enough prerequisites. Only in mountainous tiny Switzerland with its isolated communities protofederalization started in the middle ages and was developing during a few centuries. In Germany and Austria the preparation for federalism in 19-th and 20-th centuries covered a period of a few years. But this period was very important from the point of view of building a concrete model of federalism.

Materials and methods. The article analyzes three cases of federative states formation in neighboring countries. The description is based upon common elements including prerequisites, reasons for the formation, the proto-federalization stage, the constitutional confirmation and establishment of federal government. Comparison is applied to clear up objective regularities of the formation of federative states and peculiarities in this process in concrete countries.

Results. We see differences in the federative evolution and in its results. Switzerland slowly went a long way to a rather decentralized federative state with collective executive power. Germany became a union of monarchies under domination of Prussia with formally centralized power. Austria as the heart of the former multinational empire under international pressure and class struggle was characterized by supercentralization.

Conclusions. It's necessary to continue the comparative research covering new objects. Federative states of other continents and different historical epochs may give additional data about difficulties and achievements of federalism. Only through the history of state and law based upon comparative studies we may come to conclusions about the present and possibly the future federalism.

Key words: History of Federalism, Formation of Federative States, Central Europe, Federative State in Switzerland, Federative State in Germany and Austria, Federative State in Comparative Federalism.

Центр Европы в силу своего особого геополитического положения не мог не концентрировать в себе различные государства и народы, будучи средоточием острых межгосударственных и внутригосударственных конфликтов. Одновременно с началом нашей эры, во времена Древнеримской империи, он становится ареной интенсивной миграции переселявшихся варварских народов. Последними мигрантами оказываются венгры, и после этого начинается процесс государственной консолидации на основе феодальных отношений. Однако **феодалы государства в силу своей сословности, недостаточных социальных и пространственных коммуникаций, отсутствия должных материальных и организационных ресурсов не могли создать сложных и одновременно гибких форм территориальной централизации.** Поэтому федеративные отношения получают шанс на свое развитие только в буржуазную эпоху.

Однако в **специфических геополитических условиях Швейцарии они начинают в своих контурах складываться намного раньше**. Геополитическая изолированность, созданная горным ландшафтом, и территориальная компактность дали швейцарцам шанс в Средневековье выжить в острой межгосударственной конкуренции и укрепить свою самостоятельность. Организационно-административная рыхлость главного соседа-агрессора – Священной Римской империи германской нации – помогла сохранить швейцарскую автономию, а их выгодное транзитное положение на трансграничных торговых путях обеспечило материальную базу. **Внутри кантонов причудливо сочетались элементы олигархии и демократии**. Городские поселения, как правило, контролировали сельскую округу. Между кантонами и внутри них существовали этноконфессиональные различия. Все это служило **предпосылками** для объединения кантонов не в унитарное, а федеративное государство (рис. 1).

Что же касается непосредственных **причин консолидации** Швейцарии, то они проявили себя только через несколько веков существования кантональной конфедерации – в первой половине XIX в. До этого времени первоначальный союз трех кантонов Ури, Швица, Нидвальдена, образованный в конце XIII в., разросся до 22 членов на момент заключения Союзного договора 7 августа 1815 г. Со второй половины XIV в. происходит институционализация **татзанцунгов** – собраний представителей кантонов с императивными мандатами их участников. У этих собраний, наряду с рутинными вопросами (принятием отчета у должностных лиц совместно управляемых территорий, избранием чиновников), появились более широкие полномочия: вопросы торгового права, процедуры наложения ареста на имущество, регулирование монетной системы, общая внешняя и военная политика [1, с. 36].

Следует признать, что **этап протофедерализации оказался чрезвычайно длительным**, растянувшимся на многие века, но после краха наполеоновского господства в Европе и **особенно после революций 1830 г. протофедерализация входит в решающую стадию**, обостряются внутренние противоречия и усиливается внешнее давление соседних держав, противящихся либерализации. **В начале 1830-х гг. обсуждается идея федеративного государства по образцу и подобию США**, правда сильно децентрализованного. Однако этот план потерпел поражение, не удовлетворив ни консерваторов, ни либералов [2, с. 110, 111]. Образование союза католических кантонов (**Зондербунда**) и угроза полномасштабной гражданской войны побуждают либералов перейти в наступление. Точечным использованием военной силы католические кантоны приводятся к покорности, а конституционная комиссия из 14 членов менее чем за месяц готовит конституционный проект, который рассылается кантонам. 6 июня 1848 г. он был принят 72,8 % голосов швейцарцев и большинством кантонов, а 12 сентября 1848 г. обнародован¹.

Образовывался двухпалатный парламент (**Федеральное собрание**) с равным представительством кантонов в **Совете кантонов** и представительством пропорционально численности населения в **Национальном совете**. Коллегиальный орган исполнительной власти в составе семи членов – **Федеральный совет** – избирался **Федеральным собранием**.

¹ URL: https://en.wikipedia.org/wiki/swiss_constitutional_referendum_1848

Процесс учреждения Швейцарии как федеративного государства

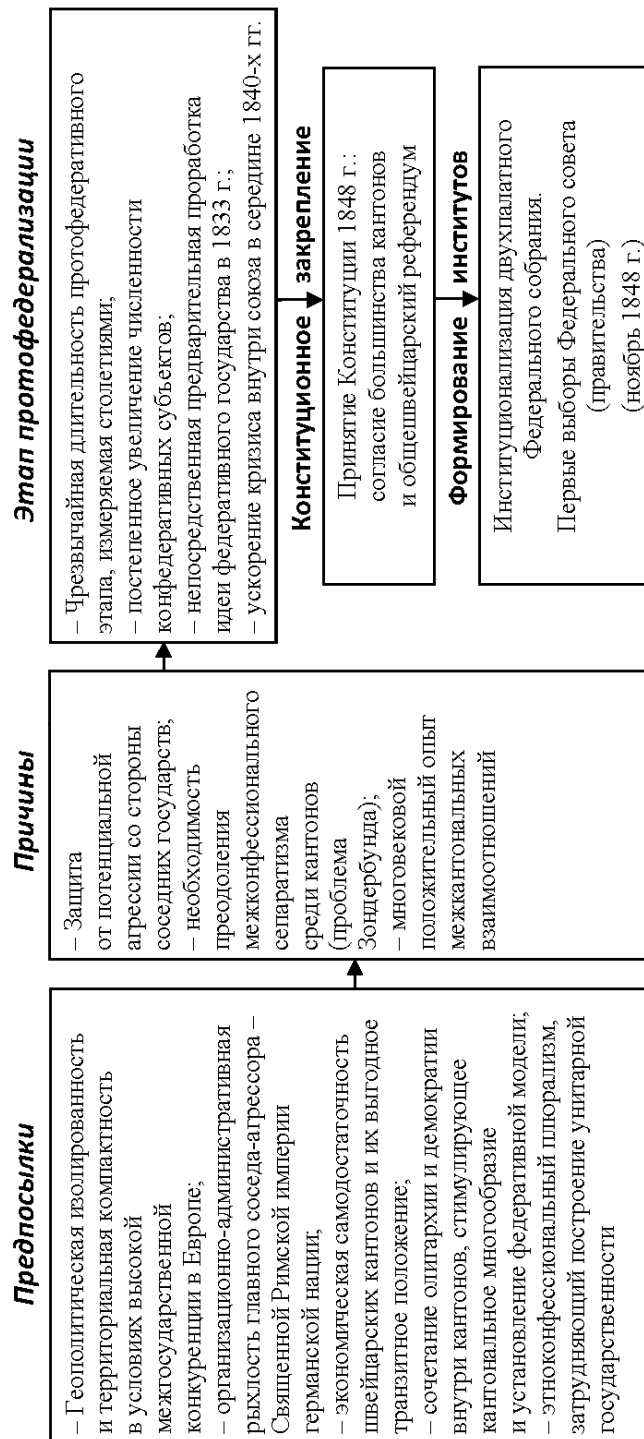

Рис. 1

Провозглашалась идея раздельного суверенитета в духе Конституции США при передаче всех остаточных полномочий кантонам (ст. 3). При этом с особой тщательностью описывались оборонные полномочия федерального центра, что напоминало о едва не начавшейся гражданской войне. Хозяйственные полномочия федерации касались возможной постройки общественных сооружений, взимания таможенных пошлин, почтового дела, чеканки монеты, введения единых мер и весов. Весьма осторожно конституционный документ обходился с правами кантонов, допуская достаточно большую степень их самостоятельности как при заключении договоров друг с другом, так и в плане сотрудничества с соседними государствами по вопросам хозяйства, соседских отношений и полиции (ст. 9) [3].

Жизнь очень быстро потребовала известного расширения полномочий центральной власти, хотя все еще вполне умеренного. Структура новой **Конституции 1874 г.** осталась прежней, но в ней появились новые или уточненные статьи. Например, ст. 24 формулировала право центральной власти надзора за плотинами и лесами, ст. 25 предусматривала издания постановлений о рыбной ловле и охоте. В ст. 34 содержались положения о регулировании федерацией трудовых отношений (детского труда, продолжительности рабочего дня, условий труда, надзора за иммиграционными и страховыми агентствами). В ст. 35 говорилось о закрытии игорных домов и принятии возможных мер против лотерей со стороны федерации.

Весьма подробно регламентировались вопросы школьного дела и религиозных прав. Статья 27 вменяла в обязанность кантонов заботиться о начальном обучении – обязательном и бесплатном. «Государственные школы должны быть открыты для посещений последователей всех вероисповеданий, без нарушения каким бы то ни было образом их свободы, совести или веры. Союз примет необходимые меры против кантонов, которые будут не исполнять это обязательство» [4, с. 323]. Статья 49 в деталях расписывала неприкосновенность свободы совести и веры.

Запрещалось принуждение исповедованию какого-либо религиозного учения, религиозные наказания, дискриминация в гражданских и политических правах: «Никто не обязан платить налогов, сбор от которых специально определен и предназначен на покрытие издержек по культу религиозного общества, к которому он не принадлежит. Дальнейшее приведение в исполнение этого принципа остается в ведении союзного законодательства» [4, с. 332, 333].

Параллельно с этим в новой федеральной Конституции 1874 г. также был прописан **референдум**: все федеральные законы могли проходить через него по требованию 30 тыс. швейцарцев или восьми кантонов. В 1891 г. была введена **народная инициатива**, обязывающая представительный орган власти рассмотреть тот или иной вопрос или законопроект в случае поддержки его более 50 тыс. граждан. Примечательно, что в Швейцарии за последние 150 лет (до начала 1990-х гг.) было 147 обязательных и 103 факультативных референдумов, более чем за столетие было выдвинуто 104 народные инициативы [5]. Модель же федерализма, несмотря на ее известную коррекцию в **Конституции 1999 г.**, осталась прежней – преимущественно децентрализованной.

Германские земли имели многовековой исторический опыт общности, но одновременно в отношении этого огромного конгломерата территорий действовали центробежные силы. **Священная Римская империя германской нации**, просуществовавшая с 962 по 1806 г., была **рыхлым конфедеративным объединением**. Выборный характер императорской власти, зависящей от крупных князей-курфюрстов, сложный характер вассальных связей, чрезвычайная дробность территориальных единиц – все это крайне затрудняло реальное объединение страны. Псевдогосударственный феномен, состоящий из более чем 300 государств и полутора тысяч владений имперских рыцарей, юрист и философ С. Пуфендорф справедливо называл «нерегулируемым и монстроподобным телом», которое создавалось в течение длительного времени «неосторожной любезностью императоров, честолюбием князей и махинациями священнослужителей» [6].

С роспуском Священной Римской империи в 1806 г. и разгромом Наполеона I у сторонников германского единства появилась надежда. Революция 1848–1849 гг. протекала деконцентрированно, неодномоментно в разных городах и землях. Однако в какой-то миг показалось, что центр политической жизни переместился во Франкфурт-на-Майне, где собрался **Предпарламент**, а затем и **Парламент**. В нем либералам (примерно 270 депутатов), которые выступали за объединение германских земель вокруг Пруссии, но без участия Австрии, противостояли республиканцы – сторонники федеративного устройства (150 депутатов) – и монархисты вместе с противниками единства (50 парламентариев) [7, с. 45, 48, 49].

Что же касается Парламента, то он также не был готов к решению стоящих перед ним задач. В его составе не было политически опытных членов. «Конституционные учреждения Баварии, Вюртемберга, Бадена или Ганновера не могли дать немецкой буржуазии толчок к серьезной борьбе за политическую власть» [8, с. 234]. Парламентарии затратили неадекватно много времени на разработку раздела о правах человека – шесть месяцев, и лишь только потом приступили к созданию собственно управленческой конструкции государства. И все же Конституция 1849 г. в окончательном варианте с ее 197 параграфами и семью разделами, испытавшая на себе известное влияние Конституции США 1787 г., смогла детально и взвешенно распределить компетенции между федеративным центром и государствами-членами, и эти наработки затем были использованы Бисмарком при создании Северо-Германского союза и Германской империи [8, с. 236–239].

Однако одной готовности парламентариев к организации федеративного государства было явно недостаточно. Негативно к объединению относились иностранные державы (Россия и Австрия) и ведущие германские государства – Бавария, Ганновер, Саксония. Не была к нему расположена и сама Пруссия, королю которой предполагалось вручить титул императора.

После революции 1848–1849 гг. в связи с успехами железнодорожного строительства и тяжелой промышленности, усилением межрегиональных хозяйственных связей **для объединения страны появилась материальная основа**, а к **предпосылкам** создания федеративного государства добавились необходимые для этого **причины** (рис. 2).

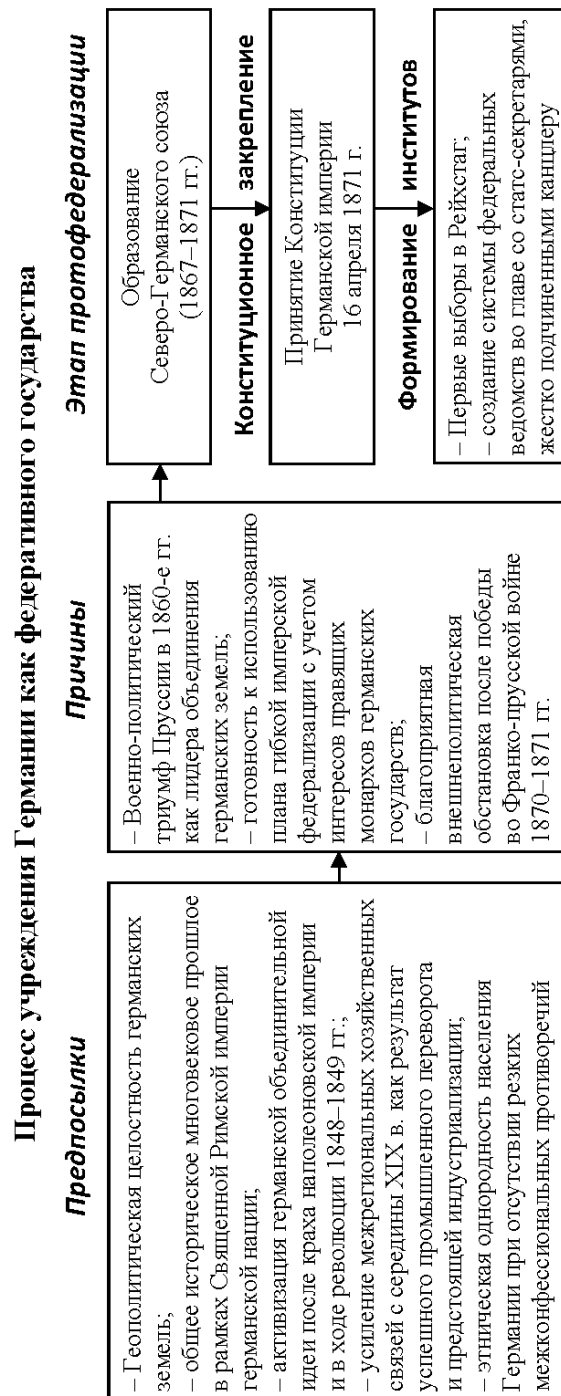

Рис. 2

Сделавший стремительную карьеру на службе у прусского короля в 1850–1860-е гг. О. Бисмарк сумел не только устранить главного и единственного конкурента Пруссии – Австрию, но и продемонстрировал несомненное **военное превосходство своей родины**. 16 северогерманских государств, включая три вольных города, выразили в 1867 г. желание образовать **Северо-Германский союз** – своеобразное объединение монархов. **Этап протофедерализации длился недолго**. Победоносная война Пруссии с Францией в 1870–1871 гг. сплотила германское общественное мнение [9, с. 14, 15], а некоторые уступки южногерманским государствам в условиях вступления в союз дали возможность объявить о создании **Германской империи 18 января 1871 г.**

Конституция нового государства от 16 апреля 1871 г. четко фиксировала значительно более широкий объем полномочий союзных властей, чем это было в Конституции Швейцарии 1848 г. В частности, говорилось о регулировании таможенного и железнодорожного дела, торговли, налогов, прессы, обороны, банковском законодательстве, патентном и авторском праве, общем законодательстве в отношении гражданского и уголовного права, судопроизводства.

Вошедшим в состав империи государствам был запрещен выход из нее. Допускалось военное вмешательство центра в случае неисполнения государством-членом своих обязанностей.

В системе органов власти нового государственного образования **обширными полномочиями обладал император**, который контролировал внешнюю политику и вооруженные силы, назначал главу правительства – канцлера – и других высших имперских чиновников, регулировал работу парламента, публиковал законы и интерпретировал Конституцию. Одновременно **«основанием, началом и концом всей исполнительной власти был канцлер»** [10, с. 145]. Он руководил имперскими ведомствами, возглавляемыми статс-секретарями. «Канцлер был единственным связующим звеном между императором, прусским государственным министерством, бундесратом и рейхстагом. Это делало его позицию в определенной степени уязвимой, но в то же время открывало перед ним весьма широкие возможности» [11, с. 329].

Беспрецедентную роль в делах империи играл Союзный совет – **Бундесрат**. «Своей организацией и компетенцией он напоминает часть конференцию дипломатов, часть верхнюю палату обыкновенного законодательного собрания, частью судебное учреждение и частью даже кабинет или совет министров конституционной страны» [12, с. 33]. Открытие и закрытие сессий Союзного совета определялись императором. Он обязательно осуществлял свою работу в периоды времени, когда созывался общегерманский орган народного представительства – Рейхстаг. «Члены Союзного Совета являются делегатами отдельных государств и назначаются правительствами этих государств, причем в более важные периоды сессий такими делегатами бывают обыкновенно министры этих государств, а в остальное время высшие чиновники, заменяющие министров» [12, с. 34].

«Обыкновенно большие государства посылают одного или двух делегатов, мелкие же государства часто поручают свои голоса представителю какого-либо другого государства, давая ему для этого формальные полномочия и снабжая его своими инструкциями» [12, с. 36].

Пруссия – инициатор и основоположник федеративного имперского союза – располагала в Союзном совете (Бундесрате) наибольшим пакетом голосов (17), при том что другие государства имели более скромное представительство (Бавария – 6, Саксония – 4, Вюртемберг – 4, Баден – 3, Гессен – 3, Мекленбург-Шверин – 2, Брауншвейг – 2), остальные члены союза получили по одному голосу). **Союзный совет**, состоявший из представителей германских государств, которые должны были голосовать солидарно в своих делегациях, выносил решения: «1) о предложениях, вносимых в рейхстаг и о принятых последним решениях; 2) об административных предписаниях и инструкциях, необходимых для проведения имперских законов, поскольку они не определены прямо каким-либо имперским законом; 3) о недостатках, которые выступают при исполнении имперских законов...» [13, с. 299].

Консервативно настроенный Союзный совет был противовесом **Рейхстагу**, избираемому на три года всеобщим мужским голосованием. Будучи наиболее демократичным органом, Рейхстаг имел право «предлагать законы в пределах имперской компетенции и направленные к нему петиции передавать Союзному совету и имперскому канцлеру» [14, р. 11].

В империи с авторитарным режимом при сильном императоре и послушном ему канцлере, влиятельной военщине и бюрократии **сохранялись некоторые элементы демократии**: «правительство рутинно защищало свободу слова в период выборов и эффективно контролировало постоянную систему регистрации избирателей и подсчет голосов. Мошенничество и запугивания были почти всегда делом местных элит и эффективно пресекались Рейхстагом, стремившимся объявить недействительными результаты незаконно выигранной борьбы» [15].

Как и в Германии, для **Австрии** ее имперское прошлое сыграло решающую роль, но с иными последствиями. **Австрия стала продуктом распада сложносоставной, мультиэтничной монархии Габсбургов**, а не результатом объединения земель. Как и для Швейцарии, а также Германии, существовали геополитические предпосылки обособления австрийских земель, имевших мощный экономический центр в лице Вены. Казалось бы, для такой компактной территории более оптимальным было бы унитарное государство. Однако не забудем о специфических обстоятельствах послевоенного времени, составивших причины федерализации (рис. 3).

Вся обстановка, сопутствовавшая поражению Австро-Венгрии в Первой мировой войне, препятствовала принятию простых и однозначных государственных решений. После отречения императора Карла I и провозглашения 12 ноября 1918 г. Германо-Австрийской республики все политические силы (пангерманисты, социал-демократы, социал-христиане) были готовы присоединиться к Германии [15], но это не устраивало державы-победительницы. По условиям Версальского и Сен-Жерменского договоров (1919) **объединение Германии и Австрии** запрещалось. При этом были «подкорректированы» границы австрийского государства за счет изъятия из его ведения районов, населенных немцами в Чехии и Польше, а также передачи южной части Тироля Италии. В то же время к Австрии отошли районы Западной Венгрии, ставшие землей Бургенланд.

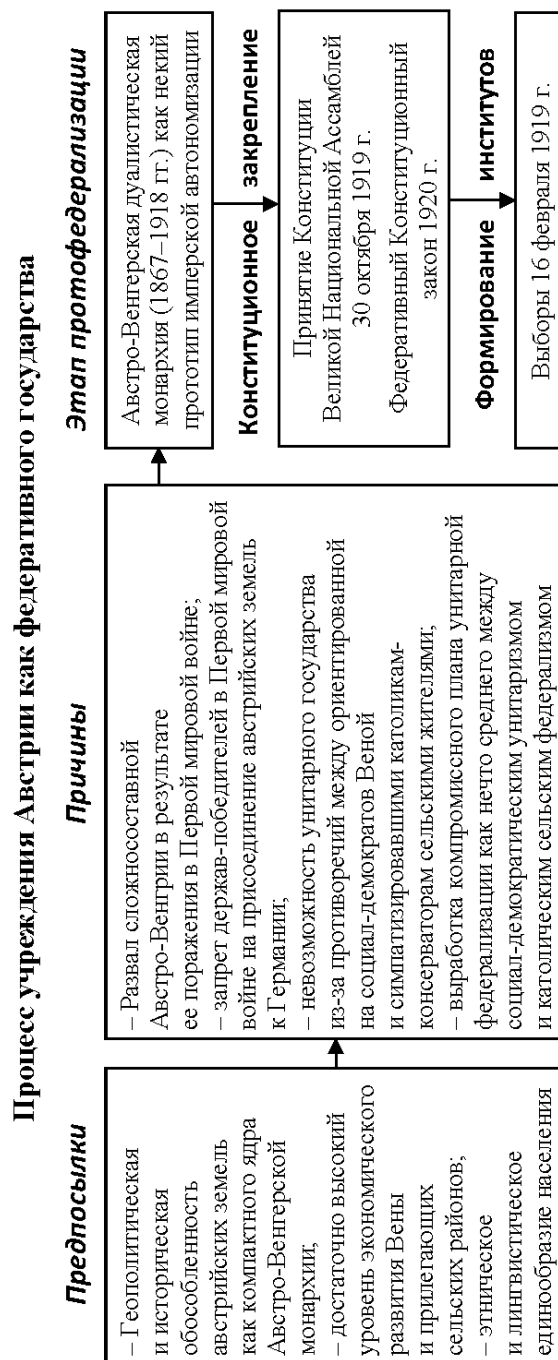

Рис. 3

Бывшая Австро-Венгрия с населением свыше 50 млн человек была низведена до небольшого государства, где проживало 6,5 млн человек. «Вена стала столицей миниатюрной республики. Жители Вены составляли почти треть населения страны» [16, с. 138]. Потеря прежних источников сырья и топлива (особенно угля) усугублялась узостью внутреннего рынка для австрийской промышленности, до того работавшей на всю империю. Гористый рельеф и обилие лесов (до 38 % территории) оставляли для пашни только пятую часть (21,5 %) площадей [16, с. 146].

Временная Национальная Ассамблея, которая работала в Вене с 21 октября 1918 г. по 19 февраля 1919 г. и состояла из членов имперского Рейхсрата от германоговорящих территорий, избранных еще в 1911 г., была призвана дать стране некую новую государственную конструкцию. Эту работу продолжила избранная в феврале 1919 г. **Конституционная Национальная Ассамблея**. В ней большинство голосов (но отнюдь не контрольный пакет – 72 из 170 мест) получили социал-демократы¹.

Трудно проходила разработка конституционного документа. Консерваторам из христианской социальной партии, имевшей опору в сельской местности, была выгодна федерализация, социал-демократы, доминировавшие в Вене, предпочитали унитарную модель. После совещаний представителей земель в Зальцбурге 15–17 февраля 1920 г. и Линце 20–23 апреля 1920 г. в Вене собрался конституционный комитет, предполагавший выработать компромисс [17, 18].

Федеральный конституционный закон 1920 г., состоявший из более чем 150 статей, сгруппированных в восемь разделов, юридически оформил централизованную модель федерации. Первый раздел акцентировал внимание на самой федеративной конструкции, второй и третий, соответственно, на законодательной и исполнительной власти. Четвертый раздел был посвящен законодательной и исполнительной власти в землях. «Такой подход... не свойственен конституциям децентрализованных федераций (например, Швейцарии или ФРГ), в которых внутренняя организация государственной власти в субъектах Федерации отнесена непосредственно к их компетенции» [19, с. 30]. Централизаторская сущность проявилась и в ограниченных полномочиях верхней палаты парламента – **Бундесрата**. При этом произошел отказ от равного представительства земель, что косвенно указывало не столько на уважение к ним, сколько на остроту взаимоотношений между ними. Был заложен принцип, что земля с наивысшей численностью населения направляла 12 представителей, а остальные – пропорционально числу жителей, но не менее трех.

Власть Бундесрата была сильно ограниченной. Он мог лишь временно приостановить решение нижней палаты – Национального совета. В этом случае последний должен был принять повторное решение не менее чем половиной своего состава.

Примечательно, что правительство избиралось на заседании нижней палаты – Национального Совета – поименным голосованием, а президент республики – обеими палатами.

¹ Austrian Constitutional assembly election. – 1919.

Весьма скромными были полномочия и самих земель. В их компетенции остались вопросы культуры, образования, охотничьи права, право на использование земельных участков.

«Федеральная конституция 1920 г. институционализировала участие федерации в законодательстве земель: законодательные решения ландтагов должны быть предложены на рассмотрение федерального правительства, которое (так же, как бундесрат, в отношении решений Национального собрания) имело право выдвинуть возражение. Правда, оно могло быть нивелировано повторным решением ландтага. Однако, ввиду того что возражения федерального правительства определялись прежде всего не партийно-политическими, а предметно-деловыми соображениями, они имели больший вес, чем возражения бундесрата, и зачастую побуждали земли к пересмотру принятых ранее законодательных решений» [20].

Важную роль во взаимоотношениях центра и земель был призван играть **Конституционный Суд**. Австрия стала пионером европейской централизованной модели конституционного правосудия, и здесь обе стороны – центр и земли – могли проверять на соответствие Конституции соответственно федеральные и земельные законы.

Дополнения к первому конституционному документу Австрийской республики были внесены достаточно быстро. В 1925 г. уточнения касались сосредоточения законодательных полномочий в центре, а административных – в землях. **В 1929 г. была изменена форма правления с парламентской на президентскую.** Президент теперь стал назначать кабинет и получил право роспуска законодательной власти, срок его полномочий был увеличен с четырех до шести лет. «Поправками 1925 и 1929 гг. и без того централизованная австрийская федерация подверглась дальнейшей централизации (в частности, в ведении федерации оказалась практически вся социальная политика). Отчасти эта централизация стала результатом противостояния «буржуазного» федерального правительства и новой земли – Вены, являвшейся оплотом социал-демократической партии» [21, с. 114].

Как видим, даже соседние страны демонстрируют больше различий в обстоятельствах федеративного строительства, чем сходства. В итоге степень централизации их различна: от крайне децентрализованного состояния у Швейцарии до относительно сбалансированного положения центра и субъектов в Германской империи и суперцентрализации в Австрийской республике в 1920-е гг.

Исследование необходимо продолжать, включая в него в качестве объекта исследования страны других континентов и разных исторических эпох. Только через историю государства и права, изучаемую на основе методов сравнительного государствоведения и сравнительного правоведения, мы можем попытаться сделать более обоснованные выводы о современном федерализме и, возможно, его будущем.

Библиографический список

1. **Райнхардт, Ф.** История Швейцарии / Ф. Райнхардт. – М., 2013.
2. **Курти, О.** История народного законодательства и демократии в Швейцарии / О. Курти. – СПб., 1900.

3. **Соломонова, С. А.** Федеральная конституция Швейцарии 1848 г. / С. А. Соломонова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 3. – С. 163–167.
4. Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов. Т. II. Федерации и республики / пер. под ред. и со вступ. очерками В. Т. Гессена, Б. Э. Нольде. – СПб., 1907.
5. **Frey, B. S.** Democracy by Competition: Referenda and Federalism in Switzerland / B. S. Frey, I. Bohnet // *Publius*. – Spring 1993. – Vol. 23, № 2. – P. 72–73.
6. **Княгинин, К. Н.** Федеративная территориальная структура Германии: от прошлого к настоящему (Часть 1) / К. Н. Княгинин // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 7. – С. 65–71.
7. **Михайлов, М. И.** Проблемы германской революции 1848 г. / М. И. Михайлов. – М., 1985.
8. **Баев, В. Г.** Германский конституционализм (конец XVIII – первая треть XX вв.). Историко-правовое исследование : моногр. / В. Г. Баев. – Талибов, 2007.
9. **Оболенская, С. В.** Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России / С. В. Оболенская. – М., 1977.
10. **Градовский, А.** Германская конституция / А. Градовский. – СПб., 1876. – Ч. 2.
11. **Власов, Н.** Великий Бисмарк. «Железом и кровью» / Н. Власов. – М., 2011.
12. **Мижухев, П. Г.** Главные федерации современного мира / П. Г. Мижухев. – СПб., 1907.
13. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Т. 2: Современное государство и право / отв. ред. Н. А. Крашенинникова. – М., 2004.
14. **Suval, S.** Electoral Politics in Wilhelmine Germany / S. Suval. – Chapel Hill ; London, 1985.
15. **Воцелка, К.** История Австрии / К. Воцелка. – М., 2007. – С. 349, 350.
16. **Турок, В. М.** Очерки истории Австрии. 1918–1929 / В. М. Турок. – М., 1955.
17. **Schlesinger, Rudolf.** Federalism in Central and Eastern Europe / Rudolf Schlesinger. – London : Kegan Paul, 1945. – P. 248–274.
18. **Gulick, Charles A.** Austria: From Habsburg to Hitler. Vol. I: Labor's Workshop of Democracy / Charles A. Gulick ; with a foreword by Walter Federn. – Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 1948. – P. 84–111.
19. **Жиряков, И. Г.** Форма Австрийского государства / И. Г. Жиряков. – М., 2006.
20. **Жиряков, И. Г.** Австрийский федерализм в 1918–1933 годах – важнейший этап в истории его развития / И. Г. Жиряков // История государства и права. – 2008. – № 4. – С. 32–35.
21. **Лексин, И. В.** Государственное устройство федерации в составе Европейского Союза / И. В. Лексин. – М., 2014.

References

1. Raynkhart F. *Istoriya Shveytsarii* [The history of Switzerland]. Moscow, 2013.
2. Kurti O. *Istoriya narodnogo zakonodatel'stva i demokratii v Shveytsarii* [The history of collective legislation and democracy in Switzerland]. Saint-Petersburg, 1900.
3. Solomonova S. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* [University proceedings. Jurisprudence]. 2005, no. 3, pp. 163–167.
4. *Sovremennye konstitutsii. Sbornik deystvuyushchikh konstitutsionnykh aktov. T. II. Federatsii i respubliki* [Modern constitutions. Collected active constitutional acts. Vol. II. Federations and republics]. Saint-Petersburg, 1907.
5. Frey B. S., Bohnet I. *Publius*. Spring 1993, vol. 23, no. 2, pp. 72–73.
6. Knyagin K. N. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2011, no. 7, pp. 65–71.

7. Mikhaylov M. I. *Problemy germanskoy revolyutsii 1848 g.* [Problems of the German revolution of 1848]. Moscow, 1985.
8. Baev V. G. *Germanskiy konstitutsionalizm (konets XVIII – pervaya tret' XX vv.). Istoriko-pravovoe issledovanie: monogr.* [German constitutionalism (late XVIII – first third of XX centuries)]. Talibov, 2007.
9. Obolenskaya S. V. *Franko-prusskaya vojna i obshchestvennoe mnenie Germanii i Rossii* [The French-Prussian war and public opinion in Germany and Russia]. Moscow, 1977.
10. Gradovskiy A. *Germanskaya konstitutsiya* [The German Constitution]. Saint-Petersburg, 1876, part 2.
11. Vlasov N. *Velikiy Bismark. «Zhelezom i krov'yu»* [The Great Bismarck. “With iron and blood”]. Moscow, 2011.
12. Mizhnev P. G. *Glavnye federatsii sovremennogo mira* [Major federations of the modern world]. Saint-Petersburg, 1907.
13. *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran. T. 2: Sovremennoe gosudarstvo i pravo* [Chrestomathy on the history of state and law of foreign countries]. Red. resp. N. A. Krashenninnikova. Moscow, 2004.
14. Suval S. *Electoral Politics in Wilhemine Germany*. Chapel Hill; London, 1985.
15. Votselka K. *Istoriya Avstrii* [The history of Austria]. Moscow, 2007, pp. 349, 350.
16. Turok V. M. *Ocherki istorii Avstrii. 1918–1929* [Essays on the history of Austria. 1918–1929]. Moscow, 1955.
17. Schlesinger Rudolf. *Federalism in Central and Eastern Europe*. London: Kegan Paul, 1945, pp. 248–274.
18. Gulick Charles A. *Austria: From Habsburg to Hitler. Vol. I: Labor's Workshop of Democracy*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1948, pp. 84–111.
19. Zhiryakov I. G. *Forma Avstriyskogo gosudarstva* [Forms of the Austrian state]. Moscow, 2006.
20. Zhiryakov I. G. *Istoriya gosudarstva i prava* [The history of state and law]. 2008, no. 4, pp. 32–35.
21. Leksin I. V. *Gosudarstvennoe ustroystvo federatsii v sostave Evropeyskogo Soyuza* [The state structure of a federation within the European Union]. Moscow, 2014.

Гуляков Александр Дмитриевич

кандидат юридических наук, доцент,
ректор Пензенского государственного
университета (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: Comp_federalism@yandex.ru

Gulyakov Alexander Dmitrievich

Candidate of juridical sciences, associate
professor, rector of Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 342.1

Гуляков, А. Д.

Процесс учреждения федеративных государств в центре Европы (опыт Швейцарии, Германии, Австрии) / А. Д. Гуляков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 5–18. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-1

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Сравнительное правоведение является самостоятельным направлением правовых исследований методологического характера. С позиций сравнительно-правовой методологии оно призвано обеспечивать функционирование и развитие других юридических наук, в том числе и международно-правового характера. Современная система международного права требует новых подходов в правовом регулировании трансграничных отношений. Кроме того, появляется целое направление в виде интеграционного или трансграничного права. Сравнительное правоведение призвано методологически обеспечить формирование и системное взаимодействие данных научных направлений правового характера.

Материалы и методы. Основой научного исследования взаимодействия сравнительного правоведения и международно-правовых дисциплин является правовая доктрина и юридическая практика, сложившиеся в условиях системного взаимодействия этих научных направлений. Основным методом исследования является сравнительно-правовой прием познания нормативных и доктринальных компонентов, функционирующих в разных правовых системах.

Результаты. Результатом исследования является определение концептуальной методологической роли сравнительного правоведения относительно международно-правовых наук и учебных дисциплин.

Выводы. Сравнительное правоведение выполняет общеправовую методологическую роль относительно познания и преобразования международно-правовых дисциплин. Сравнительно-правовая наука по-разному взаимодействует с международным частным и международным публичным правом, выполняя при этом одинаковую функцию познания инородной правовой материи. Непосредственное влияние сравнительное правоведение оказывает на формирование трансграничного (транснационального) права, осуществляя познание закономерностей функционирования и развития правовых систем современности.

Ключевые слова: сравнение, сравнительное правоведение, международное право, международное частное право, международное публичное право, транснациональное право, правовая система.

А. В. Егоров

COMPARATIVE LAW AND INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Abstract.

Background. Comparative law is a separate area of legal research of methodological character. From the standpoint of comparative legal methodology it is intended to maintain functioning and development of other legal sciences, including the ones of international legal character. The modern system of international law requires new approaches to the legal regulation of cross-border relations. In addition, a new separate direction in the form of integration or cross-border law is ap-

pearing. Comparative law is intended in a methodological way to ensure the formation and systematic interaction of these research directions of legal nature.

Materials and methods. The basis of the research of the interaction of comparative law and international legal disciplines is the legal doctrine and legal practice that have been formed in conditions of system interaction between these research areas. The main research method is the comparative-legal method of cognition of normative and doctrinal components, operating in different legal systems.

Results. The research has resulted in determination of the conceptual-methodological role of comparative law with respect to international legal sciences and academic disciplines.

Conclusions. Comparative law performs a general legal methodological role with respect to cognition and transformation of international legal disciplines. Comparative legal science interacts differently with international private and international public law, while fulfilling the same function of cognition of a foreign legal matter. Comparative law has the direct influence on the formation of cross-border (transnational) law, implementing the knowledge of laws of functioning and development of modern legal systems.

Key words: comparison, comparative law, international law, international private law, international public law, transnational law, legal system.

Сравнительное правоведение и международно-правовые науки соотносятся как направления, хотя и предполагающие использование национального правового материала, но абсолютно независимые в плане формирования общих подходов к оценке правовой действительности транснационального уровня. Р. Давид после изложения вопросов о лучшем знании и совершенствовании национального права с помощью сравнительно-правовой науки переходит к констатации факта об отраслевом влиянии правовой компаративистики на международное публичное и международное частное право. Причем прагматика излагаемых вопросов находит свое выражение в вопросах международной унификации права [1, с. 11–14]. В связи с этим возникает важный вопрос: может ли сравнительно-правовая наука иметь идентичное, единообразное влияние на всю сферу международно-правового регулирования?

Если исходить из факта и потребностей внутриотраслевой дифференциации международного права, то такая его важная часть, как международное частное право, хотим мы того или нет, отходит к сфере национального права, пусть и с большим удельным весом международных источников регулирования частноправовых отношений. И тогда влияние сравнительного правоведения обнаруживает себя на уровне отраслевой юридической науки частноправового характера. Публичный характер другого звена международной правовой науки – международного публичного права – не позволит нам говорить об общеправовом влиянии сравнительного правоведения на процесс и результат формирования норм международного права, так как в процессе международного нормотворчества мы сталкиваемся с природой первичности и приоритетности в правовом регулировании общих материальных объектов – космоса, океана, воздушного пространства и т.д. Международное публичное право просто проигнорирует какую бы то ни было природу другого так называемого общего регулятора методологического плана. Попытки объяснить необходимость проведения сравнения национальных подходов относительно регулирования того или иного объекта не имеют своих дальнейших проявлений в плоскости международного познания уже существующих в междуна-

родной сфере процедур, механизмов и методик разработки правовых регуляторов. Данная сфера имеет свой огромный опыт формирования норм и практику их применения на макроуровне правовых отношений. Можно ли в таком случае говорить о каком-либо влиянии сравнительного правоведения на международное публичное право?

Представляется, что решение этого вопроса должно носить комплексный системный характер. Суть проблемы кроется в общеправовом значении сравнительного правоведения как науки, специализированно изучающей иностранный фрагмент правовой действительности. Общеправовому влиянию на уровне международного права (в его широком понимании) подвергаются не сами нормы или процесс их появления и применения, а доктрина формирования трансграничной правовой системы, которая может носить и частный, и публичный, и даже смешанный характер. Компаративный правовой элемент, исходя из своей природы инородности, способности к сравнению и обусловленности географическими и временными рамками своего существования, как нигде обнаруживает свое присутствие в сфере международно-правового регулирования. Общеправовой потенциал сравнительного правоведения реализует себя в системном виде, формируя правовую транснациональную систему. А международная унификация права, ранее определяемая Р. Давидом «как одна из важнейших задач нашего времени» [1, с. 13], сегодня рассматривается в качестве всего лишь одного из средств формирования транснациональных правовых регуляторов.

Вопросы формирования транснациональной (трансграничной) правовой системы носят достаточно самостоятельный характер. Но стоит затронуть некоторые общеправовые направления взаимодействия сравнительного правоведения со сферой международно-правового характера.

Сравнительное правоведение взаимодействует с международно-правовыми формами на доктринальном уровне. Основным общеправовым фактором, определяющим данную доктрину, является социокультурная реальность, в которой формируется международное право. В сравнительно-правовом плане речь идет о влиянии типов правовых культур, которые формируются в условиях правовых семей романо-германского, англосаксонского и религиозно-общинного типов. Сравнительное правоведение формирует доктринальную базу для определения понятия и содержания данных формально-правовых общностей. Международное право не испытывает непосредственного влияния правовых семей на свою нормативную базу, но традиции формирования и применения правовых регуляторов, формирующиеся в недрах правовых семей, находят свое выражение в международном нормотворчестве и применении международных норм. Общеправовой модельный характер типов правопонимания и характера нормативной общности, отношение к традиционным и нетрадиционным источникам права влияют на всю сферу международно-правового регулирования.

Немаловажным фактором, определяющим данную систему, является формирование типа юридического мышления, которое перерастает рамки национального правосознания. Этот компонент также включается в систему воздействия правовых традиций на международно-правовое регулирование общественных отношений. Таким образом, общеправовое влияние сравнительного правоведения на международное право сказывается в процессе и

в результате обоснования типов правовых семей современности, «трихотомия» которых сохраняется в виде романо-германской, англосаксонской и религиозно-традиционной правовых общностей.

Еще одной составляющей общеправового влияния сравнительно-правовой науки на международно-правую сферу является совместно интегрированное с общей теорией права понимание правовой системы. В отличие от общетеоретического понятия, сравнительное правоведение вырабатывает собственное определение правовой системы, отодвигая компонент национальности на второй план. Такой подход воспринимает и международное право, в поле зрения которого находятся объекты и предметы правового регулирования, лишенные национальных особенностей. Международная сфера формируется как система нормативно согласованного регулирования, и вопросы особенностей национального применения норм не составляют предмет ее регулятивного внимания. Важный аспект приведения международного права в плоскость исполнения его норм может варьироваться на этапе ратификации международных договоров или инкорпорации международных норм в систему национального законодательства. В основном этот аспект составляет предмет интереса внутригосударственного права. Международную сферу больше интересует результат реализации принятых норм.

Что касается определения сравнительно-правовой наукой структуры правовой системы с ее общими компонентами нормативного характера – правотворчества, правоприменения и правосознания, то данный аспект интересен в научном плане для формирующейся системы транснациональных отношений. Конечно же, вопросами структурного содержания компонентов правовой системы занимается общая теория права. Сравнительное правоведение, опираясь на данный методологический опыт, проводит свое дифференцируемое определение национальной правовой системы в виде общесемейных, внутригрупповых и национально-специфических признаков, определяющих правовую систему в качестве объекта сравнительного правоведения. Такой анализ проводится относительно каждого из выделяемых в традиционной структуре правовой системы компонента – источников и системы права, нормы права и ее характера и т.д. Международно-правовую сферу интересует макроуровень определяемых компонентов, тех же общесемейных и внутригрупповых признаков правовых систем, поскольку сама природа транснациональной системы не предполагает наличия признаков национальности. Сегодня формирующаяся новая система «транснациональности» правовых компонентов еще далека от качественного состояния и функционирования своих элементов. Но она получает полезный материал от науки сравнительного правоведения в виде общеправового ориентира на названные компоненты структурного характера с учетом внутрисемейной дифференциации правовых традиций относительно всех формальных звеньев – от нормы права до типа юридического мышления.

Что касается некоторого отграничения частноправовой сферы международного регулирования от публичного компонента международных отношений, то необходимо указать на то, что национальные трактовки определения международного частного права достаточно разнообразны, но не влияют на характер восприятия общеправовой константы понимания макрорегуляторов на международном уровне. Необходимо различать ту часть междуна-

родных регуляторов, которая перестала быть транснациональной и перешла в разряд национальных регуляторов, и ту ее часть, которая ни при каких условиях не станет узконациональной по объективным причинам. Так, определение правового статуса субъектов, их льготный режим, порядок реализации объема предоставленных прав и т.п. традиционно будут рассматриваться с позиций национальных регуляторов. Но само понимание статусного определения субъектного состава, принципов реализации правомочий, сам факт необходимости установления различного рода преференций будут рассматриваться независимо от специфики макросистемы в любых макроусловиях существования субъектов правовых отношений.

Необходимо учитывать роль сравнительного правоведения и в выработке понятийно-категориального аппарата, используемого международным правом. Нельзя сказать, что сравнительно-правовая наука вырабатывает какие-то особые, отличные от общеправовых терминов понятия и категории для сферы международно-правового регулирования. Сравнительное правоведение, будучи наукой общеправового значения, само определяет вектор поведенческого интереса по отношению к национальным и международным сферам. Достаточно трудно разграничить проблемы правопонимания для обеих сфер. Также непросто определить разные механизмы правовой интеграции или правовой рецепции международных норм в тех или иных национальных условиях. Проблематично сформулировать понятийно-категориальный аппарата международного права, отличный от национального восприятия правовыми системами. Но необходимо отметить, что концентрированное выражение социального явления в правовой форме, возможно, отличается на уровнях национального восприятия. Попытки вывести национального правоприменителя на принципы *lex fori* не имеют должного результата, поскольку любое желание приблизить трансграничное явление к национальным условиям нивелирует авторитет общих правовых регуляторов. Теория «автономной квалификации», зародившаяся в недрах науки международного частного права, не находит активного использования ни в международной науке, ни в национальной практике. Но необходимо отметить, что в последнее время общие правовые понятия стали формировать свой содержательный потенциал, не прибегая к помощи международных конвенций. Происходит доктринальное сближение понятийно-категориального аппарата разных правовых систем. В этом видится роль и участие сравнительного правоведения, которое и в данном случае срабатывает на уровне доктринальных компонентов юридической науки.

Общеправовая роль сравнительного правоведения в формировании единого понятийно-категориального аппарата реализуется посредством интеграции правовых систем современности. Такие тенденции обнаруживаются во всех сферах правового регулирования. Так, если ранее мы говорили о понятии «иностранного элемента» применительно лишь к сфере международного частного права, то сегодня рядом исследователей выдвигается гипотеза общетеоретического определения места и роли иностранного элемента в национальном праве [2]. Процессом сближения отраслей права детерминировано сегодня развитие многих компонентов национального законодательства, о чем специалисты делают достаточно категоричные заявления, что следует из самих названий работ [3].

Все это свидетельствует о воздействии сравнительного правоведения, как его теоретической, так и практической составляющих, на сферу международно-правовых отношений посредством сближения национальных правовых компонентов макроуровневого характера. Критерием и мерой концентрированного выражения сравнительного правоведения в международном праве опять же является понятийно-правовое единство двух крупных систем правового регулирования. Интеграция данных сфер – международной и национальной – обусловлена наличием именно такого выраженного единства в понятиях и категориях правового характера. Существует не только единство в сравниваемых объектах, что логично предполагает возможность проведения сравнения. Данное единство кроется в существовании одной и той же правовой природы общественного организма. Международное и национальное право имеют общие истоки при определенной разнице в механизмах правового регулирования. Как справедливо отмечал В. С. Нерсисянц, сравниваемые объекты, являющиеся достаточно разными по своей специфике, социально-исторической развитости и даже по терминологическим особенностям, представляют собой различные «проявления одной и той же правовой сущности» [4, с. 5]. Данная правовая сущность в качестве важного составляющего звена заложена в определении компаративного правового элемента как объекта сравнительного правоведения. Этим сравнительно-правовая наука отличается от иных компаративных направлений исследования окружающей действительности, близко граничащих с правовой сферой, – сравнительного государствоведения, сравнительной политологии и т.д. Потенциал компаративного правового элемента определяет общеправовую природу сравнительно-правовой науки, поскольку частные правовые исследования, дифференцируемые на уровне отраслевых юридических наук, не могут сформулировать общие установки взаимодействия сравнительного правоведения с другими правовыми науками. Подобно тому и так называемые отраслевые компаративные науки, не имея в своем составе общего компаративного объекта, не могут рассматриваться направлениями, оторванными от общеправовой науки. Их взаимодействие с наукой сравнительного правоведения требует отдельного рассмотрения.

Библиографический список

1. **Давид, Р.** Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози ; пер. с фр. В. А. Туманова. – М. : Международные отношения, 1997. – 400 с.
2. **Егорова, А. Г.** Национальное право и иностранный элемент / А. Г. Егорова // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D, Экономические и юридические науки. – 2013. – № 6. – С. 176–178.
3. **Наумов, А. В.** Сближение правовых систем как результат развития уголовного права XX века и его перспектива в XXI веке / А. В. Наумов // Государство и право. – 1998. – № 6. – С. 50–58.
4. **Нерсисянц, В. С.** Сравнительное правоведение в системе юриспруденции / В. С. Нерсисянц // Государство и право. – 2001. – № 6. – С. 5–15.

References

1. David R., Zhoffre-Spinozi K. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [Main contemporary legal systems]. Transl. from French by V. A. Tumanov. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1997, 400 p.

2. Egorova A. G. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. D, Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Series: Economic and juridical sciences]. 2013, no. 6, pp. 176–178.
3. Naumov A. V. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 1998, no. 6, pp. 50–58.
4. Nersesyants V. S. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2001, no. 6, pp. 5–15.

Егоров Алексей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
ректор Витебского государственного
университета им. П. М. Машерова
(Беларусь, г. Витебск, Московский
проспект, 33); член Международной
академии сравнительного права

E-mail: vsu@vsu.by

Egorov Aleksey Vladimirovich

Candidate of juridical sciences, associate
professor, rector of Vitebsk State University
named after P. M. Masherov (33 Moskovsky
avenue, Vitebsk, Belarus); Member
of the International Academy
of Comparative Law

УДК 340.5

Егоров, А. В.

Сравнительное правоведение и международно-правовые науки /
А. В. Егоров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.
Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 19–25. DOI: 10.21685/2072-
3016-2017-1-2

ПРИНЦИП СОРЕГУЛИРОВАНИЯ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. В соответствии со ст. 32 Конституции РФ каждый гражданин может участвовать в управлении делами государства как лично, так и через своих представителей. Данное полномочие соотносится с понятием демократического государства, которое провозглашено как характеристика Российской Федерации в основах конституционного строя. Одновременно это предполагает различные формы участия граждан (их объединений) в регулировании общественных отношений. Одной из таких форм выступает сорегулирование. Цель работы – определить основные характеристики принципа сорегулирования в конституционном праве, провести анализ его содержания.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа действующих нормативных актов, определяющих порядок принятия правовых актов совместно органами государственной власти и негосударственными организациями. В качестве методов исследования были использованы метод анализа нормативно-правового регулирования, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Результаты. Выделены особенности содержания принципа сорегулирования в конституционном праве. Определены требования к его реализации в текущей управленческой деятельности государства.

Выводы. Подчеркивается, что принцип сорегулирования реализуется в Российской Федерации в весьма ограниченном виде. Наиболее ярко принцип сорегулирования проявляется в принятии нормативных актов государственным органом совместно с негосударственной организацией.

Ключевые слова: сорегулирование, саморегулирование, государственная власть, делегирование.

O. V. Romanovskaya

THE PRINCIPLE OF CO-REGULATION IN CONSTITUTIONAL LAW

Abstract.

Background. In accordance with Article 32 of the Constitution of the Russian Federation, every citizen can participate in management of state affairs, both personally and through their representatives. This authority corresponds to the notion of a democratic state, which is proclaimed as a characteristic of the Russian Federation in the foundations of the constitutional system. At the same time, it assumes different forms of citizen participation (associations) in the regulation of social relations. One of these forms is co-regulation. The objective of the work is to determine basic characteristics of the co-regulation principle in constitutional law, to analyze its contents.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-50051.

Materials and methods. The research tasks were implemented on the basis of an analysis of the existing legislation, determining the order of adoption of legal acts jointly by public authorities and non-governmental organizations. The study was implemented through the method of analysis of legal regulation, the formal legal and comparative legal methods.

Results. The article presents the features of the content of the co-regulation principle in constitutional law, as well as the requirements for its implementation in the current management of the state.

Conclusions. It is emphasized that the co-regulation principle is implemented in the Russian Federation in a very limited way. The principle of co-regulation is most clearly manifested in the adoption of normative acts of state bodies, together with non-governmental organization.

Key words: co-regulation, self-regulation, government, delegation.

В соответствии со ст. 32 Конституции РФ каждый гражданин может участвовать в управлении делами государства как лично, так и через своих представителей. Данное полномочие соотносится с понятием демократического государства, которое провозглашено как характеристика Российской Федерации в основах конституционного строя. Одновременно это предполагает различные формы участия граждан (их объединений) в регулировании общественных отношений. Одной из таких форм выступает сорегулирование, под которым традиционно в юридической науке понимается совместное регулирование общественных отношений институтами гражданского общества, коммерческими организациями и органами государственной власти [1, 2]. Изначально сделаем ремарку, что столь простое определение нуждается в значительных уточнениях, которые будут сделаны в рамках данного научного исследования.

Проблема сорегулирования актуализируется коренными изменениями, прошедшими в экономической системе нашего государства, и последовательным строительством рыночной экономики с развитой институциональной инфраструктурой. Непосредственное государственное регулирование в некоторых случаях тормозит инициативную предпринимательскую деятельность. Участие государства в этом случае подвергается критике, а на смену непосредственному вмешательству со стороны органов власти в экономическую деятельность приходят новые модели, которые совмещают регулятивные функции с творчеством субъектов, подлежащих данному регулированию [3].

Наиболее ярко принцип сорегулирования проявляется в принятии нормативных актов государственным органом совместно с негосударственной организацией. Кроме того, подобная практика, на первый взгляд, «ломает» стереотип монополии государства на принуждение. Напомним, еще классик отечественной юриспруденции Н. М. Коркунов указывал на «монополизацию принудительного властвования государством» [4]. Данный вывод подтверждается и зарубежной доктриной: «Согласно принципу международного права каждое государство обладает монополией на принуждение в пределах своей территории» [5].

Принятие нормативных актов совместным решением органа государственной власти и негосударственной организации – стабильная практика Советского государства. Например, значительное число документов в сфере

трудового законодательства оформлялось решением Наркомата труда РСФСР и Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов: Постановление НКТ РСФСР, ВЦСПС 1921 г. «О переводе и командировках женщин, подростков и малолетних», Постановление ВЦСПС, НКТ РСФСР, Наркомюста РСФСР от 14 октября 1922 г. «О посылке на работу членов артелей товариществами (артелями) ответственного труда» и др. Наиболее значимые документы для государства в целом утверждались совместным решением Совета Министров СССР и ЦК КПСС. В 1976 г. повышение минимальной заработной платы рабочих и служащих до 70 рублей было оформлено Постановлением ЦК КПСС, Совмина СССР, ВЦСПС от 24 декабря 1976 г. № 1059. В нем подчеркивалось, что оно принято «в соответствии с Основными направлениями развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 годы, утвержденными XXV съездом КПСС». В качестве характерного примера можно привести также Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 17 июля 1987 г. № 819 «О перестройке финансового механизма и повышении роли Министерства финансов СССР в новых условиях хозяйствования». Данный документ начинался следующими словами: «Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР отмечают, что выполнение решений XXVII съезда партии, июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС по коренной перестройке управления экономикой требует осуществления принципиально новой финансовой политики, проведения радикальной реформы финансового механизма, усиления его воздействия на ускорение социально-экономического развития страны, рост эффективности общественного производства и укрепление финансов государства, расширение хозяйственной самостоятельности и повышение ответственности предприятий (объединений)».

Подобные решения являлись логическим продолжением ст. 6 Конституции СССР от 7 октября 1977 г., согласно которой руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций являлась Коммунистическая партия Советского Союза. Конституция прямо предусматривала: «Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма». Особый статус КПСС как фактического центра осуществления государственной власти был констатирован в Постановлении Конституционного Суда РФ от 30 ноября 1992 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 г. № 79 “О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР”, от 25 августа 1991 г. № 90 “Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР” и от 6 ноября 1991 г. № 169 “О деятельности КПСС и КП РСФСР”, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР». В Постановлении подчеркивалось, что в стране в течение длительного времени господствовал режим неограниченной, опирающейся на насилие власти узкой группы коммунистических функционеров, объединенных в политбюро ЦК КПСС во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС. Конституционный Суд РФ указал, что руководящие структуры КПСС и КП РСФСР присвоили

государственно-властные полномочия и активно их реализовывали, препятствуя нормальной деятельности конституционных органов власти.

С изменением модели государственного строительства проблема сорегулирования вышла на иной уровень. Если обратиться к Основам конституционного строя (гл. 1 Конституции РФ), то нетрудно увидеть перечень субъектов, уполномоченных на осуществление государственной власти. Статья 10 Конституции РФ устанавливает, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Статья 11 непосредственно очерчивает круг субъектов каждой ветви власти. На федеральном уровне – это Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации. Уровень субъектов Российской Федерации представлен теми органами, которые образуются ими (субъектами) самостоятельно (с учетом Основ конституционного строя и общих принципов, установленных федеральным законом). Конституция РФ ни в одной своей статье не допускает делегирование государственно-властных полномочий негосударственным организациям, хотя его целесообразность в некоторых сферах признана большинством ученых-юристов. В результате делегирования решается ряд задач, которые приводят к совершенствованию механизма государственного управления: вовлечение граждан в систему публичной власти, осуществление полномочий теми, кто наиболее эффективно их сможет реализовать, появление общественного контроля, повышение инициативности институтов гражданского общества и др. Одной из форм делегирования полномочий выступает сорегулирование. Точнее, сорегулирование – некая промежуточная стадия между государственным регулированием и полным делегированием полномочий.

Настороженность к институту сорегулирования, которая все-таки присутствует, объясняется как раз негативным советским опытом, когда, по сути, общественная организация (КПСС) присвоила себе властные функции, выступая не просто политической основой общества, а выполняя полномочия органов всех ветвей власти: и законодательной, и исполнительной, и судебной. Однако опыт принятия совместных нормативных актов органом государственной власти и организации частного права до конца не изжит. Так, ст. 2 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» устанавливает, что перечень объектов трансплантации определяется Минздравом России совместно с Российской академией наук. Аналогичная норма есть в ст. 4 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» применительно к перечню учреждений здравоохранения, осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и (или) тканей человека. Данные полномочия были реализованы в виде двух совместных приказов: № 306н, 307н (Минздрава России) и № 3, 4 (РАН). Согласно ст. 2 Федерального закона от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Российская академия наук является федеральным государственным бюджетным учреждением. Подобное правило не позволяет РАН отнести ни к органам государственной власти, ни к государственным органам. Есть определенные претензии к статусу РАН – организации, созданной на корпоративных прин-

циях, но в форме учреждения. Произошло определенное огосударствление Академии, что вряд ли можно назвать удачным способом решения накопившихся проблем в современной науке. По-видимому, поэтому в академическом сообществе регулярно происходят медийные скандалы, да и высокими достижениями по многим направлениям российская наука, к сожалению, похвастаться не может.

Сорегулирование присутствует в нотариальном законодательстве. В соответствии с Основами законодательства РФ о нотариате ряд нормативных актов принимается совместным решением Минюста России и Федеральной нотариальной палаты (далее – ФНП). Согласно ст. 29 Основ о нотариате Федеральная нотариальная палата является некоммерческой организацией, представляющей собой профессиональное объединение нотариальных палат республик в составе Российской Федерации, автономной области, автономных округов, краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга, основанное на их обязательном членстве. Как видно, ФНП к органам государственной власти не относится, ее организационно-правовая форма – некоммерческая организация, т.е. субъект частного права. Между тем в соответствии с Основами о нотариате Минюст России совместно (именно такая формулировка используется в законе) с ФНП утверждает Порядок сдачи квалификационного экзамена у лиц, желающих стать нотариусами (ст. 3.1), Положения о квалификационной и апелляционной комиссиях (ст. 4), Порядок осуществления контроля за исполнением правил нотариального делопроизводства (ст. 9), Порядок определения должностей нотариусов в нотариальном округе (ст. 12). Есть некоторые особенности принятия Кодекса профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (ст. 6.1). Изначально он принимается собранием представителей нотариальных палат, которое не имеет своего оформления в виде юридического лица. Уже по принятии утверждается Министерством юстиции РФ. В данном случае можно наблюдать различные подходы к сорегулированию: совместное принятие нормативного акта; принятие акта негосударственной организацией и последующее утверждение органом государственной власти.

К подобной практике, принятой в нотариальном законодательстве, предъявлялись серьезные претензии:

1. Нормативные акты обязательны как для нотариусов, которые работают в государственных нотариальных конторах, так и для нотариусов, занимающихся частной практикой. Таким образом, решения некоммерческой организации (ФНП) становятся обязательными для государственных служащих. Государственные нотариусы не являются членами нотариальной палаты. В данном случае можно парировать, что государственных нотариусов в России практически не осталось, счет идет на единицы.

2. Непонятна природа правового акта, утверждаемого федеральным органом исполнительной власти и негосударственной организацией. Как было упомянуто выше, ни Конституция РФ, ни любой иной закон не дает прямого обоснования включения такого вида правового акта в правовую систему нашего государства. Однако отсутствует и прямой запрет.

3. Совместное принятие нормативных актов напоминает советскую историю права, когда практически все наиболее значимые государственные решения утверждались Советом Министров СССР и ЦК КПСС. В этом виде-

лось проявление социалистической демократии, но с тоталитарным оттенком. Необходимо размежевание от негативного опыта советского прошлого.

Есть и иные сложности в практике сорегулирования. Так, проблематично определить официальное издание нормативных актов, принимаемых совместно органами юстиции и нотариальной палатой. Указ Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента РФ, Правительства РФ и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» устанавливает обязательность опубликования и государственной регистрации указанных документов, если они изданы федеральными органами исполнительной власти. Исключение предусмотрено только в отношении актов или отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера. Указ устанавливает перечень официальных изданий, сроки опубликования. Кстати, первоначальные редакции нормативных актов, принятых ФНП и Минюстом РФ, не были официально опубликованы. Массовый читатель мог с ними ознакомиться только в различных сборниках или справочных информационных системах, пока не появился судебный прецедент признания подобных актов, не подлежащих применению. 4 августа 1998 г. Верховный Суд РФ принял решение по жалобе закрытого акционерного общества «Коммерсантъ. Издательский Дом» о признании незаконным Положения о порядке выдачи лицензий на право нотариальной деятельности, утвержденного Министерством юстиции РФ 22 ноября 1993 г. Суть дела состоит в следующем. ЗАО обратилось в Верховный Суд РФ с вышеуказанным требованием, как раз сославшись на то, что принятое Министерством юстиции РФ Положение – в нарушение требований, действовавших на то время, Указа Президента РФ от 21 января 1993 г. № 104 «О нормативных актах центральных органов государственного управления Российской Федерации» и Постановления Правительства РФ от 8 мая 1992 г. № 305 «О государственной регистрации ведомственных нормативных актов» – не прошло государственную регистрацию и не было опубликовано в установленном порядке для всеобщего сведения. Требования заявителя были удовлетворены Верховным Судом РФ в полном объеме [6].

Пункт 10 упомянутого Указа Президента РФ так определяет правовые последствия неопубликования актов: «Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, кроме актов и отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера, не прошедшие государственную регистрацию, а также зарегистрированные, но не опубликованные в установленном порядке, не влекут правовых последствий как не вступившие в силу и не могут служить основанием для регулирования соответствующих правоотношений, применения санкций к гражданам, должностным лицам и организациям за невыполнение содержащихся в них предписаний. На указанные акты нельзя ссылаться при разрешении споров».

В том числе и благодаря вышеизложенному решению Верховного Суда РФ в последующем нормативные акты были утверждены в новых редакциях. Например, Положение о квалификационной комиссии по приему экзамена у лиц, желающих получить лицензию на право нотариальной деятельности, было утверждено в 2000 г., а его текст был опубликован и в «Российской га-

зете», и в Бюллетене нормативных актов федеральных органов исполнительной власти.

Следует обратить также внимание на такой момент, как отсутствие общих правил принятия совместных нормативных актов. Если обратиться к Правилам подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009, то можно прийти к выводу, что логика Правил вообще исключает какое-либо участие негосударственных организаций в их непосредственном принятии. Пункт 3 лишь допускает, что «нормативный правовой акт может быть издан совместно несколькими федеральными органами исполнительной власти или одним из них по согласованию с другими». Негосударственная организация как полноправный субъект Правилами не упоминается.

Принцип сорегулирования стал активнее пропагандироваться в программных актах. Так, Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2020 г. (утверждена Приказом Минтранса РФ от 12 мая 2005 г. № 45) выделяет такое направление совершенствования антимонопольного регулирования, как формирование процедур сорегулирования, «позволяющих формировать требования и условия доступа к оказанию услуг с привлечением организаций операторов, пользователей и их объединений». Сорегулирование медиа и государства как один из возможных вариантов регулирования информационного потребления с целью обеспечения безопасности детей упомянуто в Концепции информационной безопасности детей (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 2 декабря 2015 г. № 2471-р). Причем именно этот вариант отмечен как наиболее перспективный для нашего государства. Есть и иной пример. Концепция совершенствования механизмов саморегулирования (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 2776-р) проводит размежевание саморегулирования и сорегулирования.

Прочтение программных документов указывает на то, что понятие сорегулирования включает в себя различные элементы и, главное, – различные модели, которые могут быть использованы в реальной управленческой практике:

1. Сорегулирование определяется как дублирование требований законодательства, уточнение их действия [7]. С таким пониманием следует не согласиться. Статья 2 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» определяет: «Под саморегулированием понимается самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил». Как видно, основной акцент сделан на самостоятельность и инициативность. Кроме того, дублирование правовых предписаний всегда рассматривалось как нарушение принципов юридической техники – экономии норм при изложении правовых предписаний, недопущения их повторов [8, 9].

2. Сорегулирование рассматривается как элемент взаимодействия двух уровней публичной власти: государственной и муниципальной. В этих рам-

ках к сорегулированию будет относиться: а) долгосрочные договоры о сотрудничестве; б) участие в целевых комплексных программах; в) выполнение заказов для государственных и муниципальных нужд; г) совместные проекты [10]. Если брать за основу такой подход – соучастие в публичном управлении разноуровневых субъектов – тогда следует обратиться к ст. 19 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: «Полномочия органов местного самоуправления, установленные федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, по вопросам, не отнесенным в соответствии с настоящим Федеральным законом к вопросам местного значения, являются отдельными государственными полномочиями, передаваемыми для осуществления органам местного самоуправления». Данное установление имеет конституционную основу, поскольку ст. 132 Основного закона нашего государства предусматривает возможность такого делегирования. Конституция РФ специально дополняет, что реализация переданных полномочий подконтрольна государству.

3. Сорегулирование может рассматриваться как форма участия негосударственных организаций в текущей управленческой деятельности регулирующего органа. Одной из разновидностей сорегулирования в представленной форме может быть создание особого органа управления, в котором присутствует представительство как государства, так и основных участников регулируемой деятельности. В качестве специального примера можно привести Наблюдательный совет Совета рынка, предусмотренный ст. 33 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике». Сам Совет рынка является некоммерческой организацией, которая образована в организационно-правовой форме ассоциации (союза) в виде некоммерческого партнерства и объединяет на основе членства субъектов электроэнергетики и крупных потребителей электрической энергии. На основании закона в состав Наблюдательного совета входят: восемь представителей, уполномоченных Правительством Российской Федерации; пять представителей продавцов электрической энергии; пять представителей покупателей электрической энергии; четыре представителя организаций коммерческой и технологической инфраструктур. Необходимо отметить, что может присутствовать и обратная формула, когда государство внедряет своего представителя в негосударственную организацию для обеспечения реализации своих интересов. В качестве примера следует привести назначение представителя Российской Федерации в состав совета директоров (наблюдательного совета) банка, в отношении которого принято решение об удовлетворении предложения об участии этого банка в процедуре повышения капитализации. Положение о таком представителе утверждено Постановлением Правительства РФ от 11 мая 2010 г. № 325. Такая практика имеет расширенный характер, охватывает многие сферы общественной деятельности, например Постановление Правительства РФ от 14 марта 2006 г. № 133 «О порядке назначения и деятельности представителей государства в управляющих комитетах, создаваемых в соответствии с условиями соглашений о разделе продукции».

4. Сорегулирование может рассматриваться в широком смысле, как любое соучастие в деятельности официальных институтов государства и местного самоуправления. Так, А. В. Белицкая трактует сорегулирование бизне-

са и власти как совместное регулирование тех или иных общественных отношений государством и представителями определенных кругов бизнеса (долгосрочные публичные договоры о сотрудничестве, участие в целевых комплексных программах, некоторая «самостоятельность» представителей бизнеса в рамках государственного управления, выполнение заказов для государственных и муниципальных нужд, совместные государственно-частные проекты, государственная поддержка малого и среднего бизнеса, дерегулирование, т.е. передача отдельных функций государственных органов саморегулируемым и иным негосударственным организациям) [11]. Если отойти от связки «бизнес – власть», то такое толкование сорегулирования совпадает практически с любыми формами участия граждан в управлении делами государства. Наиболее распространенной формой сорегулирования (в представленном понимании) будет участие представителей общественности в различных консультативных органах. Например, согласно Положению об Общественном совете при Министерстве внутренних дел РФ, утвержденному Указом Президента РФ от 28 июля 2011 г. № 1027, Общественный совет при Министерстве внутренних дел РФ является совещательным органом и образуется в целях обеспечения **согласования** общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также общественных объединений, правозащитных, религиозных и иных организаций, профессиональных объединений предпринимателей и решения наиболее важных вопросов деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, в том числе полиции. В соответствии с Указом Президента РФ от 28 декабря 2001 г. № 1500 на территории каждого субъекта РФ образована комиссия по вопросам помилования, в состав которой входят не менее двух третей представителей общественности. Есть представители общественности и в составе квалификационных коллегий судей (как на федеральном, так и на региональном уровнях) [12]. А. Ф. Алгазина приводит также такой пример сорегулирования, как деятельность Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей и уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах РФ. Автор обосновывает это тем, что назначение на должность происходит с учетом мнения предпринимательского сообщества [13]. Однако данный аргумент вряд ли можно признать весомым.

5. Сорегулирование иногда понимается как достижение частными компаниями целей, определенных законодательными властями [14]. В этом аспекте негосударственному сектору выделяется роль пассивного участника. Государство определяет цели, формы достижения указанных целей – прерогатива частных организаций. Подобное сорегулирование осуществляется под надзором со стороны государственных органов. Такое понимание созвучно с трактовкой сорегулирования как разновидности государственного регулирующего воздействия [15]. В этом случае указывается на функциональную субсидиарность [16]. Заслуживает внимание мнение Е. А. Войниканис: «Сорегулирование определяется как определенный механизм, когда на основе нормативного акта ответственность за достижение цели, определенной законодательным органом (т.е. на уровне закона), закрепляется за негосударственными организациями, признанными в определенной сфере (экономиче-

скими субъектами, некоммерческими организациями, ассоциациями)». Основой такого сорегулирования выступает адаптация законодательства к тем насущным проблемам, которые имеют высокий динамизм развития. Это способствует также упрощению самого законодательства. Е. А. Войниканис специально подчеркивает преимущества сорегулирования: государство не передает все полномочия частному сектору, что придает и деятельности частных организаций большую степень легитимности. Субъекты же экономической деятельности получают гарантии стабильности своего статуса [17]. М. А. Егорова также подчеркивает, что при двойном регулировании не предполагается полного отстранения государства от процессов контроля за деятельностью субъектов частного права [18].

Таким образом, сорегулирование – перспективное направление в практике регулирования общественных отношений, но оно должно отвечать определенным требованиям, которые сформулируем в виде тезисов:

1. Должен присутствовать институциональный аспект – наличие субъектов сорегулирования. Действительно, если нет субъекта, с которым государство может осуществлять регулятивную функцию, то вопрос о сорегулировании отпадает сам собой. Одновременно должны предъявляться и специальные требования к институтам. Во-первых, у сорегулятора должны быть позитивные намерения. Инициатива взятия на себя бремени осуществления части государственных полномочий не должна быть «тройным конем», когда частный сектор под видом оказания помощи государству на самом деле преследует узкокорпоративные цели. Кроме того, углубление в публичные функции в последующем позволит частному сектору уже продавливать собственные интересы вопреки общественным. Во-вторых, основные качества сорегулирования – это взаимодействие и сотрудничество. Если каждая сторона настроена на конфликт и не имеет желания договариваться, в том числе, путем сознательного самоограничения собственных интересов, то сорегулирование – бесперспективный путь. В-третьих, значимый аспект – доверие государства к сорегулятору. Достаточно вспомнить затянувшийся конфликт между Минюстом России и нотариальным сообществом, который приводил лишь к тому, что нотариат последовательно выдавливался из гражданского оборота. Поскольку основным регулятором общественных отношений с возможностью принуждения выступает государство, то именно от его доверия к сорегулятору следует отталкиваться при анализе рассматриваемого явления.

2. Должен соблюдаться критериальный аспект – закон должен определять критерии сорегулирования. Происходит определенная гибридизация правотворческого процесса, когда на основе законодательного предписания нормы права будут создаваться смешанными институтами, не имеющими подлинную государственно-властную сущность. Налицо также субсидиарность – делегирование государственно-властных полномочий. Делегирование выступает предпосылкой сорегулирования. Необходимо соблюдение критерия пропорциональности – предоставление адекватных правил, сочетание свободы и ответственности. Правоустанавливающие нормы должны предусмотреть такую модель сорегулирования, которая будет способствовать гибкости системы, а не, наоборот, тормозить текущую регулятивную деятельность. Свобода участников управленческого процесса должна сочетаться с четким механизмом ответственности за выполнение публичной функции.

3. Прозрачность системы. Должен присутствовать долгосрочный общественный контроль за сорегулированием. Один из основных недостатков децентрализации власти путем вовлечения в процесс ее реализации негосударственных институтов обозначается в западноевропейской доктрине крылатым выражением «лиса отвечает за курятник» [19]. Общественный контроль призван нивелировать приведенные опасения. Прозрачность системы должна достигаться также различными механизмами: открытостью реестра участников сорегулирования; необходимостью сорегулятора опубликовывать некоторые данные собственной деятельности, даже если они не имеют непосредственного отношения к сорегулированию; открытостью процедур принятия совместных управленческих решений; возможностью широкого общественного обсуждения принимаемых решений и др. В условиях дефицита информации создается почва для недопонимания, а в последующем и взаимного недоверия [20].

4. Наличие надежных индикаторов, которые могли бы служить оценкой законности и эффективности сорегулирования. Во-первых, само государство должно четко обозначить, что именно оно ждет от сорегулирования. Должны быть как долго-, так и краткосрочные цели. Во-вторых, субъект сорегулирования должен подтверждать свою репрезентативность и не утрачивать степень влияния на тот или иной сектор отношений. Сорегулятор должен обладать средствами для обеспечения эффективного внедрения принимаемых правил. Сорегулятор должен подтверждать собственный авторитет в процессе реализации управленческих функций.

5. Необходима идеологическая подготовка к сорегулированию. Она должна основываться на пропаганде лучшего опыта самоорганизации профессиональных и бизнес-сообществ. Инициатива сорегулирования должна выстраиваться на продвижении этических ценностей в экономической и профессиональной деятельности. Этому должно способствовать продвижение этических кодексов поведения. Нельзя не сказать, что подобная практика все активнее внедряется в управленческую деятельность нашего государства. Так, активно внедряются отраслевые кодексы профессиональной этики, принимаемые ведомствами в отношении «своих» государственных служащих (например, Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных гражданских служащих Министерства финансов Российской Федерации (Приказ Минфина от 17 апреля 2014 г. № 115), Этический кодекс государственных гражданских служащих Федеральной антимонопольной службы (утвержден Приказом ФАС от 25 февраля 2011 г. № 139) и многие другие. Аналогичные кодексы приняты в юридическом сообществе. Например, Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации принят решением Собрания представителей нотариальных палат субъектов РФ (протокол от 16 ноября 2015 г. № 33, утвержден Минюстом России 19 января 2016 г.). Благодаря этическому элементу повышается уровень самоорганизации. Чем выше этот уровень, тем больше элементов самостоятельности проявляется в регулировании общественных отношений. Чем неразвитее общественная среда, тем больше потребность во внешнем регуляторе, а значит, в государственном регулировании [21].

Библиографический список

1. **Колябин, А. Н.** Саморегулируемая организация арбитражных управляющих как юридическое лицо : дис. ... канд. юрид. наук / Колябин А. Н. – Волгоград, 2006. – С. 54.
2. **Лескова, Ю. Г.** Источники корпоративного права / Ю. Г. Лескова, А. А. Диденко // Власть закона. – 2015. – № 3. – С. 49–65.
3. **Романовский, Г. Б.** Исполнительная власть в субъектах Российской Федерации. Комментарий к законодательству и судебной практики : моногр. / Г. Б. Романовский, О. В. Романовская. – Пенза : Инф.-изд. центр ПГУ, 2007. – 260 с.
4. **Коркунов, Н. М.** Русское государственное право / Н. М. Коркунов. – СПб., 1914. – Т. 1: Введение и общая часть. – С. 27–47.
5. Глобальный кодекс принудительного исполнения / пер. с англ., коммент. А. А. Парфенчиковой. – М. : Статут, 2016. – 224 с.
6. **Романовский, Г. Б.** Правоохранительные органы : учеб. пособие / Г. Б. Романовский, О. В. Романовская. – М. : РИОР, 2009. – 310 с. – (Высшее образование).
7. Комментарий к Федеральному закону от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка и о внесении изменений в ст. ст. 2 и 6 Федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» (постатейный) / Ю. Г. Лескова, И. О. Антропова, З. А. Малунова (Почежерцева), М. Г. Холкина, Е. В. Артемьев, С. А. Слесарев, Р. В. Тишин // СПС «КонсультантПлюс». – 2016.
8. **Надеев, Р.** Законотворческие ошибки / Р. Надеев // Российская юстиция. – 2001. – № 5.
9. **Картухин, В. Ю.** Основные закономерности использования законодательной техники в правовой практике субъекта Российской Федерации: анализ проблем совершенствования / В. Ю. Картухин // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 4.
10. **Усманова, Р. М.** Характеристика методов публичного регулирования общественных отношений в муниципальном праве / Р. М. Усманова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 5. – С. 24–31.
11. **Белицкая, А. В.** Правовые формы государственно-частного партнерства в России и зарубежных странах / А. В. Белицкая // Предпринимательское право. – 2009. – № 2.
12. **Романовский, Г. Б.** Система органов исполнительной власти в субъектах Российской Федерации: проблемы организации и функционирования / Г. Б. Романовский // Публично-правовые исследования. – 2008. – Т. 3. – С. 72–118.
13. **Алгазина, А. Ф.** Саморегулирование в системе методов управленческой деятельности / А. Ф. Алгазина // Административное право и процесс. – 2016. – № 6. – С. 78–81.
14. **Van Gestel, Rob.** Self-Regulation and Environmental Law / Rob van Gestel. – URL: <http://www.ejcl.org/91/art91-4.html>
15. **Петров, Д. А.** Концепция правового статуса саморегулируемой организации: опыт частноправового исследования / Д. А. Петров // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом : сб. науч. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 25 апреля 2016 г.) / Е. А. Абросимова, В. К. Андреев, Л. В. Андреева [и др.] ; под общ. ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. – М. : РАНХиГС при Президенте Российской Федерации ; Юридический факультет им. М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности ; Юстицинформ, 2016. – 496 с.
16. **Андреев, В. К.** Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности : моногр. / В. К. Андреев, Л. В. Андреева, К. М. Арсланов [и др.] ; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. – М. : Юстицинформ, 2016. – 340 с.

17. **Войниканис, Е. А.** Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости / Е. А. Войниканис. – М. : Юриспруденция, 2013. – 552 с.
18. **Егорова, М. А.** Основные направления совершенствования механизмов саморегулирования деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства / М. А. Егорова // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2016. – № 2. – С. 27–33.
19. **Castro, D.** Benefits and Limitations of Industry Self-Regulation for Online Behavioral Advertising / D. Castro. – URL: <http://www.itif.org/files/2011-self-regulation-online-behavioral-advertising.pdf>
20. **Balleisen, E. J.** The Promise and Pitfalls of Co-Regulation: How Governments Can Draw on Private Governance for Public Purpose / E. J. Balleisen, M. Eisner. – URL: http://www.tobinproject.org/sites/tobinproject.org/files/assets/New_Perspectives_Ch6_Balleisen_Eisner.pdf
21. **Sorsa, K.** Private-regulation in global value chain – a trade barrier or an opportunity for public-private co-operation? / K. Sorsa. – URL: <http://regulation.upf.edu/dublin-10-papers/1H4.pdf>

References

1. Kolyabin A. N. *Samoreguliruemaya organizatsiya arbitrazhnykh upravlyayushchikh kak yuridicheskoe litso: dis. kand. yurid. nauk* [Self-regulatory organization of administrators as legal entities: dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Volgograd, 2006, p. 54.
2. Leskova Yu. G., Didenko A. A. *Vlast' zakona* [The power of law]. 2015, no. 3, pp. 49–65.
3. Romanovskiy G. B., Romanovskaya O. V. *Ispolnitel'naya vlast' v sub"ekтах Rossiyskoy Federatsii. Kommentarii zakonodatel'stva i sudebnoy praktiki: monogr.* [Executive authorities in subjects of the Russian Federation. Comments of legislation and court practice: monograph]. Penza: Inf.-izd. tsentr PGU, 2007, 260 p.
4. Korkunov N. M. *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian state law]. Saint-Petersburg, 1914, vol. 1, pp. 27–47.
5. *Global'nyy kodeks prinuditel'nogo ispolneniya* [The global code of enforcement]. Moscow: Statut, 2016, 224 p.
6. Romanovskiy G. B., Romanovskaya O. V. *Pravookhranitel'nye organy: ucheb. posobie* [Law-enforcement bodies: tutorial]. Moscow: RIOR, 2009, 310 p.
7. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 13 iyulya 2015 g. № 223-FZ «O samoreguliruemyykh organizatsiyakh v sfere finansovogo rynka i o vnesenii izmeneniy v st. st. 2 i 6 Federal'nogo zakona «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii» (postateyny)* [Comments of the Federal Law from 13.07.2015 № 223-FZ “On self-regulatory organizations in the market and on amendments to articles 2 and 6 of the Federal Law ‘On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation’” item-by-item]. Yu. G. Leskova, I. O. Antroptseva, Z. A. Malunova (Pochezhertseva), M. G. Kholkina, E. V. Artem'ev, S. A. Slesarev, R. V. Tishin. SPS «Konsul'tantPlyus». 2016.
8. Nadeev R. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian justice]. 2001, no. 5.
9. Kartukhin V. Yu. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2005, no. 4.
10. Usmanova R. M. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State authority and local self-government]. 2012, no. 5, pp. 24–31.
11. Belitskaya A. V. *Predprinimatel'skoe pravo* [Entrepreneurial law]. 2009, no. 2.
12. Romanovskiy G. B. *Publichno-pravovye issledovaniya* [Public-legal research]. 2008, vol. 3, pp. 72–118.
13. Algazina A. F. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and procedure]. 2016, no. 6, pp. 78–81.

14. Van Gestel Rob. *Self-Regulation and Environmental Law*. Available at: <http://www.ejcl.org/91/art91-4.html>
15. Petrov D. A. *Aktual'nye problemy predprinimatel'skogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom: sb. nauch. st. III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Moskva, 25 aprelya 2016 g.)* [Topical problems of entrepreneurial and corporative law in Russia and abroad: proceedings of III International scientific and practical conference (Moscow, 25th of April 2016)]. Moscow: RANKhiGS pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii; Yuridicheskiy fakul'tet im. M. M. Speranskogo Instituta prava i natsional'noy bezopasnosti; Yustitsinform, 2016.
16. Andreev V. K., Andreeva L. V., Arslanov K. M. et al. *Problemy realizatsii printsipov prava v predprinimatel'skoy deyatel'nosti: monogr.* [Problems with implementation of legal principles in entrepreneurial business: monograph]. Moscow: Yustitsinform, 2016, 340 p.
17. Voynikanis E. A. *Pravo intellektual'noy sobstvennosti v tsifrovuyu epokhu: paradigma balansa i gibkosti* [Intellectual property rights of the digital age: the paradigm of balance and flexibility]. Moscow: Yurisprudentsiya, 2013, 552 p.
18. Egorova M. A. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava* [Journal of entrepreneurial and corporative law]. 2016, no. 2, pp. 27–33.
19. Castro D. *Benefits and Limitations of Industry Self-Regulation for Online Behavioral Advertising*. Available at: <http://www.itif.org/files/2011-self-regulation-online-behavioral-advertising.pdf>
20. Balleisen E. J., Eisner M. *The Promise and Pitfalls of Co-Regulation: How Governments Can Draw on Private Governance for Public Purpose*. Available at: http://www.tobinproject.org/sites/tobinproject.org/files/assets/New_Perspectives_Ch6_Balleisen_Eisner.pdf
21. Sorsa K. *Private-regulation in global value chain – a trade barrier or an opportunity for public-private cooperation?* Available at: <http://regulation.upf.edu/dublin-10-papers/1H4.pdf>

Романовская Ольга Валентиновна
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой государственно-
правовых дисциплин, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: vlad93@sura.ru

Romanovskaya Olga Valentinovna
Doctor of juridical sciences, professor, head
of sub-department of state and legal
disciplines, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 342.59

Романовская, О. В.

Принцип сорегулирования в конституционном праве / О. В. Романовская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 26–39. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-3

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ)

Аннотация.

Актуальность и цели. Средства индивидуализации товаров (работ, услуг) являются неотъемлемым элементом рыночной экономики. Общественная опасность правонарушений, связанных с оборотом нелегальной продукции, заключается не только в нарушении прав правообладателей на различные средства индивидуализации и поступлении на рынок недоброкачественной продукции, но и в формировании криминального рынка и увеличении теневого денежного и товарного оборота. Практика применения уголовно-правовых средств защиты прав на средства индивидуализации свидетельствует, что ее результаты неадекватны реальной ситуации. Отсутствует единая методология определения, в том числе для целей уголовного судопроизводства, ущерба от посягательств на объекты интеллектуальной собственности, что порождает проблемы в определении размера причиненного ущерба. Вместе с тем и в теории, и в правоприменительной практике имеются разногласия в определении того, по какому типу сформулирован состав, предусмотренный ч. 1 ст. 180 УК РФ. Данные противоречия приводят к «пробуксовке» уголовно-правового механизма противодействия преступлениям, предусмотренным ст. 180 УК РФ.

Материалы и методы. В статье приведены статистические данные о зарегистрированных в Пензенской области преступлениях, квалифицируемых по ст. 180 УК РФ; проведен анализ складывающейся оперативной обстановки и законодательной базы Российской Федерации в сфере защиты прав интеллектуальной собственности.

Результаты. На практике к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 180 УК РФ привлекаются лица за незаконное использование товарного знака, размещенного на нескольких предметах. Формально такая практика соответствует действующему уголовному законодательству, а по существу при таких обстоятельствах фактически стирается грань между административным правонарушением и уголовным преступлением. Кроме того, ряд авторов считает, что лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 180 УК РФ только при условии причинения крупного ущерба правообладателям средств индивидуализации, не рассматривая неоднократное совершение преступления как уголовно наказуемое деяние. С другой стороны, термин «неоднократность» использован в юридической литературе и правоприменительной практике исходя из обыденного смысла данного понятия, т.е. в качестве конструктивного признака преступления не может являться видом множественности. Вместе с тем существуют различные точки зрения на подсчет упущенной выгоды законным правообладателем, что также создает объективные трудности, возникающие на практике по соответствующим уголовным делам.

Выводы. В целях разрешения указанных в статье проблем предлагается совершенствование российского законодательства путем исключения из диспозиции ч. 1 ст. 180 УК России термина «неоднократность» и одновременного формулирования иных условий привлечения к уголовной ответственности, позволяющих однозначно разграничить преступления и административные правонарушения. Кроме того, необходима разработка в кратчайшие сроки адек-

ватной методики определения размера ущерба при рассмотрении уголовных дел о нарушениях в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, средства индивидуализации товаров (работ, услуг), товарный знак, неоднократность, ущерб.

V. A. Sizov

ACTUAL PROBLEMS OF COUNTERACTION TO THE CRIMES CONNECTED WITH ILLEGAL USE OF MEANS OF INDIVIDUALIZATION OF GOODS (WORKS, SERVICES)

Abstract.

Background. Means of individualization of goods (works, services) are an integral part of the market economy. Public danger of offenses related to illegal products trafficking consists not only in violation of rightholders' rights to various means of individualization and supply of poor quality products to the market, but also in shaping the criminal market and intensifying the shadow turnover of money and commodities. The practice of criminal legal protection of the means of individualization shows that its results are inadequate to the real situation. There is no uniform methodology for determining, including for the purposes of criminal proceedings, the damage caused by infringements of intellectual property rights that gives rise to problems in determining the amount of damages. At the same time, both in the theory and in law enforcement there are differences in determining what is *corpus delicti* based on, provided for by Part 1 of Article 180 of the Criminal Code. These contradictions lead to a "slippage" of the criminal legal mechanism to combat crime under Article 180 of the Criminal Code.

Materials and methods. The article presents statistical data on the crimes registered in the Penza region falling under Article 180 of the Criminal Code; an analysis of the operational situation and legal framework of the Russian Federation in the field of protection of intellectual property rights.

Results. In practice, criminal proceedings under Part 1 Article 180 of the Criminal Code are instituted against persons involved in the illegal use of a trademark placed on several objects. Formally, this practice is consistent with the existing criminal law, and, in essence, under such circumstances the distinction between an administrative offense and a criminal offense is actually erased. In addition, some authors believe that a person may be prosecuted under part 1 of article 180 of the Criminal Code only under the condition of causing major damage to rightholders of the means of individualization, without considering a repeated commission of the crime as a criminally punishable act. On the other hand, the use of the term "repeatedly" in the legal literature and legal practice is based on the ordinary meaning of this concept, that is, as a positive sign of a crime it can not be a type of multiplicity. However, there are different points of view on the calculation of lost profits of rightful copyright holders, which also creates objective difficulties encountered in practice by the relevant criminal proceedings.

Conclusions. In order to solve these problems the article proposes to improve the Russian legislation by excluding the term "repeatedly" from disposition of part 1 Article 180 of the Criminal Code of Russia and at the same time to formulate other conditions of criminal responsibility, allowing to unequivocally distinguish crimes and administrative offenses. In addition, there is a need to develop an adequate method for determining the amount of damage in criminal cases of intellectual property violations as soon as possible.

Key words: intellectual property, means of individualization of goods (works, services), trademark, repeatedly, damage.

Средства индивидуализации товаров (работ, услуг) являются неотъемлемым элементом рыночной экономики, поскольку сопровождают продукцию с непосредственной целью ее идентификации и распространения на рынке путем активного привлечения внимания потребителя.

Наиболее эффективно выделяет товар или услуги конкретного производителя из однородных товаров и услуг других производителей товарный знак – изображение, предназначенное для того, чтобы было возможно индивидуализировать товары хозяйствующих субъектов (ст. 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации). Использовать товарный знак имеет право только тот субъект, на чье имя этот знак зарегистрирован.

Защита прав на товарный знак и иные средства индивидуализации товаров гарантируется ч. 1 ст. 44 Конституции Российской Федерации. Эффективность реализации конституционных гарантий является фактором, стимулирующим производство и реализацию качественных товаров, одновременно препятствующим незаконному получению прибыли иным хозяйствующим субъектам путем использования такой продукции [1, 2].

Соответственно, недостаточно эффективная защита прав на средства индивидуализации товаров, особенно в условиях осуществления стратегии импортозамещения, может стать причиной наводнения российского потребительского рынка контрафактной продукцией, не отвечающей требованиям к качеству и безопасности. Подобная продукция дискредитирует добросовестных товаропроизводителей, снижает объем реализации их интеллектуального потенциала, создает благоприятную почву для нарастания «теневых» процессов в экономике.

В этой связи на современном этапе особо актуально противодействие преступлениям, связанным с незаконным использованием товарного знака.

Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрена ответственность за незаконную эксплуатацию средств индивидуализации товаров (работ, услуг).

Однако практика применения уголовно-правовых средств защиты прав на средства индивидуализации свидетельствует, что ее результаты неадекватны реальной ситуации.

На основе анализа статистических данных можно сделать вывод о тенденции снижения количества регистрируемых преступлений, предусмотренных ст. 180 УК РФ, и числа лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за незаконное использование товарного знака.

Так, по данным ИЦ УМВД России по Пензенской области, на территории региона в 2010 г. было зарегистрировано четыре преступления, предусмотренных ст. 180 УК РФ. В суд было направлено четыре уголовных дела, к уголовной ответственности привлечено три лица.

В 2011 г. соответствующие показатели по количеству выявленных преступлений и числу уголовных дел, направленных в суд, снизились на 50 % (4 – 2). Снижение по числу лиц, привлеченных к уголовной ответственности, составило 33,3 % (3 – 2).

В 2012 г. отрицательная динамика сохранилась, при этом ни одно из выявленных в 2010–2012 гг. деяний, предусмотренных ст. 180 УК РФ, не отнесено к категории тяжких и особо тяжких преступлений.

В период с 2013 г. по настоящее время на территории Пензенской области не выявлено ни одного уголовно наказуемого деяния, связанного с незаконным использованием товарного знака.

Вместе с тем анализ оперативной обстановки в сфере защиты прав интеллектуальной собственности свидетельствует о наличии на региональном рынке практики незаконного использования чужих средств индивидуализации товаров (работ, услуг).

Сложившаяся ситуация, на наш взгляд, обусловлена следующим.

Часть 1 ст. 180 УК РФ закрепляет два необходимых условия, при наличии которых наступает уголовная ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг): неоднократность или причинение крупного ущерба. Использование союза «или» указывает на альтернативность данных признаков [3, с. 31].

Отметим, что Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ вносит изменения и дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации [4], исключаящие из всех статей (кроме ст. 154 и 180) квалифицирующий признак «совершение преступления неоднократно».

Пленум Верховного суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» [5] в п. 15 дает разъяснения, что «неоднократность по смыслу ч. 1 ст. 180 УК РФ предполагает совершение лицом двух и более деяний, состоящих в незаконном использовании товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров (при этом может иметь место как неоднократное использование одного и того же средства индивидуализации товара (услуги), так и одновременное использование двух или более чужих товарных знаков или других средств индивидуализации на одной единице товара)».

Часть 2 ст. 180 УК РФ признает неоднократным незаконное использование товарного знака два и более раза.

Вышеуказанные разъяснения дают основания рассматривать неоднократность применительно к незаконному использованию средств индивидуализации товара (услуги) в следующих вариантах:

1) субъект два и более раза использует одно и то же чужое средство индивидуализации товара на одном виде однородных товаров, изготавливаемых различными партиями. Исключение в данном случае составляют деяния, которые охватываются единым умыслом, образуя продолжаемое преступление, т.е. реализацию товара одной партии по частям;

2) субъект использует чужое средство индивидуализации товара применительно к однородным товарам двух или более наименований;

3) субъект использует два и более чужих средства индивидуализации товара;

4) субъект одновременно использует два и более чужих средства индивидуализации товара на одной единице товара;

5) субъект два и более раза использует одну и ту же предупредительную маркировку в отношении средства индивидуализации товара, которое не зарегистрировано в России;

6) субъект два и более раза использует одну и ту же предупредительную маркировку в отношении наименования места происхождения товара, который не зарегистрирован в России;

7) субъект два и более раза использует предупредительную маркировку в отношении товарного знака или в отношении наименования места происхождения товара, который не зарегистрирован в России.

На практике, с учетом вышеуказанных вариантов толкования неоднократности, уголовная ответственность по ч. 1 ст. 180 УК РФ применима к лицам, которые незаконно используют чужой товарный знак, размещенный на нескольких предметах, например спортивной одежде различных наименований, поскольку изготовлена данная продукция различными партиями. Так, в 2011 г. в Пензенской области индивидуальный предприниматель был привлечен к уголовной ответственности за незаконное использование на реализуемой спортивной одежде торгового знака компании “Adidas AG”.

Формально такая практика соответствует действующему уголовному законодательству, однако при таких обстоятельствах невозможно отличить административное правонарушение от уголовного преступления.

Кроме того, и в теории, и в правоприменительной практике имеются разногласия в определении того, по какому типу сформулирован состав преступления, который предусмотрен ч. 1 ст. 180 УК РФ.

В пункте 24 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» указано, что обязательным условием привлечения лица к уголовной ответственности по вышеуказанной статье является причинение крупного ущерба правообладателям.

Ряд авторов, ссылаясь на данные положения, придерживается мнения, что состав данного преступления является материальным и преступление окончено в момент причинения крупного ущерба правообладателю, поэтому неоднократное совершение не должно рассматриваться как уголовно наказуемое деяние [2, с. 108].

Есть в юридической литературе и правоприменительной практике иная позиция, согласно которой термин «неоднократность» использован в юридической литературе и правоприменительной практике исходя из обыденного смысла данного понятия, следовательно, неоднократность как признак преступления не является разновидностью множественности [3, с. 32].

Таким образом, диспозиция ст. 180 УК РФ сконструирована с использованием принципа, согласно которому для образования состава преступления необходимо совершение нескольких деяний, каждое из которых подпадает под признаки административного правонарушения. Необходимо отметить, что использование данного приема юридической техники не говорит о наличии административной преюдиции, так как в статье ничего не сказано об административном наказании и о сроках давности привлечения к административной ответственности. Чтобы привлечь лицо к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, нет необходимости выносить постановление об административном правонарушении, предусмотренном ст. 14.10 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ).

По аналогичной схеме сконструирована ч. 2 ст. 180 УК РФ, хотя КоАП РФ и не предусматривает такого правонарушения, как незаконное использование предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Российской Федерации товарного знака или наименования места происхождения товара. Это лишний раз доказывает, что при формулировке ст. 180 УК РФ законодатель не был ориентирован на нормы, предусматривающие ответственность за административные правонарушения.

На наш взгляд, разрешением приведенных разногласий могло бы стать совершенствование диспозиции ч. 1 ст. 180 УК России путем исключения термина «неоднократность» и использования иных формулировок для условий привлечения к уголовной ответственности, позволяющих однозначно отграничить преступление от административного правонарушения.

Возникают в правоприменительной практике и проблемы, связанные непосредственно с документированием преступлений, предусмотренных ст. 180 УК РФ.

Отсутствие единой методологии определения, в том числе для целей уголовного судопроизводства, ущерба от посягательств на объекты интеллектуальной собственности порождает проблемы в определении размера причиненного ущерба.

Моральный вред и вред деловой репутации не может быть положен в основу расчета ущерба, поскольку подлежит компенсации в порядке удовлетворения гражданского иска. Реальный же ущерб в результате совершения действий по незаконному использованию товарного знака, как правило, не причиняется.

Как правило, под ущербом от незаконного использования средств индивидуализации товаров понимается упущенная выгода правообладателя либо упущенная выгода и реальный ущерб, нанесенный правообладателю.

Необходимо напомнить, что с 2008 г. организации имеют возможность проводить последующую оценку стоимости объектов нематериальных активов. На основании этого стоимость товарного знака как объекта нематериальных активов, отражаемого на балансе организации, может учитывать реальную рыночную стоимость товарного знака, а не только расходы организации на его создание и регистрацию. Возмещению правообладателю подлежат и расходы, связанные с рекламой, убытки, возникшие в связи с вытеснением товара с рынка, снижение его стоимости, а зачастую невостребованность и порча товара, а также возможная утрата его потребительских свойств.

Доминирует в юридической литературе и правоприменительной практике мнение, что приоритетом при определении размера ущерба является сумма доходов, не полученная законным правообладателем.

Упущенную выгоду правообладателя можно подсчитать тремя способами:

- 1) как прибыль, полученную лицом, которое незаконно пользовалось чужим товарным знаком;
- 2) как ущерб, определенный путем умножения общего количества контрафактной продукции, введенной в гражданский оборот, на стоимость единицы легальной продукции;
- 3) как доход, который получил бы правообладатель согласно лицензионному договору.

Ряд авторов критикует методику, согласно которой упущенная выгода определяется из принципа вытеснения одного легального экземпляра введением одного нелегального. По мнению ученых, нелегальный экземпляр не всегда идентичен легальному образцу, в связи с чем размер ущерба определяется, основываясь на стоимости сходного с легальным образцом товара, что не совсем корректно [2, с. 109].

Иные авторы придерживаются позиции, согласно которой для расчета ущерба, причиненного правообладателю, за основу необходимо брать сумму выплат, которую нарушитель исключительных прав произвел бы правообладателю после приобретения лицензии на право пользования [6, с. 33].

Ряд авторов считает, что к оценке объектов интеллектуальной собственности может быть применен любой из трех методов: затратный, доходный и сравнительный [6, с. 28]. Данная позиция формулируется на основании Методических рекомендаций по определению рыночной стоимости объектов интеллектуальной собственности, которые утверждены Минимуществом РФ 26 ноября 2002 г. №СК-4/21297 [7].

Отдельные авторы считают невозможной адекватную оценку ущерба от незаконного использования средств индивидуализации и предлагают устранить указание в диспозиции ст. 180 УК РФ на крупный ущерб и ввести такой квалифицирующий признак, как тяжкие последствия. С. Н. Титов полагает, что если будет реализовано данное предложение, то любые нарушения исключительного права, касающиеся средств индивидуализации, будут считаться преступлениями независимо от характера и объема последствий. В связи с этим возникает необходимость исключения из диспозиции соответствующей статьи уголовного закона указания на неоднократность [8, с. 152].

Вместе с тем выработка и внедрение единой методологии определения суммы ущерба от посягательств на объекты интеллектуальной собственности могли бы способствовать устранению объективных трудностей, возникающих на практике по соответствующим уголовным делам.

Вышеперечисленные факторы, соответственно, приводят к «пробуксовке» уголовно-правового механизма противодействия преступлениям, предусмотренным ст. 180 УК РФ.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что в российском законодательстве имеются серьезные пробелы, существенно снижающие эффективность мероприятий по пресечению преступлений, связанных с незаконным использованием средств индивидуализации товаров (работ, услуг). Разрешению указанных проблем могло бы способствовать совершенствование законодательства путем исключения диспозиции ч. 1 ст. 180 УК России термина «неоднократность» и одновременного формулирования иных условий привлечения к уголовной ответственности, позволяющих однозначно отграничить преступление от административного правонарушения.

Кроме того, для обеспечения надлежащей эффективности мероприятий, направленных на выявление и раскрытие преступлений, предусмотренных ст. 180 УК РФ, необходима разработка в кратчайшие сроки адекватной методики определения размера ущерба при рассмотрении уголовных дел о нарушениях в сфере интеллектуальной собственности.

Библиографический список

1. **Близнец, И. А.** Право интеллектуальной собственности / И. А. Близнец. – М. : Проспект, 2013. – 960 с.
2. **Панкевич, Л. Л.** Некоторые проблемы практики рассмотрения административных и уголовных дел, связанных с незаконным использованием чужого товарного знака / Л. Л. Панкевич // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2012. – № 2. – С. 103–109.
3. **Сафонов, А. Ю.** Методика расследования незаконного использования товарного знака : науч.-практ. пособие / А. Ю. Сафонов, В. В. Намнясев. – Волгоград : ВНИИ МВД России, 2011. – 108 с.
4. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4848.
5. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака : Постановление Пленума Верховного Суда от 26 апреля 2007 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 7.
6. **Исаева, Р. М.** Методика и тактика расследования преступлений, предусмотренных ч.ч. 1, 2 ст. 180 УК РФ : метод. рекомендации / Р. М. Исаева, А. В. Кудрявцев, С. М. Куценко, З. З. Рузанова. – Уфа : ФГКОУ ВПО УЮИ МВД России, 2011. – 42 с.
7. Методические рекомендации по определению рыночной стоимости интеллектуальной собственности, утвержденные Минимуществом РФ 26.11.2002 № СК-4/21297 // Патенты и лицензии. – 2003. – № 3.
8. **Титов, С. Н.** Уголовно-правовое обеспечение охраны интеллектуальной собственности : дис. ... канд. юрид. наук / Титов С. Н. – М., 2013. – 209 с.

References

1. Bliznets I. A. *Pravo intellektual'noy sobstvennosti* [Intellectual property right]. Moscow: Prospekt, 2013, 960 p.
2. Pankevich L. L. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii* [property relations in the Russian Federation]. 2012, no. 2, pp. 103–109.
3. Safonov A. Yu., Namnyasev V. V. *Metodika rassledovaniya nezakonnogo ispol'zovaniya tovarnogo znaka: nauch.-prakt. posobie* [The methodology of illegal trademark use investigation: a scientific and practical tutorial]. Volgograd: VNII MVD Rossii, 2011, 108 p.
4. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2003, no. 50, art. 4848.
5. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2007, no. 7.
6. Isaeva R. M., Kudryavtsev A. V., Kutsenko S. M., Ruzanova Z. Z. *Metodika i taktika rassledovaniya prestupleniy, predusmotrennykh ch.ch. 1, 2 st. 180 UK RF: metod. rekomendatsii* [Methods and approaches to investigation of crimes provided for by parts 1, 2 article 180 of the Criminal Code of Russia]. Ufa: FGKOU VPO UYui MVD Rossii, 2011, 42 p.
7. *Patenty i litsenzii* [Patents and licenses]. 2003, no. 3.
8. Titov S. N. *Ugolovno-pravovoe obespechenie okhrany intellektual'noy sobstvennosti: dis. kand. yurid. nauk* [Criminal legal protection of intellectual property: dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Moscow, 2013, 209 p.

Сизов Владимир Александрович

кандидат социологических наук, доцент,
кафедра правосудия, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40); начальник
Управления экономической безопасности
и противодействия коррупции УМВД
России по Пензенской области (Россия,
г. Пенза, ул. Кирпичная, 22)

E-mail: vas-055@mail.ru

Sizov Vladimir Aleksandrovich

Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of justice, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia);
head of the Department of economic
security and corruption counteraction
of the Penza regional office of MIA
(22 Kirpichnaya street, Penza, Russia)

УДК 34.343.352.4

Сизов, В. А.

Актуальные проблемы противодействия преступлениям, связанным с незаконным использованием средств индивидуализации товаров (работ, услуг) / В. А. Сизов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 40–48. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-4

С. А. Гончаров

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРОКУРОРСКОГО
РЕАГИРОВАНИЯ В ВИДЕ ВЫНЕСЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
О ВОЗБУЖДЕНИИ ДЕЛА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ
ПРАВОНАРУШЕНИИ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ ст. 5.27 КоАП РФ**

Аннотация.

Актуальность и цели. По сравнению с иными государственными органами Российской Федерации прокуратура обладает самыми обширными полномочиями в сфере надзора за соблюдением законодательства об оплате труда. По инициативе прокурора лицо, уклоняющееся от выплаты заработной платы, может нести ответственность вплоть до уголовной. Однако самой распространенной мерой реагирования является привлечение недобросовестного работодателя по постановлению прокурора к административной ответственности по ст. 5.27 КоАП РФ.

Материалы и методы. В статье приведен анализ редакций ст. 5.27 КоАП РФ за период времени с 2014 по 2016 г. и их применения органами прокуратуры Российской Федерации.

Результаты. В ходе анализа установлены проблемы правоприменения в рассматриваемой сфере и несоответствие общественной опасности правонарушений предусмотренным за них наказаниям.

Выводы. Рассматриваемая норма права нуждается в коренных изменениях путем уточнения признаков наказуемых деяний в сфере трудовых правоотношений и разграничении административной ответственности за них.

Ключевые слова: прокуратура, трудовое право, заработная плата, работник, прокурорский надзор.

S. A. Goncharov

**PROBLEMS OF APPLYING A PROSECUTOR'S RESPONSE
MEASURE BY INSTITUTING ADMINISTRATIVE OFFENSE
PROCEEDINGS UNDER ART. 5.27 OF THE ADMINISTRATIVE
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract.

Background. The Russian Federation Prosecutor's Office has the most extensive powers in the area of supervision of labor law in comparison to other state organizations. As a result of the prosecutor's work, a violator deviating from wage payment may be imposed even a criminal punishment. However, the most common measure of the response is to make unscrupulous employers administratively responsible by a public prosecutor's order under Art. 5.27 of the Administrative Code Russian Federation.

Materials and methods. The article provides an analysis an edition of art. 5.27 of the Administrative Code of the Russian Federation for the period from 2014 to 2016 and its application by the Russian Federation Prosecutor's Office.

Results. During the analysis the author has found out some problems in this sphere and the disparity between the social danger of the offenses and the punishment provided for.

Conclusions. The rule of law under consideration requires radical changes by clarifying the signs of offenses in the area of labor relations and the delimitation of administrative responsibility for them.

Key words: prosecutors, labor law, wages, worker, public prosecutor's supervision.

Сложно переоценить значение такого направления надзорной деятельности, как защита трудовых прав граждан. Эта сфера, прежде всего вопросы оплаты труда, требует к себе самого пристального внимания прокуроров.

Справедливо отмечает А. В. Карпушкин: «Специфика конституционного гарантирования социально-трудовых прав состоит в том, что конституционное право человека на труд должно обеспечиваться не только договорными с работодателем средствами, но и обязанностью государства обеспечить защиту трудовых прав человека» [1].

По сравнению с иными государственными органами прокуратура обладает самыми обширными полномочиями в сфере надзора за соблюдением законодательства об оплате труда. По инициативе прокурора лицо, уклоняющееся от выплаты заработной платы, может нести ответственность вплоть до уголовной.

Трудно не согласиться с Э. Э. Абдуллаевым, который указывает на то, что «прокурорский надзор за соблюдением трудовых прав граждан является в современных условиях наиболее действенной их гарантией, так как обладает необходимыми для этого оперативностью и универсальностью. Реализуя предоставленные им законом о прокуратуре полномочия, органы прокуратуры способны предотвратить массовые нарушения трудовых прав граждан и оказать реальную помощь лицам, пострадавшим от произвола работодателей» [2].

Самой распространенной мерой прокурорского реагирования в рассматриваемой сфере является привлечение недобросовестного работодателя по постановлению прокурора к административной ответственности по ст. 5.27 КоАП РФ.

Для каждого работника прокуратуры, в чьи обязанности входит надзор за исполнением трудового законодательства, «5.27» не просто цифры, а наиболее эффективная мера прокурорского реагирования, посредством которой зачастую удается восстановить трудовые права граждан.

Редакцией № 265 от 31.12.2014 в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ, Кодекс) внесены существенные изменения, которые, в том числе, коснулись ст. 5.27 КоАП РФ. Конкретизирована и разделена ее диспозиция, ужесточена санкция.

До вступления в силу указанных изменений ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ была предусмотрена ответственность за нарушение законодательства о труде и об охране труда, что влекло наложение административного штрафа на должностных лиц и индивидуальных предпринимателей в размере от одной тысячи до пяти тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток, на юридических лиц – от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток [3].

Санкцией ч. 2 указанной статьи была предусмотрена ответственность в виде дисквалификации на срок от одного года до трех лет исключительно

для должностных лиц за повторное нарушение ими законодательства о труде и об охране труда. Положения указанной статьи применялись к лицам, допустившим нарушение в течение одного года с момента привлечения их к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ за аналогичное нарушение.

К примеру, директор организации, работникам которой в нарушение ст. 136 ТК РФ заработная плата выплачивалась один раз в месяц, не мог быть привлечен к административной ответственности по ч. 2 ст. 5.27 КоАП РФ в связи с выявлением факта привлечения им к трудовой деятельности работника без заключения трудового договора. В таком случае его деяние подлежало квалификации по ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ.

С 1 января 2015 г. законодатель выделил из рассматриваемой статьи отдельный состав нарушения в сфере охраны труда, который вошел во вновь созданную ст. 5.27.1 КоАП РФ.

Данное изменение в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях является рациональным и прогрессивным.

В соответствии со ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы [4].

Вместе с тем надзор за исполнением законодательства об оплате труда является социально значимым и приоритетным в деятельности прокуратуры, однако осуществляется ей наряду с Государственной инспекцией труда (далее – ГИТ).

В свою очередь надзор за исполнением законодательства об охране труда входит в первоочередную компетенцию ГИТ, и обособление состава в отдельную статью Кодекса, предусматривающую ответственность за нарушение государственных нормативных требований охраны труда, является гармоничным решением.

Совершенствование рассматриваемой статьи КоАП РФ также выразилось в ее разделении на пять частей, каждая из которых имеет индивидуальные квалифицирующие признаки и санкции, различающиеся по тяжести.

В правоприменительной практике возникают трудности при квалификации правонарушения по ч. 3 ст. 5.27 КоАП, предусматривающей ответственность за уклонение от оформления или ненадлежащее оформление трудового договора либо заключение гражданско-правового договора, фактически регулирующего трудовые отношения между работником и работодателем.

Во-первых, данной нормой законодатель приравнял работодателей, допустивших недочет при составлении трудового соглашения и умышленно не оформивших трудовые отношения с работником.

Так, например, за допущенное нарушение, выразившееся в отсутствии в договоре отметки о получении работником его второго экземпляра, неуказании сроков выплаты заработной платы, режима труда и отдыха и т.д., работодатель несет идентичную ответственность по ч. 3 ч. 5.27 КоАП РФ с лицом, вообще уклоняющимся от заключения трудового договора.

Вместе с тем невыплата заработной платы или ее выплата в размере ниже МРОТ, что, по мнению автора, является более серьезным нарушением, чем допущение недочетов в трудовом договоре, квалифицируется по ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ, предусматривающей наказание в виде штрафа в несколько раз меньше, чем санкция ч. 3 ст. 5.27 КоАП РФ.

Во-вторых, до настоящего времени не сформировалась практика привлечения к ответственности работодателя за подмену трудового договора гражданско-правовым.

Зачастую фактически лицо принимается на работу, постоянно исполняет ту или иную трудовую функцию, однако работодатель заключает с ним договор подряда.

Ст. 56 Трудового кодекса Российской Федерации устанавливает понятие трудового договора. Трудовой договор – соглашение между работодателем и работником, в соответствии с которым работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции, обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и данным соглашением, своевременно и в полном размере выплачивать работнику заработную плату, а работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у данного работодателя [5].

В отличие от трудового договора, по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его (ч. 1 ст. 703 Гражданского кодекса РФ) [6].

Таким образом, при наличии гражданско-правового договора ответственность за соблюдение техники безопасности при проведении конкретного вида работ возлагается на работника. В лучшем случае работодатель обеспечивает работника специальными средствами защиты, однако их применение не контролируется.

Кроме того, как отмечает А. В. Горбачева, некомпетентность в вопросах охраны труда, неумение организовать безопасное производство работ и при этом осуществить надлежащий контроль за состоянием охраны труда в конечном итоге приводят к многочисленным нарушениям, а иногда к несчастным случаям [7].

Работник при заключении с ним договора гражданско-правового характера фактически обязан самостоятельно соблюдать и организовывать технический процесс производства, а также следить за правильностью его проведения. Ответственность за соблюдение общих требований правил охраны труда в этом случае с работодателя снимается.

При этом следует отметить, что работники, в большей своей части не обладающие юридическими познаниями, не осознают различия между трудовым и гражданско-правовым договором. В связи с этим после получения производственной травмы работники сталкиваются с невозможностью получения какой-либо компенсации от работодателя, что приводит к конфликтным ситуациям, а в целом к увеличению общего уровня социальной напряженности.

На практике привлечение к административной ответственности по ч. 3 ст. 5.27 КоАП РФ работодателя, заключившего с работником гражданско-правовой договор, особенно при отсутствии к нему претензий со стороны последнего, вызывает значительные трудности.

Подспорьем в надзорной деятельности органов прокуратуры послужило введение административной ответственности за фактическое допущение к работе лицом, не уполномоченным на это работодателем. Она предусмотрена ч. 2 ст. 5.27 КоАП РФ.

До внесения в Кодекс рассматриваемых изменений основным субъектом нарушений трудового законодательства был руководитель организации, несший административную ответственность единолично. Теперь такую ответственность может понести, например, прораб, привлечший к трудовой деятельности работников без ведома руководителя предприятия. Такие случаи повсеместно встречаются в правоприменительной практике, и конкретизация лица, фактически нарушившего трудовые права граждан, является справедливым решением законодателя.

Открытым остается вопрос о мерах прокурорского реагирования в отношении работодателя, нарушившего права нескольких работников одновременно.

Для органов прокуратуры и Государственной инспекции труда законодатель не установил четкого порядка действий при одновременном множественном нарушении.

Так, например, при наличии задолженности по заработной плате перед 100 работниками прокурор вправе вынести 100 постановлений о возбуждении дел об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ в отношении юридического лица и 100 постановлений в отношении должностного лица, допустившего нарушение. При максимальном размере штрафа, предусмотренного санкцией статьи, в размере пяти тысяч рублей для должностного лица и пятидесяти тысяч рублей для юридического нарушитель может понести ущерб в общей сумме 5,5 млн руб. Эта сумма в сотни раз превышает штрафы, назначаемые в виде уголовного наказания за совершение преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, и в большинстве случаев не может быть выплачена предприятием, имеющим небольшой доход.

Естественно, органами прокуратуры не принимаются подобные меры реагирования, так как по результатам одной такой проверки можно полностью парализовать деятельность организации и поставить под вопрос ее дальнейшее существование. Также маловероятно, что штраф будет взыскан в пользу государства в полном объеме даже посредством исполнительных действий службы судебных приставов.

Кроме того, в силу п. 13 Приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» при внесении актов реагирования необходимо оценивать возможные негативные последствия исполнения требований прокурора, имея в виду, что акты реагирования должны быть направлены не на разрушение существующих правоотношений, а на их корректировку и приведение в соответствие с действующим законодательством [8].

В связи с изложенным, органами прокуратуры при выявлении нарушений прав нескольких работников, будь то невыплата им заработной платы, неосуществление расчета при увольнении, уклонение от заключения трудовых договоров, выносится единое постановление о возбуждении дела об

административном правонарушении, в котором излагаются и обобщаются нарушения в отношении всех лиц.

Также стоит отметить, что законодателем на органы прокуратуры не возложена обязанность применять меры прокурорского реагирования в виде инициирования привлечения к административной ответственности одновременно в отношении должностного и юридического лица. Это позволяет дифференцированно относиться к каждому нарушителю, принимая во внимание причины и условия допущенного нарушения, а также его последствия для работников и иных лиц.

То есть при грубых нарушениях, повлекших подрыв материального благополучия работников, необоснованные чрезмерные трудовые нагрузки, иные неблагоприятные последствия, прокурор может вынести постановление о возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 5.27 КоАП РФ, как в отношении руководителя-должника, так и в отношении самого юридического лица. При незначительных недостатках в первичной документации, не оказавших губительного влияния на трудовые правоотношения, прокурор может обойтись возбуждением административного дела только в отношении должностного лица.

Вместе с тем, как отмечает в своей работе С. А. Карпачева, «прокурорские проверки свидетельствуют, что не всегда нарушения законодательства, регламентирующего оплату труда, вызваны только существующими экономическими проблемами. В большинстве случаев работодатели игнорируют нормы Трудового кодекса РФ, порядок и сроки выплаты заработной платы, ненадлежаще организуют их исполнение. После применения мер прокурорского реагирования руководство таких предприятий средства на выплату заработной платы изыскивает, как правило, в кратчайшие сроки» [9].

Проблемой, которая может бы порождена в результате принятия мер прокурорского реагирования, является дисквалификация.

Безусловно, угроза дисквалификации руководителя добросовестного предприятия вызывает значительные опасения как его самого, так и собственников и участников организации. Вместе с тем отсутствие у работодателя органа управления существенно сокращает спектр влияния на него прокуратуры. В случае дисквалификации руководителя организации прекращаются и его полномочия как лица, имеющего право без доверенности представлять интересы предприятия. Соответственно, некого привлечь к административной ответственности, к примеру, за новый период задолженности по заработной плате. Отсутствует лицо, правомочное подписать справки о размере задолженности, которые необходимы прокурору для обращения в интересах работников с заявлениями в суд о взыскании заработной платы. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, также является исключительно руководитель организации, что не позволяет применить меры уголовно-правового характера даже при невыплате заработной платы и наличии для этого финансовой возможности.

Таким пробелом в законодательстве пользуются недобросовестные собственники и учредители организаций, фактически и негласно осуществляющие руководство ими, с целью решения своих финансовых проблем за счет работников.

По мнению автора, назрела необходимость установления как административной, так и уголовно-правовой ответственности учредителей, собственников и участников юридических лиц, умышленно способствующих невыплате заработной платы его работникам либо ухудшающих финансовое положение принадлежащих им предприятий, что в последующем влечет нарушение трудовых прав граждан.

Такие изменения в законодательстве будут способствовать принятию справедливых решений о наказании виновных лиц, в первую очередь находящихся под угрозой уголовного преследования, и скорейшему восстановлению прав работников лицами, фактически допустившими их нарушения.

Библиографический список

1. **Карпушкин, А. В.** Конституционно-правовые гарантии самозащиты прав работников при задержке выплаты заработной платы / А. В. Карпушкин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 16–21.
2. **Абдуллаев, Э. Э. оглы.** Защита трудовых прав граждан Российской Федерации методами прокурорского реагирования / Э. Э. оглы Абдуллаев // Трудовое право в России и за рубежом. – 2011. – № 3. – С. 43–48.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – 7 января. – № 1. – Ст. 1.
4. О прокуратуре Российской Федерации : Федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – 20 ноября. – № 47. – Ст. 4472.
5. Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – 7 января. – № 1. – Ст. 3 (ч. 1).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Российская газета. – 1996. – № 23 (6 февраля).
7. **Горбачева, А. В.** О некоторых особенностях правового регулирования охраны труда работников дорожного хозяйства / А. В. Горбачева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 3 (31). – С. 19–26.
8. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина : Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 07.12.2007 № 195.
9. **Карпачева, С. А.** Надзор за соблюдением права граждан на оплату труда / С. А. Карпачева // Законность. – 2014. – № 12. – С. 13–16.

References

1. Karpushkin A. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2011, no. 1 (17), pp. 16–21.
2. Abdullaev E. E. ogly. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom* [Labor law in Russian and abroad]. 2011, no. 3, pp. 43–48.
3. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2002, 7 January, no. 1, art. 1.
4. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 1995, 20 November, no. 47, art. 4472.
5. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2002, 7 January, no. 1, art. 3 (part 1).

6. *Rossiyskaya gazeta* [The Russian Newspaper]. 1996, no. 23 (6 February).
7. Gorbacheva A. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2014, no. 3 (31), pp. 19–26.
8. *Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov, soblyudeniem prav i svobod cheloveka i grazhdanina: Prikaz General'noy prokuratury RF ot 07.12.2007 № 195* [On organization of supervision over the observance of law, human and civil rights and freedoms: the Order of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation from 07.12.2007 № 195].
9. Karpacheva S. A. *Zakonnost'* [Lawfulness]. 2014, no. 12, pp. 13–16.

Гончаров Сергей Андреевич

аспирант, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: sergeigoncharov003@gmail.com

Goncharov Sergei Andreevich

Postgraduate student, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

УДК 347.963

Гончаров, С. А.

Проблемы применения меры прокурорского реагирования в виде вынесения постановления о возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 5.27 КоАП РФ / С. А. Гончаров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 49–56. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-5

ОСОБЕННОСТИ ЯДЕРНОГО И БИОЛОГИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА КАК НОВЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Ядерные и биологические атаки имеют все шансы стать одной из наиболее опасных форм проявления современного терроризма. В то же время в российском праве, как и в юридической науке, отсутствует четкое понимание понятий, связанных с регулированием данной проблемы. Целями работы являются уточнение понятийного аппарата и формирование предложений по внесению изменений в законодательство.

Материалы и методы. Были использованы метод диалектики как общенаучный метод познания, позволяющий изучать явления и процессы окружающей действительности в их историческом развитии, а также частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой и метод системного анализа).

Результаты. Рассмотрено содержание предлагаемых различными авторами дефиниций ядерного и биологического терроризма. Автор привел и обосновал собственную точку зрения по данному вопросу. Проанализировано международно-правовое регулирование в данной сфере. Определены недостатки правового регулирования уголовной ответственности за такой терроризм в России. Предложено внести ряд изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации с тем, чтобы обеспечить наказуемость всех возможных способов совершения террористических актов.

Выводы. Сформулированные в исследовании теоретические положения направлены на выработку рекомендаций по совершенствованию российского законодательства и способны качественно повысить его уровень. Они также могут быть использованы в научной деятельности и учебном процессе учреждений высшего профессионального образования юридического профиля, при повышении квалификации практических работников и научно-педагогических кадров в области юриспруденции.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, ядерный терроризм, биологический терроризм, преступления, ядерная безопасность.

Е. А. Kapitonova

FEATURES OF NUCLEAR AND BIOLOGICAL TERRORISM AS A NEW KIND OF TERRORIST ATTACKS

Abstract.

Background. Nuclear and biological attacks have the potential to become one of the most dangerous manifestations of modern terrorism. At the same time in the Russian law, as well as in the jurisprudence, there is no clear understanding of the concepts related to this problem. The objectives of the work are to clarify the conceptual apparatus and to generate proposals for amendments to the legislation.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 17-03-00071.

Materials and methods. The author used the method of dialectics as a general scientific method that allows to study the phenomena and processes of reality in their historical development, as well as private-scientific methods (formal-legal, comparative legal methods and system analysis).

Results. The article considers a content of definitions of nuclear and biological terrorism offered by various authors. The researcher presents and proves her own point of view on this issue, analyzes the international legal regulation in this sphere and identifies shortcomings of the legal regulation of criminal responsibility for such terrorism in Russia. The article suggests a number of changes to the Criminal Code of the Russian Federation in order to ensure punishment for all possible ways of committing terrorist acts.

Conclusions. The theoretical propositions, formulated in the study, are aimed at elaboration of recommendations on improving the Russian legislation and are able to raise the level thereof. They can also be used in academic activities and in the educational process of higher professional education establishments of the law sphere, as well as in up-grading the qualification of practical staff and scientific-academic personnel in the sphere of jurisprudence.

Key words: terrorism, terrorist attack, nuclear terrorism, biological terrorism, crime, nuclear safety.

Терроризм повсеместно признается одной из главных угроз человечеству. Однако, несмотря на все силы и средства, которые бросаются государствами на защиту от него, изжить его полностью пока не получилось ни у одной страны в мире. Борьба с этой угрозой осложняется еще и тем, что методы террористов постоянно меняются, а преступники со временем задействуют все новые способы совершения террористических актов.

Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 5 октября 2009 г. [1], в числе основных направлений развития современного терроризма указывает разработку новых и совершенствование существующих форм и методов террористической деятельности, направленных на увеличение масштабов последствий террористических актов и количества пострадавших.

Особого внимания в данном контексте заслуживает анализ ядерной и биологической угроз со стороны террористов.

На национальном законодательном уровне термины «ядерный терроризм» и «биологический терроризм» не закреплены. В юридической науке существует точка зрения, что под биологическим терроризмом следует понимать использование в террористической деятельности различных бактериологических культур (бактерий, вирусов, токсинов и т.д.) в целях возбуждения эпидемий и эпизоотии (массовых заболеваний людей или животных). В свою очередь, ядерный терроризм представляет собой использование или угрозу использования в террористической деятельности ядерных взрывных устройств, а также радиоактивных материалов в целях радиоактивного заражения объектов, местности, водоемов, воздуха, а равно разрушение (повреждение, захват) ядерных объектов [2, с. 47, 48].

Недостатком приведенных дефиниций является отсутствие в них указания на существенные признаки терроризма как преступного деяния (в частности, не упоминается цель совершения теракта и наступление возможных общественно опасных последствий), что представляется недопустимым.

Современные российские правоведы нередко оценивают ядерный и биологический терроризм как проявление технологического терроризма [3, с. 46], под которым, в свою очередь, понимается использование или угроза использования ядерного, радиологического, химического или бактериологического (биологического) оружия или его компонентов, патогенных микроорганизмов, радиоактивных и других вредных для здоровья людей веществ, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на принятие решений органами власти, для достижения политических, корыстных или любых других целей [2, с. 47].

Объединение в одном термине столь разных по способам осуществления террористических явлений представляется ошибочным. Несмотря на то, что совершение актов ядерного терроризма и актов биологического терроризма может повлечь одинаковые последствия, содержание и способы реализации преступных намерений в этих случаях различны. Поэтому рассматривать их нужно, скорее, по отдельности, нежели в составе одного комплексного понятия, оставляющего за рамками анализа своеобразие каждого из терминов.

Международное сообщество относится к проблеме потенциальной опасности ядерного и биологического терроризма со всей серьезностью, о чем свидетельствуют многочисленные документы, принятые на соответствующем уровне.

Некоторые юристы привязывают понятие ядерного терроризма именно к международно-правовому регулированию, оставляя за его рамками национальное законодательство. Так, Н. Ю. Тимофеева считает, что ядерный терроризм представляет собой совокупность преступлений, нашедших отражение в международном праве, и характеризующих их признаков, перечисленных в ряде международных договоров антитеррористической направленности [4, с. 53; 5, с. 238]. С такой точкой зрения нельзя согласиться. Дефиницию ядерного терроризма следует проводить не по уровню правового регулирования (тем самым искусственно сужая область применения этого понятия, делая его объектом регулирования исключительно международных норм), а по способу осуществления этого преступного деяния. Как правильно отметил К. И. Косачев, здесь имеется в виду «деятельность, в основе которой лежит незаконное использование энергии атома, радиологических свойств веществ и которая направлена на достижение целей террористического характера» [6, с. 85], а основным признаком, по которому можно выделить данный вид преступного деяния из числа схожих с ним, служит либо объект посягательства (ядерные материалы или радиоактивные вещества), либо орудие преступления (имеющее то же происхождение) [6, с. 88].

Крен в сторону международного права наблюдается, впрочем, и у того же К. И. Косачева, который в другой своей работе утверждает, что под ядерным терроризмом следует понимать «общественно опасные деяния, предусмотренные мировым сообществом в качестве преступлений в нормах универсальных международных договоров или в обычных нормах международного права» [7, с. 11]. Безусловно, ядерные теракты могут относиться к преступлениям международного характера, нарушать установленный международный правопорядок и создавать угрозу международному миру и безопасности. Однако сводить их исключительно к подобным проявлениям не

следует. Национальное законодательство не должно игнорировать эту проблему, и исключение из сферы правового регулирования данного вопроса является, по нашему мнению, категорически неверным.

Возвращаясь к теме международно-правового противодействия ядерному терроризму, приведем краткую характеристику основных нормативных документов в данной сфере.

Первым значимым актом стала Конвенция о физической защите ядерного материала, принятая в 1979 г. и ратифицированная СССР в 1983 г. Этот акт закрепил на международном уровне понятие ядерного материала (путем перечисления соответствующих наименований) и призвал государства – участников Конвенции к ответственному отношению к опасным объектам при соблюдении всех надлежащих норм по хранению, перевозке и физической защите таких материалов. Конвенция также установила порядок определения уголовной юрисдикции и необходимость применения государствами мер ответственности за перечисленные в ней правонарушения. К числу преступлений были отнесены:

- ряд незаконных действий, направленных на получение ядерного материала (кража, захват путем грабежа, присвоение или получение обманным путем либо с применением угроз и запугивания);

- потенциально опасные манипуляции с таким материалом, проводимые без разрешения компетентных органов (получение, владение, использование, передача, видоизменение, уничтожение или распыление в случае, если влечет за собой или может повлечь смерть человека или причинение ему серьезного увечья, или причинение существенного ущерба чьей-либо собственности);

- различного рода угрозы (в частности, применяемые для использования ядерного материала с целью причинения смерти или иного ущерба людям или имуществу или для запугивания, воздействия на государства или организации с целью добиться от них принятия нужного решения).

Во исполнение предусмотренных Конвенцией 1979 г. договоренностей в России в настоящее время действуют утвержденные Правительством РФ Правила физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов [8]. В этом нормативном акте не только четко сформулированы все основные термины, относящиеся к определению возможных угроз и защите от них, но также прописаны разнообразные меры защиты ядерных объектов, конкретные действия уполномоченных органов власти и порядок обмена информацией между государственными органами исполнительной власти в случае несанкционированных действий в отношении ядерного объекта. Все упомянутые положения направлены на создание государственной системы физической защиты ядерных материалов и объектов и призваны, помимо прочего, пресечь любую возможность для террористов завладеть потенциально опасным орудием преступления.

В 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Международную конвенцию о борьбе с актами ядерного терроризма [9]. Россия подписала и ратифицировала этот документ в октябре 2006 г. Конвенция представляет собой новый шаг в продолжение пути, намеченного в 1979 г. Прежде всего она более четко формулирует понятия радиоактивного и ядерного материала, а также ядерного объекта. Впервые в международно-правовой практике употреб-

лен термин «устройство», под которым понимается любое ядерное взрывное устройство или любое рассеивающее радиоактивный материал или излучающее радиацию устройство, которое может в силу своих радиологических свойств причинить смерть, серьезное увечье либо существенный ущерб собственности или окружающей среде. Такое дополнение выглядит очень уместным. В отличие от материала как простого продукта ядерной промышленности, устройство подразумевает более сложный предмет – некое оборудование, умышленно созданное кем-то с преступными целями. Формально такой предмет не является радиоактивным или ядерным материалом, а потому ранее фактически не подпадал под действие международных договоренностей, хотя возможный ущерб от его применения мог быть куда более значительным, чем от использования материала. Продемонстрированный Конвенцией новый подход свидетельствует о стремлении ее создателей идти в ногу со временем и постараться охватить максимально широкий круг возможных правонарушений и унифицировать их понимание всеми странами с целью защитить мир от вредоносного воздействия ядерного терроризма.

Также расширился перечень возможных преступлений в данной сфере. Теперь к ним относятся:

- владение радиоактивным материалом либо изготовление или владение устройством (если такое деяние совершается с намерением причинить увечье или смерть либо нанести существенный ущерб собственности или окружающей среде);
- использование радиоактивного материала или устройства с теми же целями, а также с целью воздействия на принятие решения любыми лицами, государством или международной организацией;
- реальная угроза совершения вышеупомянутых действий;
- незаконные попытки завладения радиоактивным материалом, устройством или объектом посредством угроз или применения силы;
- соучастие, организация совершения и любое содействие совершению любого из перечисленных преступлений.

Страны – участники Конвенции также договорились об определении уголовной юрисдикции, сотрудничестве и взаимопомощи по всем вопросам, связанным с защитой людей, государств и мира в целом от угроз ядерного терроризма. Все перечисленные в акте деяния должны были быть включены в национальное законодательство в качестве уголовных преступлений, а наказания за них должны соответствовать их тяжкому характеру.

Стоит отметить, что разделение на международно-правовом уровне понятий ядерного и радиоактивного материала, которое впервые было закреплено Международной конвенцией о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г., не замедлило сказаться на отечественной науке уголовного права. Следуя приведенной Конвенцией классификации, ученые стали толковать ядерный терроризм в узком и широком смыслах. В последнем случае в содержание понятия включается ядерный терроризм в узком смысле (деяния, связанные с ядерными материалами и объектами) и радиационный (радиологический) терроризм (деяния, орудием или средством которых выступают радиоактивные материалы) [10, с. 65].

Не забывает международное сообщество и об угрозе биологического терроризма. В 1971 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Конвен-

ция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении [11]. Этот документ был ратифицирован СССР в 1975 г. Каждое государство-участник обязалось никогда и ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать и не сохранять никакие микробиологические или другие биологические агенты или токсины, не предназначенные для профилактических, защитных и иных мирных целей. Аналогичный запрет был установлен и в отношении оружия, оборудования или средств доставки, которые предназначены для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах. Со всеми необходимыми предосторожностями всякое биологическое оружие должно было быть незамедлительно уничтожено. Дальнейшее его производство и существование в мире должно было быть полностью исключено, а всем странам – участницам Конвенции надлежало внести соответствующие изменения в национальное законодательство. Государства также договорились сотрудничать в области обмена необходимой информацией и при устранении последствий, если таковые возникнут в результате применения в какой-либо из стран запрещенного бактериологического и токсинного оружия.

При изучении Конвенции 1971 г. некоторые специалисты указывают на низкую эффективность закрепленного ею механизма борьбы с распространением биологического оружия [12, с. 11]. Декларируя необходимость соответствующего запрета, документ вроде бы не создает действенного инструмента контроля за его исполнением. Выходы из этой ситуации предлагаются самые разные: от создания специальной международной структуры (например, Организации по запрещению биологического оружия), на которую можно было бы возложить функции контроля, до расширения полномочий существующих в составе Интерпола Комитета по борьбе с биотерроризмом и Информационно-справочного центра по предупреждению биотерроризма (чтобы они осуществляли также координацию и информационно-аналитическое сопровождение деятельности различных международных организаций, межгосударственных объединений, отдельных государств и их правоохранительных органов в сфере борьбы с биологическим терроризмом). Автор статьи полагает излишним умножение сущностей за счет учреждения новых международных организаций. Вполне достаточно было бы создания единого Координационного центра при Интерполе, как предлагает это сделать (на базе уже существующих в этом органе подразделений) А. Е. Симонова.

Как и в случае с ядерным терроризмом, некоторые юристы высказывают мнение, что биологический терроризм является разновидностью международного терроризма и относится к международным преступлениям, объектами которых выступают мир и безопасность человечества [12, с. 43]. С этим мнением можно согласиться с той лишь оговоркой, что поскольку правовое регулирование защиты от актов биологического терроризма не должно исчерпываться исключительно нормами международного права, то и понятие это не может рассматриваться в полном отрыве от национального законодательства.

В соответствии с принципами, заложенными Конвенцией 1971 г., в России был разработан и принят комплекс мер, направленных на обеспечение

биологической безопасности. Большинство этих мер носит организационный характер. Так, Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» [13] закрепил меры безопасности в одной из наиболее потенциально опасных сфер – генной инженерии. Г. Г. Онищенко также указывает, что в целях противодействия биологическому и химическому терроризму и во исполнение решения Федеральной антитеррористической комиссии Минздравом совместно с ФСБ, Минобороны, МВД и другими заинтересованными министерствами и ведомствами были приняты и иные организационные меры (например, разработана и одобрена Концепция антитеррористической деятельности федеральных органов исполнительной власти в области охраны окружающей среды и здоровья населения; образована межведомственная рабочая группа по вопросам защиты населения, сельскохозяйственных животных и растений от возможного применения террористами биологических, химических и иных средств массового поражения, а также борьбы с незаконным оборотом потенциально опасных веществ и материалов; разработано и утверждено несколько федеральных целевых программ [14]; созданы Федеральный межведомственный центр подготовки специалистов, испытания средств и методов идентификации возбудителей особо опасных инфекций на базе Волгоградского научно-исследовательского противочумного института, а также Центр специальной лабораторной диагностики и лечения на базе Вирусологического центра научно-исследовательского института микробиологии Минобороны России) [15, с. 19–21]. Всех этих документов, однако, в понимании бывшего главного санитарного врача РФ недостаточно для того, чтобы признать обеспечение биологической безопасности в стране удовлетворительным. Отсутствие достаточной нормативной базы (в первую очередь единого закона «О биологической безопасности»), несоответствие имеющейся материально-технической базы современным критериям чувствительности, скорости действия и эффективности, а также отсутствие в местах наиболее вероятного совершения терактов автоматических средств обнаружения биологических агентов в окружающей среде, как и отсутствие в стране федеральных запасов вакцин, иммунобиологических препаратов и антибиотиков, – все эти факторы, по мнению Г. Г. Онищенко, ставят под сомнение эффективность существующей сейчас в России системы биологической защиты. Выход эксперт видит только в одном – опережающем развитии биотехнологий и создании действенной системы проведения противозидемических мероприятий при чрезвычайных ситуациях (в том числе в случае совершения акта биологического терроризма).

Уголовно-правовое противодействие ядерному и биологическому терроризму в России в настоящее время осуществляется посредством установления ответственности за совершение террористического акта, если он сопряжен с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ (п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ). При этом Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 9 февраля 2012 г. № 1 [16] обратил внимание судов на то, что если в процессе совершения террористического акта были использованы незаконно приобретенные либо хра-

нящиеся ядерные материалы и радиоактивные вещества, то действия лица подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ и соответственно ст. 220, 222 или 223 УК РФ (п. 10).

Включение актов ядерного и биологического терроризма в особо квалифицированный состав, предусмотренный п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ, вызывает определенные нарекания со стороны ряда юристов. Так, В. Т. Корниенко признает формулировку закона «крайне проблемной для правоприменителя», поскольку при предъявлении обвинения в теракте, совершенном, к примеру, организованной группой, формулу обвинения, если следовать букве закона, придется выстраивать таким образом, что квалифицирующие признаки преступления окажутся в середине (и только после этого правоприменителю надлежит указывать, с посягательством на какие определенные законом особые объекты был совершен террористический акт) [17, с. 24]. В этом исследователю видит серьезную проблему, которую, в его понимании, не способна сгладить даже разница в санкциях ч. 2 и 3 ст. 205 УК РФ. В отличие от аргументации этой не вполне ясной проблемы, предложение ученого относительно внесения в Уголовный кодекс самостоятельного состава преступления, касающегося ядерной угрозы со стороны террористов, выглядит достаточно обоснованным. Отдельная статья позволила бы не только в полной мере соблюсти требования Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г. в части закрепления всей необходимой терминологии и видов посягательств. Она также дала бы возможность выделить квалифицированные составы этого деяния с учетом возможного соучастия в преступлении и в зависимости от тяжести наступивших последствий (угроза совершения подобных действий и деяние, повлекшее гибель людей, должны оцениваться и наказываться по-разному).

Уголовный кодекс РФ также включает комплекс мер в области борьбы с незаконным оборотом оружия массового поражения. В основном уголовно-правовое противодействие касается незаконного обращения с ядерными материалами и радиоактивными веществами (ст. 220 УК РФ), их хищения либо вымогательства (ст. 221 УК РФ), контрабанды радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, оружия массового поражения, средств его доставки, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании последнего (ст. 226.1). При этом санкции за совершение перечисленных преступлений предусмотрены достаточно мягкие. Так, например, совершение деяния по ч. 1 ст. 220 УК РФ (незаконные приобретение, хранение, использование, передача или разрушение ядерных материалов или радиоактивных веществ) наказывается лишением свободы на срок до двух лет, а в случае, если это повлекло по неосторожности смерть двух и более лиц (ч. 3 ст. 220 УК), – до семи лет.

Российский уголовный закон в ст. 355 также устанавливает ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения. В диспозиции нормы в качестве такового прямо перечислены химическое, биологическое и токсинное оружие. Категорически неверным представляется отсутствие в этом перечне прямого указания на ядерное оружие. Можно предположить, что в отношении него действует формулировка «другой вид оружия массового поражения, запрещенный международным договором РФ». Но, учитывая потенциальную возможность ис-

пользования террористами именно этого вида оружия, а также требования международно-правовых актов в отношении внесения соответствующих угроз в национальное законодательство, точное указание в диспозиции ст. 355 УК РФ относительно данного вида оружия представляется более оправданным, чем имеющаяся в тексте закона спорная бланкетная отсылка.

Подводя итог рассмотрению вышеозначенных проблем, можно сделать вывод о том, что предотвращение угрозы ядерного и биологического терроризма должно стать одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики России. Это объясняется общественной опасностью и широким спектром возможных негативных последствий, которые могут повлечь за собой указанные явления. Развитие технологий и модернизация общества создают не только научный и информационный потенциал страны, но и обуславливают совершенствование процесса совершения преступных деяний, в том числе и террористических, которым государство должно противодействовать посредством любых правовых и организационных мер.

Библиографический список

1. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) // Российская газета. – 2009. – № 198.
2. **Хлобустов, О. М.** О некоторых понятиях и терминах в сфере борьбы с современным терроризмом / О. М. Хлобустов // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 42–49.
3. **Некишев, В. Л.** О некоторых проблемах противодействия технологическому терроризму на транспорте / В. Л. Некишев, А. В. Некишев // Транспортное право. – 2006. – № 4. – С. 46–48.
4. **Тимофеева, Н. Ю.** Международно-правовые вопросы борьбы с терроризмом в евроатлантическом регионе : дис. ... канд. юрид. наук / Тимофеева Н. Ю. – М., 2009. – 222 с.
5. **Тимофеева, Н. Ю.** Международно-правовое сотрудничество в области противодействия ядерному терроризму / Н. Ю. Тимофеева // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2007. – № 3. – С. 238–241.
6. **Косачев, К. И.** Ядерный терроризм и международно-правовые механизмы борьбы с ним / К. И. Косачев // Государство и право. – 2004. – № 8. – С. 85–94.
7. **Косачев, К. И.** Концепция развития международного права в области борьбы с ядерным терроризмом : дис. ... канд. юрид. наук / Косачев К. И. – М., 2003. – 228 с.
8. Об утверждении Правил физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов : Постановление Правительства РФ от 19 июля 2007 г. № 456 (ред. от 14 марта 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4081.
9. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 апреля 2005 г.) // Организация Объединенных Наций. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nuc1_ter.shtml (дата обращения: 21.06.2016).
10. **Метельков, А. Н.** О соотношении понятий ядерного и радиационного терроризма как преступлений международного характера / А. Н. Метельков // Мир юридической науки. – 2014. – № 3. – С. 64–77.
11. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (одобрена резолюцией 2826 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1971 г.) // Организация Объединенных Наций. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml (дата обращения: 21.06.2016).

12. **Симонова, А. Е.** Противодействие биотерроризму. Международно-правовой аспект / А. Е. Симонова. – М. : Либроком, 2010. – 160 с.
13. О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности : Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ (ред. от 19 июля 2011 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 28. – Ст. 3348.
14. О федеральной целевой программе «Национальная система химической и биологической безопасности Российской Федерации (2009–2014 годы)» : Постановление Правительства РФ от 27 октября 2008 г. № 791 (ред. от 28 февраля 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 44. – Ст. 5093.
15. **Онищенко, Г. Г.** Противодействие биотерроризму: стратегия национального здравоохранения / Г. Г. Онищенко // Бюллетень «Вакцинация». – 2002. – № 3. – С. 16–26.
16. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 4.
17. **Корниенко, В. Т.** Проблемы квалификации ядерного терроризма / В. Т. Корниенко // Российский следователь. – 2013. – № 14. – С. 23–25.

References

1. *Rossiyskaya gazeta* [The Russian News paper]. 2009, no. 198.
2. Khlobustov O. M. *Rossiyskiy sledovatel'* [Russian investigator]. 2006, no. 5, pp. 42–49.
3. Nekishev V. L., Nekishev A. V. *Transportnoe pravo* [Transport law]. 2006, no. 4, pp. 46–48.
4. Timofeeva N. Yu. *Mezhdunarodno-pravovye voprosy bor'by s terrorizmom v evroatlanticheskom regione: dis. kand. yurid. nauk* [International legal issues of the struggle against terrorism in the European Atlantic region: dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Moscow, 2009, 222 p.
5. Timofeeva N. Yu. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Astrakhan State Technical University]. 2007, no. 3, pp. 238–241.
6. Kosachev K. I. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2004, no. 8, pp. 85–94.
7. Kosachev K. I. *Kontseptsiya razvitiya mezhdunarodnogo prava v oblasti bor'by s yadernym terrorizmom: dis. kand. yurid. nauk* [The conception of international law development in the field of struggle against nuclear terrorism: dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Moscow, 2003, 228 p.
8. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2007, no. 31, art. 4081.
9. *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsiy* [United Nations]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml (accessed June 21, 2016).
10. Metel'kov A. N. *Mir yuridicheskoy nauki* [The world of juridical science]. 2014, no. 3, pp. 64–77.
11. *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsiy* [United Nations]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml (accessed June 21, 2016).
12. Simonova A. E. *Protivodeystvie bioterrorizmu. Mezhdunarodno-pravovoy aspekt* [Counteracting terrorism. The international legal aspect]. Moscow: Librokom, 2010, 160 p.
13. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 1996, no. 28, art. 3348.
14. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2008, no. 44, art. 5093.
15. Onishchenko G. G. *Byulleten' «Vaksinatziya»* [“Vaccination” bulletin]. 2002, no. 3, pp. 16–26.
16. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2012, no. 4.
17. Kornienko V. T. *Rossiyskiy sledovatel'* [Russian investigator]. 2013, no. 14, pp. 23–25.

Капитонова Елена Анатольевна
доцент, кафедра уголовного права,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: e-kapitonova@yandex.ru

Kapitonova Elena Anatol'evna
Associate professor, sub-department
of criminal law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 343.34

Капитонова, Е. А.

Особенности ядерного и биологического терроризма как новых разновидностей террористического акта / Е. А. Капитонова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 57–67. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-6

УДК 316.334.2

DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-7

Г. Б. Кошарная, Р. В. Дмитриев

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Аннотация.

Актуальность и цели. Объектом исследования является предпринимательство – деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от производства и продажи товаров, оказания услуг. Цель исследования – выявить роль этики протестантизма и старообрядчества в формировании навыков, необходимых для ведения предпринимательской деятельности.

Материалы и методы. На основе анализа работ немецких социологов М. Вебера и В. Зомбарта, посвященных протестантизму, а также работ современных исследователей старообрядчества В. Макарова, В. Тимофеева и др. выявлены общие и особенные характеристики исследуемых конфессий, которые легли в основу предпринимательского «духа капитализма».

Результаты. Результаты исследования показали, что протестанты и старообрядцы значительно отличались от представителей других религий своей религиозностью, аскетическим образом жизни и воспитанием, которое способствовало развитию у них особого подхода к труду, предпринимательской деятельности. Однако, несмотря на общность взглядов западных реформаторов и русских раскольников в отношении к трудовой деятельности, установлено, что старообрядческая трудовая этика имеет свои особенности, связанные с российским менталитетом.

Выводы. Появление «духа капитализма» на базе протестантизма и старообрядчества способствовало значительному повышению активности ведения предпринимательской деятельности. Именно представители этих общин были более предрасположены к развитию «капиталистического духа» в отличие от всех остальных народов и приверженцев других религий.

Ключевые слова: протестантизм, старообрядчество, деловая этика, дух капитализма, предпринимательская деятельность.

G. B. Kosharnaya, R. V. Dmitriev

RELIGIOUS BASES OF BUSINESS DEVELOPMENT

Abstract.

Background. The research object is entrepreneurship – activities focused on systematic profit earning from production and selling of goods, rendering services. The research goal is to reveal the role of ethics of Protestantism and the Old Belief in development of skills necessary for entrepreneurial activities.

Materials and methods. Based on the analysis of works by German sociologists M. Weber and W. Sombart devoted to Protestantism, as well as works by contemporary researchers of the Old Belief V. Makarov, V. Timofeev and others, the authors

have revealed common and special features of the confessions under investigation that have formed the base of the entrepreneurial “spirit of capitalism”.

Results. The research results show that followers of Protestantism and the Old Belief distinguished themselves from representatives of other confessions by religiousness, the ascetic way of life and education that encouraged development of their special approach to labor, entrepreneurial activities. However, despite the community of views of western reformers and Russian dissenters regarding labor activities, it has been established that the labor ethics of the Old Belief used to have its peculiarities associated with the Russian mentality.

Conclusions. The appearance of the “spirit of capitalism” on the basis of Protestantism and the Old Belief promoted a significant increase of entrepreneurial activities. It was representatives of the said communities who were more inclined to the “capitalistic spirit” development unlike other peoples and followers of other religions.

Key words: Protestantism, the Old Belief, business ethics, spirit of capitalism, entrepreneurial activities.

Первоначально протестантами называли последователей «отца европейской Реформации» Мартина Лютера, который еще в первой половине XVI в., усмотрев противоречия в деятельности римской католической церкви положениям Библии, положил начало новому направлению в христианской религии. К середине XVII в. новое протестантское христианство распространяется уже во многих европейских странах. Кроме того, открытие Америки и активная миссионерская деятельность протестантов, с одной стороны, и нежелание католиков мириться с подобными рода новациями, с другой, стали причинами массового переселения сторонников реформации в другие страны и даже на другие континенты. Так, например И. П. Корнилов, анализируя протестантизм в России, отмечает, что уже с 1524 г. лютеране получали приглашения на государственную службу от самого Великого князя Василия III [1, с. 53]. Однако наибольшее число сторонников реформации предпочло переезд на новый, еще совсем мало изученный континент – Америку.

Известный социолог Макс Вебер после своей поездки в 1904 г. в США публикует сначала статью «Протестантские секты и дух капитализма», а в последующем значительно ее расширяет в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма». В этих работах ученый анализирует не только теоретические аспекты протестантской трудовой этики, но и приводит жизненные примеры влияния протестантского христианства на экономическое и социальное положение американцев в конце XIX – начале XX в. По мнению ученого, большинство протестантских христианских деноминаций отличались от православия и католичества более строгими требованиями соблюдать христианские заповеди [2, с. 273–306]. Исследователь В. А. Макаров сравнивает протестантов с «монахами в миру». Он указывает на тот факт, что именно сторонники реформации отличались особыми этическими качествами, являвшимися следствием аскетического воспитания [3, с. 103]. В свою очередь, сам Вебер отмечал, что такое воспитание оказывало существенное влияние на развитие особого «духа капитализма». Ученый высказывает предположение о том, что именно жители стран, в которых протестантская религия доминировала, отличались особыми качествами, необходимыми для торговой и предпринимательской деятельности. Это в конечном итоге, по мне-

нию социолога, привело к значительному экономическому превосходству протестантских стран над непротестантскими. Вебер пишет, что «стремление к предпринимательству», «к наживе» было характерным для абсолютно любой страны во все исторические периоды. Однако именно на западе в тех странах, которые условно называются «протестантскими», появляется, как считает Вебер, особый дух, названный им «капиталистическим». Отличие такого «духа», по мнению ученого, заключается в том, что лица, им обладающие, стремясь к получению как можно большего материального (в первую очередь денежного) дохода, не надеются тем самым реализовать свои жизненные потребности, повысить комфортность проживания и собственную обеспеченность.

В. А. Писемский и Ю. Н. Калашнов, сравнивая протестантскую и старообрядческую трудовую этику, отмечали, с одной стороны, общие черты европейской реформации и раскола русской православной церкви, а с другой, указывали на более выраженные нравственные черты последней [4, с. 215]. В частности, исследователи считают, что, в отличие от европейского или американского протестантизма, в старообрядчестве деловые успехи не свидетельствуют об избранности человека перед Богом (что является одним из положений протестантизма). Исследователь Г. Гловели, сравнивая староверов и протестантов, отмечал большую сплоченность в старообрядческой среде, по сравнению с православной новообрядческой [5, с. 115]. А. Соболевская называет старообрядцев «русскими протестантами». Она не только делает акцент на общности взглядов западных реформаторов и русских раскольников в вопросах изучения Священного Писания, отношения к трудовой деятельности, но и указывает, что старообрядческая трудовая этика при всей ее близости к протестантской имела свои особенности, характерные для российского менталитета [6, с. 90].

В. В. Тимофеев, председатель Чебоксарской старообрядческой общины, в 2006 г. издал монографию «Русские старообрядцы в XVIII–XX вв.: опыт предпринимательской деятельности и общественного служения в России и за рубежом», в которой старообрядцами называет «духовенство и мирян», несогласных с нововведениями Патриарха Никона в середине XVI в. и «стремящихся сохранить традиции древней Русской Православной Церкви» [7, с. 277]. В указанной работе исследователь отмечает целый ряд запретов и ограничений, установленных государственной властью по отношению к старообрядцам. Так, последним было запрещено заниматься большинством видов трудовой деятельности, кроме торговли. Начиная с 1716 г. было принято множество законов, облагавших староверов двукратным и даже четырехкратным налогом. Православная церковь, оказывавшая значительное влияние на внутрисполитическое развитие России того времени, пыталась использовать налогообложение староверов как один из способов не только искоренения «ереси», но даже в большей степени ее нераспространения по территории России.

Однако, по мнению историков, вышеуказанные меры имели обратный эффект. Одни старообрядцы, за неимением возможности уплачивать столь высокие подати государству, придерживались своей веры тайно. Другие, считая свою веру единственной истинной и не желая скрываться, активно искали способы повышения уровня своих доходов. Поэтому в старообрядчестве,

в отличие от протестантизма, на развитие особой деловой этики повлияло не только Священное Писание, но и проводимая в рассматриваемый период внутренняя политика. Результатом реформ Петра III и Екатерины II было возвращение староверам их личных, гражданских и имущественных прав, благодаря чему последние заметно расширяют сферу своей трудовой деятельности, а в крупных торговых и промышленных городах начинают укреплять свое влияние старообрядческие общины, развивается старообрядческая торговля, ремесло и промышленность. Среди особенностей старообрядческой религии можно выделить их веру в то, что напряженный труд угоден Богу, а коммерческий успех рассматривался как результат и показатель благословения Бога.

Необходимо отметить еще одно сходство протестантской и старообрядческой этики. Макс Вебер в работе «Протестантские секты и дух капитализма» отмечает, что в начале XX в. в США принадлежность к определенной протестантской секте определяла деловой успех человека, так как секта оказывала активную помощь и поддержку своим членам. Аналогично В. В. Тимофеев в своей монографии отмечает стремление старообрядческих предпринимателей создавать конфессионально ограниченные производства. Историк приходит к выводу о том, что такое ограничение оказывается обоюдно выгодным. Религиозная этика работников старообрядческого предприятия требовала от них высококачественного выполнения своих трудовых обязанностей. В свою очередь, руководители этих предприятий, также будучи староверами, вынуждены были считаться с мнением старообрядческой общины, в том числе в вопросах отношения к наемным работникам. В случае возникновения материальных или иных проблем, не зависящих от самого человека, как в старообрядчестве, так и в протестантизме такому верующему приходила на помощь вся община. Вебер отмечал, что в США община могла дать поручительство за своего члена, оказать ему денежную помощь. Последний при этом не был скован юридическими обязательствами и мог отдать долг по мере улучшения своего материального состояния. В. В. Тимофеев, в свою очередь, приводит примеры того, как в XVIII–XIX вв. староверы помогали своим единоверцам выкупиться из крепостной зависимости. Кроме того, можно указать еще на одно сходство русских староверов и западных протестантов. Староверы, как правило, отличались от православных в своей общей массе более высоким уровнем грамотности, а протестанты, согласно Веберу, от представителей всех иных религий и атеистов наличием «капиталистического духа». И в первом, и во втором случаях указанные отличия послужили одной из причин более высокого материального состояния их адептов.

Анализируя роль протестантизма в становлении капитализма, М. Вебер и В. Зомбарт ввели понятие «дух капитализма», которое характеризовало особый способ ведения хозяйственной деятельности [8, с. 171].

Вебер утверждал, что развитию «духа капитализма» способствовала протестантская этика, тогда как Зомбарт, наоборот, считал последнюю препятствием развитию такого «духа». Однако, несмотря на данное расхождение во взглядах, оба ученых считали появление «духа капитализма» фактором, способствующим значительному повышению активности ведения предпринимательской деятельности. Для описания вышеупомянутого «духа» Вебер

в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» цитирует некий документ, содержание которого, по мнению ученого, отражает такой «дух». Основные положения анализируемого документа: «Помни что время – деньги», «Кредит – деньги», «Деньги по природе своей плодотворны и способны порождать новые деньги» – являются своего рода повседневными правилами поведения человека, обладающего «духом капитализма».

В своих работах «Протестантская этика и дух капитализма» и «Протестантские секты и дух капитализма» Макс Вебер неоднократно подчеркивает, что наибольшего своего развития «дух капитализма» достиг именно в США [2]. Так, первая вышеуказанная работа ученого отражает в большей степени содержание протестантской религиозной этики, под влиянием которой люди, исповедующие протестантское христианство, добивались значительно более высоких успехов в предпринимательстве. Во втором труде ученого приведены яркие жизненные примеры влияния протестантской религии на предпринимательскую деятельность.

Рассматривая влияние протестантской религии на развитие предпринимательской деятельности, следует учитывать не только факт появления некоего «духа капитализма» как отражения христианской этики протестантов. Необходимо принять во внимание и те социальные изменения, которые были продиктованы распространением протестантской религии. К ним в первую очередь относится мирская аскеза, т.е. повседневное поведение человека, ориентированное на библейские принципы. Сама культура, господствующие правила и принципы должного поведения человека в обществе, как результат влияния протестантской религии, определяли мировоззрение человека, его цели и ценностные установки в жизни, круг общения, особенности отношения к окружающим, в том числе незнакомым людям.

Наверное, было бы ошибкой утверждать, что абсолютно все американцы или абсолютно все люди, исповедующие протестантскую религию, были более успешными с точки зрения их трудовой деятельности в сравнении с приверженцами других религиозных конфессий. Однако, как следует из трудов Макса Вебера, а также некоторых современных ученых, например В. А. Макарова, именно американцы и представители протестантских общин в большинстве своем были более предрасположены к развитию анализируемого «капиталистического духа» в отличие от всех остальных народов и приверженцев других религий [3, с. 189].

Учеными, которые занимаются изучением протестантизма и старообрядчества, были выдвинуты теории о том, что лица, исповедующие данные религии, получили особое этическое и религиозное воспитание, которое, по их мнению, способствовало развитию капиталистического и предпринимательского духа. Важное место среди подобного рода исследований занимают работы немецкого социолога Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» и «Протестантские секты и дух капитализма». К исследованиям трудовых ценностей старообрядцев, способствующих развитию у них предпринимательских качеств, на территории Чувашской Республики следует в первую очередь отнести монографию В. В. Тимофеева «Русские старообрядцы в XVIII–XX вв.: опыт предпринимательской деятельности и общественного служения в России и за рубежом». Он, а также многие другие авто-

ры, занимавшиеся исследованиями старообрядцев и протестантов, отмечали у последних особое отношение к труду как к священной обязанности.

Описание трудовых ценностей протестантов Вебер начинает с анализа некого документа, отражающего, по его мнению, «дух капитализма». Согласно этому документу пустая трата времени равносильна потере денег, невозвращенный в срок займ оборачивается для заимодавца потерей всех тех процентов, которые бы он мог получить, вложив данные займы деньги, главным предназначением денег является увеличение их численности. Большое внимание необходимо уделять точному подсчету своих доходов и расходов. Макс Вебер ссылается на Бенджамина Франклина, мировоззрение которого, по мнению социолога, как раз соответствует вышеизложенным принципам.

Вебер всячески показывает, что трудовые ценности, такие как, например, усердная деятельность в рамках профессии, воспитанные в гражданах, исповедующих протестантскую религию, мотивируют последних к качественному исполнению своих трудовых обязанностей. Последнее, по мнению ученого, способствует становлению и укреплению доверия к человеку как деловому партнеру, что способствует коммерческому успеху, накоплению капитала, а самое главное – пробуждению в человеке особого «духа». По мнению Вебера, наибольшее развитие такой «дух» получает именно в США.

В. А. Макаров не только раскрывает методологическую роль концепции М. Вебера в обосновании современной протестантской трудовой этики, характеризует догматику ее ценностных императивов, но и обосновывает роль трудовой этики в становлении предпринимательства в США, определяет значение ценностей трудовой этики в становлении и развитии экономических отношений в США. Ученый проводит анализ и латиноамериканских стран, в которых он выявляет следующую тенденцию: смена человеком католического вероисповедания протестантским непременно способствует повышению уровня его доходов. Так, по мнению исследователя, во всех американцах с самого рождения воспитывается ценность труда – упорного и старательного – как самого необходимого для достижения жизненных целей и удовлетворения собственных потребностей.

В. А. Макаров отмечает, что в настоящее время изменяются не только ценности тех американцев, которые уходят из протестантизма в католичество. Даже среди тех, кто исповедует протестантское христианство, наблюдается значительное снижение влияния религии на повседневную жизнь. Так, в статье «Религиозные ценности американцев», опубликованной в 2012 г. на сайте форума Пью (Pew Research centr) pewforum.org, говорится о том, что американцы, в первую очередь молодежь, отходят от церкви. При этом большинство описываемых причин подобного отхода можно отнести скорее к субъективным, чем к объективным. В их числе указание на тот факт, что 31 % молодых американцев «чего-то не хватает в их религиозном опыте, церковная жизнь вызывает скуку» [Pew Forum, America's] [9]. На наш взгляд, подобное утверждение демонстрирует, что подход протестантизма, предполагавший большую свободу каждому верующему, личное прочтение и интерпретацию Библии, о чем говорили М. Лютер [10, с. 49] и Ж. Кальвин [11, с. 563], выявил существенные недостатки в плане религиозного воспитания личности.

Сравнивая традиционализм и капитализм, М. Вебер отмечал, что для традиционализма свойственны спокойствие, размеренность, постоянство и стабильность в деловых отношениях, которые преобладали над «жаждой наживы», ориентация труда на достижение лишь необходимых потребностей. В противоположность традиционализму, для капитализма в первую очередь свойственна «жажда наживы». Именно ей подчинены все деловые отношения, а также нравственные качества предпринимателей. Социолог подчеркивал, что баптисты и квакеры еще с XVII в. в своей профессиональной деятельности руководствовались принципом «Честность – лучшая политика», и выступал резко негативно по отношению к недобросовестности и инстинктивной жадности. Анализируя социально-экономические особенности повседневной жизни американцев начала XX в., в качестве первой особенности того периода развития Америки Вебер выделял вопрос о принадлежности к какой-либо религиозной организации. Желая вступить в такую религиозную организацию должен был пройти целый ряд проверок его этических качеств – честности, добропорядочности, точности исполнения обещаний и др. Такие проверки охватывали всю жизнь человека, начиная с самого его рождения. Прошедший такую проверку гражданин становился членом религиозной организации. Такое членство, как пишет Вебер, давало ему возможность не только обратить членов религиозной организации в своих клиентов, но и, зарекомендовав себя ответственным деловым человеком, получить клиентов среди членов других религиозных организаций.

Таким образом, можно говорить о том, что организация трудовой деятельности протестантов Америки начала XX в. во многом зависела от их религиозной принадлежности. Как следствие, большинство американцев отличались особым аскетическим воспитанием, характерным для той или иной протестантской церкви или секты. Будучи высоко религиозными, им приходилось во многом ограничивать себя в повседневной жизни. Такие ограничения приводили к накоплению энергии, которая направлялась в трудовую деятельность. Особенностью протестантских сект, как пишет Вебер, являлось воспитание и отбор определенных человеческих качеств. Социолог не раскрывает, какие именно качества считались необходимыми, однако утверждает, что они имели большое значение для развития «духа капитализма». Кроме того, каждый член секты постоянно и многократно подтверждал наличие у себя подобных качеств перед своей общиной. Вебер, анализируя различия протестантских церквей и сект, выделяет следующую особенность: в церкви человек стремился к утверждению своей избранности перед Богом, а в секте – «перед людьми» – членами секты.

Именно утверждение своей «избранности перед людьми», характерное для протестантских сект, явилось основой жизненного и делового поведения их адептов и определяло характер взаимоотношений с другими людьми, в том числе в деловой сфере. В этой связи интерес представляет сравнение особенностей организации труда и отношения с деловыми партнерами и клиентами у протестантов и старообрядцев. Деловое поведение последних достаточно подробно анализируется в трудах В. В. Тимофеева, Е. А. Архиповой и др. Е. А. Архипова считает экономические успехи старообрядцев следствием изменения их образа жизни, связанного с действиями властей и русской православной церкви [12, с. 175].

В. В. Тимофеев отмечает, что характерной чертой старообрядческого предпринимательства было создание конфессионально ограниченных производств. Организация труда, отношения руководителей с подчиненными строились в большинстве своем на соблюдении этических принципов староверов. Благодаря этому, как отмечает В. В. Тимофеев, значительно снижались производственные риски, а общность веры была гарантией как качественного труда рабочих, так и справедливого вознаграждения, создания всех необходимых для производства условий со стороны руководителей. Ученый отмечает, что на многих старообрядческих предприятиях не было выявлено ни одного случая конфликтов между предпринимателями и наемными работниками. В тех же случаях, когда конфликт был неизбежен, предпринимателю, являвшемуся членом той же старообрядческой общины, что и его работники, приходилось учитывать требования последних. Большинство конфликтов на старообрядческих предприятиях В. В. Тимофеев связывает с тем фактом, что наемными работниками на них были представители других религий, результаты труда которых были значительно ниже. После революции 1917 г. многие старообрядцы эмигрировали в Румынию, Францию, Китай, США, Канаду и другие страны.

Как указывалось выше, протестанты и старообрядцы в западной и российской истории значительно отличались от представителей других религий своей религиозностью, аскетическим образом жизни и воспитанием, которое способствовало развитию у них особого подхода к труду, предпринимательской деятельности. Особый подход к труду и предпринимательской деятельности, по Веберу, объяснялся развитием у представителей данных христианских конфессий рациональной капиталистической организации труда. Макс Вебер приводит различие традиционализма и капитализма, и в этом различии характеризует особенности капиталистического духа.

Так, появление капиталистического духа, по Веберу, определяет переход от традиционного хозяйствования к капиталистическому. И если первый тип хозяйствования главной своей целью ставит удовлетворение минимально необходимых жизненных потребностей человека путем обмена или даже предпринимательской деятельности, то второй направлен на приобретательство и наживу. Такой тип хозяйствования определяет экономическое поведение протестантов и старообрядцев. Макс Вебер приводит пример превращения традиционного способа хозяйствования в капиталистический. Традиционный способ предполагает индивидуальный подход к производству, при котором рабочий изготавливает продукцию «как для себя». Такой процесс производства требует значительных затрат времени и сырья, необходимого для конечного продукта. Капиталистический способ хозяйствования, с одной стороны, расчленяет процесс производства на отдельные элементы, одновременно закрепляя за каждым работником строго ограниченный набор профессиональных обязанностей. Кроме того, именно в капиталистический способ хозяйствования заставляет по-иному взглянуть на соотношение спроса и предложения. Так, если в традиционализме ремесленник изготавливал ограниченное количество продукции, то при увеличении объемов производства может возникнуть проблема реализации товара.

На первоначальном этапе протестантские и старообрядческие предприниматели, преисполненные духом капитализма, встречали серьезное сопро-

тивление со стороны традиционного типа хозяйствования. В результате этого, как отмечает Макс Вебер, одна часть новых предпринимателей сдавалась, тогда как другая, преодолевая все трудности, лишь закаливала в себе упомянутый выше «капиталистический дух». Можно предположить, что новый тип хозяйствования определял появление такого «духа», а необходимость сопротивления «традиционализму» способствовала непрерывному совершенствованию экономического поведения, в первую очередь протестантов на западе и старообрядцев в России.

В западном протестантизме развитию «капиталистического духа» способствовал тот факт, что церковная реформация совпала с эпохой новых географических открытий. В. А. Макаров отмечает, что европейские протестанты, вынужденные покинуть свою страну в результате религиозных гонений, предпочитали мигрировать в первую очередь на вновь открытый континент. Там, в силу значительной технической и экономической отсталости новой территории, протестанты – в первую очередь пуритане и пресвитериане – добивались значительных экономических успехов. Сам В. А. Макаров первоначально говорит о том, что Америка того периода нуждалась не столько в деньгах или современных технических новинках, сколько в трудолюбивых людях, которые бы смогли довести уровень ее развития до среднеевропейского. Далее он отмечает, что это и было сделано массово переселявшимися на континент протестантами, в первую очередь пуританами и пресвитерианами.

В исследованиях В. В. Тимофеева, Е. А. Архиповой, Т. Б. Коваль [13], посвященных изучению вопросов старообрядческого предпринимательства, отмечается, что русская православная церковь, а также многие российские императоры испытывали большое недоверие к старообрядцам, видели в них угрозу как религиозного, так и политического характера. Среди мер, направленных на снижение численности старообрядцев, а в идеале – полному их исчезновению, в первую очередь выделяют обложение староверов двух-, четырех- и более кратными налогами, в сравнении с теми, кто придерживался православной веры. Однако сами старообрядцы, не желая отказываться от своих религиозных взглядов, делали все возможное для того, чтобы заработать требуемую сумму денег. Их религиозная мотивация оказалась настолько сильной, что в последующем староверы начали значительно отличаться от православных христиан не только своими религиозными взглядами, но и размером имущества, очень сильной, в том числе экономической, поддержкой сторонников своей веры.

В заключение следует подчеркнуть, что протестанты и старообрядцы значительно отличались от представителей других религий своей религиозностью, аскетическим образом жизни и воспитанием, которое приводило к развитию у них особого подхода к труду и в конечном итоге способствовало успехам в предпринимательской деятельности.

Библиографический список

1. **Корнилов, И. П.** Протестантизм в Татарстане: основные этапы и особенности развития: XVIII в. – 80-е гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 09.00.13 / Корнилов И. П. – М., 2003. – 173 с.
2. **Вебер, М.** Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990.

3. **Макаров, В. А.** Трудовая этика протестантизма и современное предпринимательство в США : дис. ... канд. филос. наук / Макаров В. А. – Чита, 2013. – 216 с.
4. **Писемский, В. А.** Православие и духовный тип российского предпринимателя / В. А. Писемский, Ю. Н. Калашнов // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. – М., 1993. – Вып. 1. – Ч. 2. – С. 343–350.
5. **Гловели, Г.** Цивилизационный опыт России: необходимость уточнения / Г. Гловели // Вопросы экономики. – 1993. – № 8.
6. **Соболевская, А.** Духовные истоки российского предпринимательства / А. Соболевская // Вопросы экономики. – 1995. – № 8. – С. 88–96.
7. **Тимофеев, В. В.** Русские старообрядцы в XVIII–XX вв: опыт предпринимательской деятельности и общественного служения в России и за рубежом / В. В. Тимофеев. – 2-е изд. – М. ; Чебоксары, 2006. – 388 с.
8. **Зомбарт, В.** Буржуа : [пер. с нем.] / В. Зомбарт ; Ин-т социологии. – М. : Наука, 1994. – 443 с.
9. Americans' Religious Values. – URL: <http://www.pewforum.org/2012/06/07/americans-religious-values/>
10. **Marty, M.** Martin Luther / M. Marty. – New York : Viking Penguin, 2004. – 261 p.
11. **Calvin, J.** Commentaries on the Four Last Books of Moses arranged in the Form of a Harmony. Vol. I–IV / J. Calvin. – Grand Rapids : Eerdmans, 1948. – 1462 p.
12. **Архипова, Е. А.** Старообрядческое предпринимательство в российской историографии середины XIX – начала XXI в. : дис. ... канд. ист. наук / Архипова Е. А. – М., 2013. – 343 с.
13. **Коваль, Т. Б.** Личность и собственность в христианстве: Православие. Католицизм. Протестантизм. Сравнительный анализ : дис. ... д-ра ист. наук / Коваль Т. Б. – М., 2009. – 458 с.

References

1. Kornilov I. P. *Protestantizm v Tatarstane: osnovnye etapy i osobennosti razvitiya: XVIII v. – 80-e gg. XX v.: dis. kand. ist. nauk: 09.00.13* [Protestantism in Tatarstan: main development stages and features: XVIII century – 1980s: dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Moscow, 2003, 173 p.
2. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, 1990.
3. Makarov V. A. *Trudovaya etika protestantizma i sovremennoe predprinimatel'stvo v SShA: dis. kand. filos. nauk* [Labor ethics of Protestantism and modern entrepreneurship in USA: dissertation to apply for the degree of the candidate of philosophy]. Chita, 2013, 216 p.
4. Pisemskiy V. A., Kalashnov Yu. N. *Iz istorii ekonomicheskoy mysli i narodnogo khozyaystva Rossii* [From the history of economic thought and national economy of Russia]. Moscow, 1993, iss. 1, part 2, pp. 343–350.
5. Gloveli G. *Voprosy ekonomiki* [Economic problems]. 1993, no. 8.
6. Sobolevskaya A. *Voprosy ekonomiki* [Economic problems]. 1995, no. 8, pp. 88–96.
7. Timofeev V. V. *Russkie staroobryadtsy v XVIII–XX vv: opyt predprinimatel'skoy deyatel'nosti i obshchestvennogo sluzheniya v Rossii i za rubezhom* [Russian followers of the Old Belief in XVIII–XX centuries: the experience of entrepreneurial activities and public service in Russia and abroad]. 2nd ed. Moscow; Cheboksary, 2006, 388 p.
8. Zombart V. *Burzhua: per. s nem.* [Bourgeois: translation from German]. In: *totsiologii*. Moscow: Nauka, 1994, 443 p.
9. *Americans' Religious Values*. Available at: <http://www.pewforum.org/2012/06/07/americans-religious-values/>
10. Marty M. *Martin Luther*. New York: Viking Penguin, 2004, 261 p.
11. Calvin J. *Commentaries on the Four Last Books of Moses arranged in the Form of a Harmony. Vol. I–IV*. Grand Rapids: Eerdmans, 1948, 1462 p.

12. Arkhipova E. A. *Staroobryadcheskoe predprinimatel'stvo v rossiyskoy istoriografii srediny XIX – nachala XXI v.: dis. kand. ist. nauk* [Entrepreneurship of the Old Belief followers in Russian historiography in the middle of XIX – early XXI centuries: dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Moscow, 2013, 343 p.
13. Koval' T. B. *Lichnost' i sobstvennost' v khristianstve: Pravoslaviye. Katolitsizm. Protestantizm. Sravnitel'nyy analiz: dis. d-ra ist. nauk* [The personality and property in Christianity: Orthodoxy. Catholicism. Protestantism. A comparative analysis: dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Moscow, 2009, 458 p.

Кошарная Галина Борисовна

доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии
и управления персоналом, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: siup@pnzgu.ru

Kosharnaya Galina Borisovna

Doctor of sociological sciences, professor,
head of sub-department of sociology and
human resource management, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Дмитриев Роман Вячеславович

аспирант, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: mitrioman2008@rambler.ru

Dmitriev Roman Vyacheslavovich

Postgraduate student, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

УДК 316.334.2

Кошарная, Г. Б.

Религиозные основы развития предпринимательства / Г. Б. Кошарная, Р. В. Дмитриев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 68–78. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-7

М. В. Рябоконь, М. С. Черномор

**ПРИНЯТИЕ АБИТУРИЕНТАМИ РЕШЕНИЯ О ВЫБОРЕ ВУЗА
(НА ПРИМЕРЕ ПРИЕМА В НИЖЕГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО)**

Аннотация.

Актуальность и цели. В условиях конкуренции вузов, их борьбы за талантливых абитуриентов и студентов особое значение приобретают исследования процесса выбора вуза и принятия решения абитуриентами. Важнейшим аспектом, влияющим на поведение абитуриента, является взаимодействие с приемной комиссией университета в ходе приемной кампании. Цель исследования – оценить эффективность взаимодействия абитуриентов и университета в процессе поступления.

Материалы и методы. Реализация задач осуществлена в результате проведения исследования оценки абитуриентами качества работы приемной комиссии и эффективности системы информирования о приеме в университет. Проведен анкетный опрос абитуриентов Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского ($n = 989$).

Результаты. Исследованы наиболее значимые для абитуриентов источники информации о приеме в университет, а также некоторые характеристики поискового поведения абитуриента в процессе поступления.

Выводы. Исследование позволило оценить эффективность использования абитуриентами имеющихся в университете каналов коммуникации, получить оценку абитуриентами качества работы приемной комиссии. Проанализировано поисковое поведение абитуриентов университета в процессе поступления. Особое значение для абитуриентов имеет поиск информации на официальном сайте университета и общение с сотрудниками приемной комиссии. Результаты исследования позволяют разработать предложения по усовершенствованию организации приема в университет.

Ключевые слова: абитуриент, выбор вуза, коммуникации, социальное взаимодействие, социальное поведение.

М. V. Ryabokon, M. S. Chernomor

**DECISION MAKING ON UNIVERSITY SELECTION
BY ENTRANTS (BY THE EXAMPLE OF THE ADMISSION
TO LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNY NOVGOROD)**

Abstract.

Background. In conditions of the competition among universities talented university entrants and students the study of the procedure of university selection and decision making by entrants is of particular importance. The most important aspect that affects the behavior of entrants is the interaction with admission offices of universities during admission campaigns. The purpose of the study is to evaluate the effectiveness of interaction between students and universities in the admission process.

Materials and methods. The research tasks were implemented through studying entrants' evaluation of the admission office's work quality and the effectiveness of the system of university admission informing. The study was based on a questionnaire survey of students from Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod ($n = 989$).

Results. The authors studied the most important sources of information for entrants about the admission to the University, as well as some characteristics of the entrants' searching behavior in the admissions process.

Conclusions. The research has allowed to estimate the effectiveness of communication channels with university entrants, to obtain entrants' evaluation of the admission office's work quality. The entrants' searching behavior in the admissions process has also been analyzed. Of particular importance for applicants is the search for information on the official University website and the communication with the admission office staff. The study results can help develop proposals to improve the organization of university admission.

Key words: university entrant, university selection, communication, social interaction, social behavior.

В последнее время большое внимание социологов привлекают вопросы мотивации получения высшего образования и образовательных стратегий [1–3], позиционирования образовательных организаций высшего образования на рынке образовательных услуг [4] и взаимодействия с рынком абитуриентов [5, 6].

В условиях сложившегося рынка высшего образования перед классическим университетом стоит ряд взаимосвязанных задач по формированию имиджа и привлечению талантливых студентов в условиях конкуренции с другими образовательными организациями высшего образования. Решение задач по привлечению в университет наиболее заинтересованных в обучении и осознанном получении профессии абитуриентов напрямую связано с анализом поведения абитуриентов в ситуации поступления. На основе знания мотивов и механизма принятия решения университет получает возможность выстраивать эффективную информационную политику, что связано с формированием имиджа на рынке высшего образования, и разрабатывать систему профориентационной работы с целевыми группами будущих абитуриентов.

В условиях, когда основной формой вступительных испытаний и механизмом конкурсного отбора является ЕГЭ, происходят существенные изменения в системе приема в вузы. С одной стороны, абитуриенты, избавленные от необходимости проходить вступительные испытания при поступлении, имеют более широкие возможности выбора направлений подготовки и образовательных организаций высшего образования. С другой стороны, абитуриент оказывается в ситуации неопределенности, связанной с невозможностью заранее рассчитать результат предпринятого выбора [7]. Рассматривая процесс принятия решения в ситуации выбора вуза как движение к определенности, стоит обратить внимание на информационный аспект состояния неопределенности. В этих условиях особое значение для абитуриентов приобретает получение полной, достоверной и доступной для понимания информации об университете, направлениях подготовки и поступлении. Преодоление неопределенности в этой связи побуждает абитуриента к активному поисковому поведению. Правильная подача информации об университете приобретает

особое значение в работе по привлечению талантливых абитуриентов и студентов.

Поведение абитуриентов часто анализируется с позиции выстраивания образовательных стратегий в зависимости от разделяемых жизненных ценностей [8]. В то же время ситуация поступления в вуз может рассматриваться и с позиций теории рационального выбора, когда процесс принятия решения при поступлении в университет сопровождается оценкой рисков и определением стратегии достижения наиболее предпочтительного результата в сочетании с минимизацией затрат на основе имеющейся информации о вариантах поведения [9]. В анализе поведения абитуриента в ситуации принятия решения о выборе образовательной организации высшего образования можно выделить ценностный и рациональный компоненты. Поисковое поведение напрямую соотносится с реализацией рационального компонента, а потому актуальным становится изучение источников информации о поступлении, оценки их качества и надежности абитуриентами университета.

С целью оценки эффективности взаимодействия Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (ННГУ) с абитуриентами, выявления наиболее значимых источников информации и их влияния на процесс принятия решения о поступлении в университет в августе 2016 г. нами было проведено исследование методом анкетирования абитуриентов ННГУ ($n = 989$). В квотной выборке представлены абитуриенты всех факультетов и институтов ННГУ, поступающие на программы среднего профессионального образования (СПО), программы бакалавриата, специалитета и магистратуры (табл. 1). Выборку составили 20 % от общего количества абитуриентов, зачисленных в ННГУ на первый курс в 2016 г.

Таблица 1

Программы, на которые поступают абитуриенты, %

На программы бакалавриата, специалитета (первое образование)	75,5
В магистратуру	10,8
На программы СПО после 11 класса	10,0
На программы СПО после 9 класса	2,1
На программы бакалавриата, специалитета (второе образование)	1,5

Около половины абитуриентов ННГУ составляют нижегородцы, почти треть – жители Нижегородской области, пятая часть – представители других субъектов РФ (табл. 2).

Таблица 2

Место проживания до поступления, %

Нижний Новгород	48,2
Город или село в Нижегородской области	31,9
Город или село в другой области	16,5
Другой областной центр	3,4

Большая часть абитуриентов ННГУ – поступающие на программы бакалавриата и специалитета на базе среднего общего образования. Особен-

ность классического университета заключается в заметно представленной группе выпускников лицеев и гимназий (19 %) (табл. 3).

Таблица 3

Предыдущее образование абитуриентов, %

В средней школе без специализации	52,1
В лицее, гимназии	19,0
В специализированной школе	11,1
В колледже, техникуме	6,0
В частной школе	0,3
В вузе	11,5

Ситуацию неопределенности в момент принятия решения о поступлении в университет иллюстрирует время осуществления этого выбора. Большинство абитуриентов принимают решение о поступлении в ННГУ заранее. Тем не менее до трети абитуриентов задумываются над выбором университета непосредственно перед поступлением. Заметна также целевая группа абитуриентов университета, для которых выбор ННГУ не предполагал рассмотрение иных вариантов (15,1 %) (табл. 4).

Таблица 4

Время принятия решения о поступлении в ННГУ, %

В последний момент перед подачей заявления	13,4
После сдачи ЕГЭ	18,8
За полгода до поступления	15,9
За год до поступления	21,9
За 2–3 года до поступления	14,9
Всегда знал(а), что буду поступать именно в ННГУ	15,1

Ситуация неопределенности характеризуется также оценкой удовлетворенности результатами поступления и некоторыми особенностями поведения абитуриентов в период проведения приемной кампании. Большинство поступивших в ННГУ абитуриентов довольны сделанным выбором (около 85 %) и поступили на те направления подготовки и специальности, на которые и планировали (83,3 %). При этом существует заметная группа абитуриентов, чье поведение в процессе поступления можно охарактеризовать как случайное и спонтанное (табл. 5).

Поисковое поведение абитуриентов можно охарактеризовать частотой использования различных источников информации непосредственно перед подачей документов (табл. 6). Основным источником информации о поступлении для абитуриентов является официальный сайт университета: за необходимыми сведениями сюда обращаются 90,5 % абитуриентов. Активно используются абитуриентами форум ННГУ и группа для абитуриентов университета ВКонтакте. Несмотря на относительно небольшое количество задающих вопросы на форуме, пятая часть поступающих просматривают темы форума и находят ответы на интересующие вопросы.

Таблица 5

Некоторые характеристики поведения абитуриентов
в ходе приемной кампании, %

Перестраховались при подаче оригиналов и поступили не туда, куда планировали	30,1
Подавали документы в максимальное количество вузов и на те направления подготовки, где подходили имеющиеся у них результаты ЕГЭ	24,0
Отметили, что для них было важно поступить хотя бы куда-нибудь	20,7
Приняли решение о том, куда представить оригинал документа об образовании, в последний момент	19,1

Таблица 6

Действия по поиску информации перед подачей документов, %

Искал информацию на сайте	90,5
Читал ответы на вопросы в группе ВКонтакте	25,1
Звонил в приемную комиссию	25,0
Посещал дни открытых дверей	23,9
Читал форум ННГУ, но не задавал вопросов	20,6
Задавал вопросы в группе ВКонтакте	9,2
Задавал вопросы на форуме ННГУ	3,7
Задавал вопросы администраторам группы ВКонтакте в личных сообщениях	3,2
Задавал вопросы в интернет-приемной ректора	0,7

Хотя исследователями редко упоминаются консультации с сотрудниками приемной комиссии [10, 11], стоит отметить важность этого способа коммуникации с университетом. Четверть поступающих до первого визита в приемную комиссию предпочитают получать информацию по телефону (см. табл. 6).

О качественной ориентированности абитуриентов на поступление именно в ННГУ свидетельствует значительная группа посещающих дни открытых дверей (23,9 %). Этот показатель свидетельствует о целесообразности проведения этих мероприятий в преддверии приемной кампании.

Особое внимание во взаимодействии с абитуриентами Нижегородский университет уделяет организации информации на своем официальном сайте. При подготовке к приему 2016 г. раздел сайта «Поступающим» был наполнен и структурирован с учетом анализа поисковой логики абитуриентов. Положительные изменения были отмечены абитуриентами ННГУ (табл. 7).

Таблица 7

Оценка абитуриентами сайта ННГУ, %

Легко нашли информацию о подаче документов на сайте	82,6
Сразу нашли на сайте всю необходимую информацию о приеме	67,2
Страница приемной комиссии ННГУ простая и понятная, лучше, чем в других вузах	66,2

Значимость этого источника информации для принятия решения о выборе университета подтверждается также и отзывами абитуриентов:

Большое спасибо за все, и у вас отличный сайт, очень информативно, гораздо удобнее и лучше, чем у других учебных заведений. Это играет немаловажную роль при выборе вуза. (Абитуриент физического факультета, бакалавриат, Н. Новгород.)

Сайт отличный, динамические списки отличные, разобраться во всем очень просто. Огромное спасибо за вашу работу. (Абитуриентка факультета социальных наук, магистратура, Н. Новгород.)

В заключение мне хотелось бы добавить, что ваш сайт и приемная комиссия оказались самыми приятными и удобными среди подобных, что сыграло решающую роль в выборе университета, потому что для меня важна каждая мелочь. Я довольна выбором, успехов вам! (Абитуриентка филологического факультета, бакалавриат, Н. Новгород.)

Помимо сайта университета важнейшим источником информации и помощи в период проведения приемной кампании являются сотрудники приемной комиссии (табл. 8).

Таблица 8

При поступлении мне больше всего помогли, %

Сайт ННГУ	57,4
Сотрудники приемной комиссии при приеме документов	29,2
Консультации по телефону приемной комиссии	8,0
Консультации в группе ВКонтакте	4,8
Консультации на форуме ННГУ	0,5

Важность этого источника информации подтверждается и тем, что около 10 % абитуриентов ННГУ представили оригинал документа об образовании после того, как это было предложено сделать сотрудниками приемной комиссии по телефону. 10 % абитуриентов согласны с тем, что решение о поступлении в ННГУ было принято под влиянием взаимодействия с сотрудниками приемной комиссии.

Подавляющее большинство абитуриентов оценивают опыт общения с сотрудниками приемной комиссии ННГУ положительно, однако более 10 % абитуриентов отметили, что занятость оформлением документов и проверкой информации не всегда позволяет сотрудникам приемной комиссии уделить достаточное внимание абитуриенту и ответить на интересующие его вопросы (табл. 9).

Таблица 9

Сотрудники приемной комиссии были... (оценка взаимодействия), %

Вежливыми и внимательными. Мне понравилось с ними общаться	84,4
Очень заняты оформлением документов, поэтому не всегда успевали уделить мне время	10,9
Невежливыми и невнимательными	2,7
Некомпетентными, не могли ответить на мои вопросы	1,9

Комментарии абитуриентов об организации работы приемной комиссии ННГУ также подтверждают значимость взаимодействия с сотрудниками университета в ходе приемной кампании:

В ННГУ совершенно особенное отношение к абитуриентам, и я убеждена, что если бы приемная комиссия в других вузах была бы организована на таком же уровне, то многим поступающим было бы значительно проще. Желаю работникам приемной комиссии ННГУ и дальше выполнять свою работу так же качественно! (Абитуриентка филологического факультета, бакалавриат, Н. Новгород.)

Продолжайте работать в том же духе. Ведь именно благодаря собеседованию с представителями приемной комиссии я поняла, какое направление всех больше подходило мне. (Абитуриентка института информационных технологий, математики и механики, бакалавриат, Нижегородская область.)

Организация приема абитуриентов отличная, значительно более удобная и понятная, чем в других вузах. По баллам я прошла и в медицинскую академию, но подвела организация приемной комиссии в данном вузе и трудности при подаче документов, поэтому было принято решение не отдавать туда оригиналы. (Абитуриентка Института биологии и биомедицины, бакалавриат, Н. Новгород.)

Высокая оценка значимости взаимодействия с сотрудниками приемной комиссии подчеркивает важность правильной организации работы аппарата приемной комиссии.

В дополнение к оценке абитуриентами эффективности каналов коммуникации с университетом по вопросам приема был проведен мониторинг тематики обращений абитуриентов в ходе приемной кампании 2016 г. В результате было установлено, что в зависимости от источника информации от 75 до 96 % вопросов, задаваемых абитуриентами, являются типовыми, т.е. подразумевают простые и однозначные ответы, которые можно найти без посторонней помощи (табл. 10). Столь значительный объем стандартных вопросов можно объяснить как несовершенством представления информации на официальном сайте, так и важностью самого процесса поступления для абитуриентов и их родителей, когда даже очевидные моменты, связанные с приемом в университет, абитуриенты склонны уточнять по телефону или при помощи других способов общения с сотрудниками приемной комиссии.

Таблица 10

Показатели использования способов коммуникации с абитуриентами

Телефоны приемной комиссии	960 обращений, 86 % типовых вопросов
Официальная группа для абитуриентов ВКонтакте	1236 обращений, 92 % типовых вопросов
Форум ННГУ	543 обращения, 75 % типовых вопросов
Интернет-приемная ректора	467 обращений, 96 % типовых вопросов

На основе полученных результатов можно охарактеризовать поведение абитуриентов в процессе поступления как связанное с поиском рационально-

го решения в ситуации неопределенности. Это подтверждается и активным поисковым поведением, и наличием значительной группы абитуриентов, принимающей решение о поступлении в университет случайно и в последний момент, а также группы абитуриентов, перестраховавшихся при поступлении и выбравших запасной вариант предпочтительному.

Исследование оценки абитуриентами работы приемной комиссии и системы информирования поступающих по вопросам приема в университет позволяет оценить сильные и слабые стороны и работы приемной комиссии, и всего процесса организации приема в университет, сформулировать предложения по разработке эффективной информационно-коммуникационной политики университета.

Библиографический список

1. **Попова, Е. С.** Мотивация и выбор в образовательных стратегиях молодежи / Е. С. Попова // *Россия реформирующаяся*. – 2015. – № 13. – С. 421–437.
2. **Терентьев, К. Ю.** Образовательные стратегии абитуриентов вузов: опыт построения классификации / К. Ю. Терентьев // *Непрерывное образование: XXI век*. – 2015. – № 3 (11). – С. 13–25.
3. **Тимошкина, М. В.** Мотивы выбора вуза и профессии современной молодежью (на примере первокурсников ЮГУ) / М. В. Тимошкина, М. В. Наумова // *Вестник Югорского государственного университета*. – 2016. – Вып. 1 (40). – С. 152–157.
4. **Спатарь, А. В.** Исследование позиции Северо-Восточного федерального университета на рынке высшего образования Республики Саха (Якутия) / А. В. Спатарь // *Экономика и современный менеджмент: теория и практика*. – 2014. – № 34. – С. 99–111.
5. **Нетёсова, А. В.** Маркетинговые исследования факторов и мотивов потребительского выбора на рынке образовательных услуг / А. В. Нетёсова // *Наукосведение : Интернет-журнал*. – 2014. – № 2 (21). – С. 64.
6. **Сухенко, Н. В.** Изучение критериев выбора вуза абитуриентами как инструмент формирования коммуникативной политики университета / Н. В. Сухенко // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. – 2014. – № 1. – С. 47–55.
7. **Тимохович, А. Н.** Российский абитуриент вуза в условиях неопределенности / А. Н. Тимохович // *Вестник Университета (Государственный университет управления)*. – 2012. – № 1. – С. 181–185.
8. **Сорокина, Н. Д.** Перемены в образовании и динамика жизненных стратегий студентов / Н. Д. Сорокина // *Социологические исследования*. – 2003. – № 10. – С. 55–61.
9. **Култыгин, В. П.** Теория рационального выбора – возникновение и современное состояние / В. П. Култыгин // *Социологические исследования*. – 2004. – № 1. – С. 27–36.
10. **Птицына, Е. В.** Анализ предпочтений абитуриентов при выборе высшего учебного заведения / Е. В. Птицына // *Вестник Новгородского филиала РАНХиГС*. – 2015. – № 1–1 (3). – С. 167–175.
11. **Ефимова, И. Н.** Социологический анализ рынка образовательных услуг с целью выявления мотивации абитуриентов 2011 года при выборе вуза / И. Н. Ефимова // *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского*. – 2012. – № 4–1. – С. 19–25.

References

1. Popova E. S. *Rossiia reformiruyushchayasya* [Reforming Russia]. 2015, no. 13, pp. 421–437.

2. Terent'ev K. Yu. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek* [Continuous education: XXI century]. 2015, no. 3 (11), pp. 13–25.
3. Timoshkina M. V., Naumova M. V. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Yugra State University]. 2016, iss. 1 (40), pp. 152–157.
4. Spatar' A. V. *Ekonomika i sovremennyy menedzhment: teoriya i praktika* [Economics and modern management: the theory and practice]. 2014, no. 34, pp. 99–111.
5. Netesova A. V. *Naukovedenie: Internet-zhurnal* [Science of science: the online journal]. 2014, no. 2 (21), p. 64.
6. Sukhenko N. V. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov* [Economic and humanitarian research of regions]. 2014, no. 1, pp. 47–55.
7. Timokhov A. N. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya)* [University bulletin (State University of Management)]. 2012, no. 1, pp. 181–185.
8. Sorokina N. D. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2003, no. 10, pp. 55–61.
9. Kultygin V. P. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2004, no. 1, pp. 27–36.
10. Ptitsyna E. V. *Vestnik Novgorodskogo filiala RANKhiGS* [Bulletin of Nizhny Novgorod branch of RANEP]. 2015, no. 1–1 (3), pp. 167–175.
11. Efimova I. N. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod]. 2012, no. 4–1, pp. 19–25.

Рябокоть Мария Владимировна

аспирант, Национальный
исследовательский Нижегородский
государственный университет
им. Н. И. Лобачевского (Россия,
г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23)

E-mail: mvr@unn.ru

Ryabokon Maria Vladimirovna

Postgraduate student, National Research
Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod (23 Gagarina avenue,
Nizhny Novgorod, Russia)

Черномор Максим Сергеевич

магистрант, Национальный
исследовательский Нижегородский
государственный университет
им. Н. И. Лобачевского (Россия,
г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23)

E-mail: muher81@gmail.com

Chernomor Maxim Sergeevich

Master's degree student, National Research
Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod (23 Gagarina avenue,
Nizhny Novgorod, Russia)

УДК 316.77

Рябокоть, М. В.

Принятие абитуриентами решения о выборе вуза (на примере приема в Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского) / М. В. Рябокоть, М. С. Черномор // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 79–87. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-8

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕНСИОНЕРОВ ПО ВОЗРАСТУ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация.

Актуальность и цели. Профессионально-трудовая деятельность вышедших на пенсию граждан, возможность использования их знаний, опыта и потребности трудиться на благо государства в настоящее время вызывают все больший интерес как в научных, так и политических кругах. Это объясняется, с одной стороны, ограничением возможностей государства в обеспечении достойного уровня и качества жизни перешагнувших пенсионный порог граждан, с другой – все возрастающей численностью данной возрастной группы в составе населения и необходимостью самостоятельного решения возникающих социально-экономических проблем. Целью проведенного исследования было выявление специфики проблем, с которыми сталкиваются вышедшие на пенсию граждане, и возможности дальнейшего пролонгирования профессионально-трудовой деятельности.

Материалы и методы. Эмпирическую базу составили данные исследования, проведенного качественным методом – полуструктурированным интервью в г. Саратове в 2015–2016 гг. Было проинтервьюировано 45 респондентов.

Результаты. Результаты исследования выявили тенденцию снижения профессионального статуса после пересечения пенсионного порога, невозможность поддержания необходимого уровня жизни только на одну пенсию, без дополнительных доходов, вынужденную потребность пролонгирования профессионально-трудовой деятельности пенсионеров по возрасту.

Выводы. Социальная политика Российской Федерации по отношению к гражданам пожилого возраста призвана ориентироваться на поддержание достойного уровня жизни, стабильности и благополучия. Ключевым моментом в разработке государственных стратегий в сложившихся условиях должна стать гипотеза, учитывающая необходимость и потребность пожилых граждан комфортно пролонгировать профессионально-трудовую деятельность. Гармоничное и устойчивое развитие общества, решение многочисленных возникающих социально-экономических проблем возможно лишь на основе создания условий для дальнейшего применения накопленного с годами профессионального потенциала старшей возрастной группы.

Ключевые слова: социальная политика, профессионально-трудовая деятельность, государство, пожилые люди.

J. V. Petrova

PROFESSIONAL-LABOR ACTIVITY OF SENIOR CITIZENS IN THE CONTEXT OF THE STATE SOCIAL POLICY

Abstract.

Background. Professional-labor activities of retired citizens, an opportunity to use their knowledge, experience and desire to work for the benefit of the state attract an increasing interest in scientific and political circles nowadays. It is explained on the one hand by limited opportunities of the state in ensuring worthy level and quali-

ty of life of retired citizens, on another – by growing of this age group as a part of the population and the need for an independent solution to the arising social and economic problems. The purpose of the work is to reveal the specifics of the problems faced by retired citizens and the possibilities of further prolongation of professional work.

Materials and methods. The empirical base consisted of the qualitative method – a semi-structured interview in the city of Saratov in 2015–2016 with 45 respondents.

Results. The research results have revealed a tendency of a decrease in the professional status after reaching the retirement threshold, the impossibility of maintenance of a necessary level of living earning only a pension without additional income, the compelled need to prolong professional work by senior citizens.

Conclusions. The social policy of the Russian Federation in relation to senior citizens is to focus on a worthy level of living, stability and wellbeing. The key moment in development of the state strategy in the present conditions should be a hypothesis taking into account the need of elderly citizens to comfortably prolong professional work. The harmonious and sustainable development of society, the solution of numerous arising social and economic problems are possible only if there will be created conditions for further use of the professional potential of senior citizens, which has been accumulated over the years.

Key words: social policy, professional-labor activity, state, the elderly.

Глобальное демографическое постарение населения в последние годы становится постоянным объектом внимания социально-экономической политики государства, предметом нормативного оформления в законодательных актах. Данный процесс, являясь, с одной стороны, ярким позитивным результатом цивилизационного развития, свидетельствующим об увеличении продолжительности жизни, с другой стороны, представляет собой увеличение общего количества пожилых людей, следствием которого выступает социально-экономическая нестабильность, оказывающая влияние на политику государства. Таким образом, сегодня мы наблюдаем обоюдную зависимость представителей пожилого возраста от государства и государства от достигших пенсионного возраста граждан. Современные взгляды на обязательство государства по отношению к вышедшим на пенсию гражданам базируются на законодательстве по правам человека и затрагивают людей всех возрастов. Институт защиты прав личности декларирует возможность индивида самостоятельно выбирать профессию, сферу и форму занятости [1].

Следует учитывать тот неопровержимый факт, что главным регулятором общественной жизни выступает государственная власть, поскольку именно она утверждает начала законности, равенства и свободы [2]. При этом в отношении вышедших на пенсию граждан реализация государственной социальной политики сталкивается с необходимостью разрешения некоторых вопросов общего и частного характера, среди которых необходимо выделить следующие: административные (отсутствие четкой концепции обеспечения жизнедеятельности пожилых людей, проблемы, связанные с изменениями законодательных актов и иных нормативных правовых документов, затруднения координации деятельности специальных служб в интересах пожилых людей и т.д.); частные (географическая, территориальная доступность мероприятий, физическая возможность присутствия на них конкретного индивида). Все это в определенной степени оправдывает недостаточность и на сегод-

нышний день довольно низкую эффективность предпринимаемых государством шагов, направленных на улучшение качества жизни пожилых людей, положение которых по сей день достаточно критично и требует проведения значительной работы соответствующими службами. В связи с усилением внимания к проблеме старения делается акцент на необходимости сохранения статуса пожилых людей как социально активных членов общества. Потребность в пролонгировании профессионально-трудовой деятельности обусловлена определенными взаимосвязанными объективными и субъективными факторами, среди которых можно выделить не только низкий уровень пенсионного обеспечения, вынуждающий данную категорию населения продолжать трудиться, но и особенности качественных характеристик пожилого возраста, обусловленных социальной зрелостью и ценностными установками на труд как социальную потребность. При этом вычленение пенсионеров в качестве социальной группы относительно, поскольку эта группа органически связана с работающим населением на различных уровнях общества [3].

Второй аспект анализа данной ситуации состоит в том, что человеку даже после достижения им пенсионного возраста необходим активный образ жизни. Работа для многих – это один из способов «остаться в строю», быть активным членом общества, не чувствовать себя брошенным. И здесь мы наблюдаем обоюдную зависимость, так как потребность пенсионеров в трудовой деятельности очень тесно переплетается с потребностью государства в данной категории граждан, так как многие из них – это высококвалифицированные специалисты с огромным, накопленным в течение трудовой деятельности опытом, владеющие уникальными профессиональными знаниями и умениями.

Еще один аспект, не менее, а в чем-то даже более значимый, в рамках которого необходимо рассмотреть данную проблему, – социально-экономический. Достижение пенсионного порога автоматически фиксирует нисходящую социальную мобильность, обусловленную направлением вектора перемещения по карьерной лестнице вниз, снижение социального статуса, авторитета, уровня благосостояния. И здесь в первую очередь необходимо сказать о недостаточном для достойного уровня жизни размере пенсий, не обеспечивающем потребностей вышедших на пенсию людей. В настоящее время наблюдается дефицит бюджета государственной социальной помощи, не отработаны механизмы ее четкой гарантированности, организации и контроля. Все это вызывает необходимость многочисленных и очень часто неоднократных документальных подтверждений и доказательств нуждаемости.

Ввиду сложившейся социально-экономической ситуации в нашей стране постоянно возрастает количество лиц, которые вынуждены самостоятельно обеспечивать себе свое существование, при этом отказываясь от помощи государства и социального обслуживания. Общая картина, сложившаяся на российском пенсионном рынке труда в последние десятилетия, является достаточно негативной и характеризуется тенденциями к еще большему ухудшению. Традиционно можно наблюдать, что в периоды, когда наблюдается недостаток рабочих на предприятиях различных форм собственности, нуждающиеся в материальной помощи вышедшие на пенсию люди стараются продолжать профессионально-трудовую деятельность на том же месте. В то же время современное информационное общество, эпоха инновацион-

ных технологий диктуют свои правила, следствием чего является тенденция к увольнению достигших пенсионного возраста граждан, в связи с чем растет уровень безработицы среди старших возрастных групп, увеличивается ее продолжительность. Возможности повторного трудоустройства значительно ограничиваются в силу их более низкой конкурентоспособности по сравнению с другими категориями населения. Рассогласование между оплатой труда, с одной стороны, и такими социально-экономическими значимыми характеристиками работников, как образование, квалификация, опыт работы, с другой стороны, приводит к тому, что люди, обладающие достаточно высоким образованием и квалификацией, способностью к труду, оказываются в положении социальных аутсайдеров [4].

Таким образом, вступая в пенсионный возраст, данная социальная группа попадает в ситуацию двойного риска, на одной чаше весов которого «календарная дата», на другой – происходящие многочисленные трансформационные процессы, которые способствуют ухудшению экономической ситуации и неблагоприятно сказываются на пожилых людях, отфильтровывая их в группу социальных изгоев, «теней» на рынке труда. В отношении достигших пенсионного возраста граждан преобладает дискурс выпадения их из системы социального механизма, исключающего существование целого ряда социальных потребностей, тревог и перемен в их жизни. Пожилые граждане, оказываясь в подобной ситуации, не имеют возможности пользоваться предоставленными им социальными правами; в отношении них применяются различные нелегитимные дискриминационные практики, что в конечном счете влечет за собой социальную депривированность пожилых мужчин и женщин, негативное прочтение обстоятельств их жизни и отрицательное позиционирование в отношении социальных изменений.

Об этом свидетельствуют результаты проведенного автором социологического исследования в г. Саратове в 2015–2016 гг. В качестве метода сбора данных использовалось полуструктурированное интервью. Было проинтервьюировано 45 респондентов. Тип выборки – метод «снежного кома» (опрашиваемый респондент давал информацию о следующем). Целью проведенного исследования было выявление специфики проблем, с которыми сталкиваются вышедшие на пенсию граждане, и возможности дальнейшего пролонгирования профессионально-трудовой деятельности.

Анализ проведенных интервью позволил выделить следующие критерии социально-экономического положения респондентов:

1. Недостаточность пенсионного обеспечения, снижение уровня и качества жизни, необходимость обращения за финансовой помощью к близким и родственникам или потребность находить иные возможности дохода. Это одна из первых, преобладающих проблем, о которой высказывались респонденты.

Для более детального анализа данной проблемы обратимся к фрагменту следующего интервью:

«Я почти всю жизнь проработала в школе, преподавала биологию. Пока работала, то мой доход плюс многочисленные подработки позволяли самостоятельно себя обеспечивать. Но с выходом на пенсию все изменилось. Я перестала успевать за постоянно изменяющимися требованиями и новыми методиками преподавания, и от основной работы, и от подработок при-

илось отказаться. Сейчас единственное, что меня поддерживает, – это помощь дочери. Она у меня живет в Мексике. И я практически каждый год на зимнее время приезжаю к ней, так как очень плохо переношу этот период. За время моего отсутствия пенсия накапливается, и это позволяет мне поддерживать более-менее приемлемый уровень жизни». (Женщина, 58 лет.)

Параллельный пример приводит в своем интервью и следующий респондент:

«Я на пенсии уже 4 года. Как дождался первой пенсии, так с завода и ушел. Высокое давление, одышка дальше работать не позволили. Но с моей пенсией многого себе не позволишь. Можно сказать, что живу только благодаря сыну, который каждую неделю навещает меня и привозит все необходимые продукты и лекарства. А так – моей пенсии, наверное, только и хватило бы на оплату коммунальных услуг, цены на которые взлетают, опережая прибавки к пенсии. Недавно вот возникла необходимость к стоматологу обратиться. Так и тут спасибо сыну, что оплатил медицинские услуги. Сам я себе этого позволить бы не смог». (Мужчина, 64 года.)

Все респонденты, отнесенные к данной категории, отмечали нехватку финансовых средств и ограничение в потреблении необходимых продуктов и услуг. Общим, объединяющим звеном для данной группы выступал вынужденный отказ от профессионально-трудовой деятельности в силу различных причин, среди которых превалировало в первую очередь ухудшение здоровья. Социально-экономические и политические реформы, проведенные в условиях системного кризиса, проявились в непредсказуемых отрицательных, а порою даже разрушительных для существующих социальных норм и установок последствиях. Временные и постоянные дезориентации, связанные с изменением социального статуса (зависимость от государства, государственных пенсий и пособий), приводят к значительным экономическим утратам многих представителей третьего возраста.

Фрагмент следующего интервью наглядно это демонстрирует:

«Очень трудно стало сейчас жить. Забывает государство о нас, о пенсионерах. Одна только оплата за квартиру чего стоит. Я, например, не сумела оплачивать коммунальные услуги по трехкомнатной квартире. После смерти мужа живу одна, работать не имею возможности, так как у меня практически отнялись ноги, еле-еле до магазина дохожу. А потом еще и операция потребовалась... Вот и пришлось в прошлом году продать свою и купить однокомнатную... По крайней мере, платить за нее меньше, и на оставшиеся от продажи квартиры деньги могу теперь приобретать необходимые лекарственные препараты, чтобы снимать боль и хоть как-то передвигаться». (Женщина, 59 лет.)

Чувство угнетенности, безысходности, а порою и отчаяния прослеживалось практически во всех интервью респондентов, отнесенных к данной категории. Почти все они вынуждены были экономить на приобретении необходимых продуктов питания, лекарственных препаратах, не имели возможности, а в случаях необходимости вынуждены были изыскивать средства на оплату требующихся медицинских услуг, порою кардинально меняя привычный образ жизни.

2. Респонденты, отнесенные к следующей категории, также отмечают ощущение незащищенности, социально-экономической нестабильности и

подчеркивают необходимость продолжения профессионально-трудовой деятельности в сфере формальной или неформальной занятости.

Обратимся к фрагменту следующего интервью:

«Я уже несколько лет на пенсии. И, конечно, жить только на нее очень сложно. Меня спасает лишь одно. И я считаю, что мне очень повезло. В моем доме находится ателье. У них, как правило, всегда много заказов – цены приемлемые, и вся наша округа к ним ходит. Так вот я иногда им помогаю... когда они не успевают, не справляются. Дочка отдала мне свою швейную машинку, и я теперь беру простенькие заказы – брюки подогнуть, ушить, прострочить и т.д. Иногда ателье что-нибудь подбрасывает. Так вот потихонечку и живу, благо, что умею это делать и люблю». (Женщина, 57 лет.)

Недостаток финансовых средств вынуждает пенсионеров трудоустраиваться на свободные «непривлекательные для молодежи вакансии». При этом пожилые граждане вынуждены соглашаться на мизерную оплату труда и снижение профессионального статуса. Традиционно принято умалчивать о колоссальном профессиональном опыте, характерном для большей части вышедших на пенсию граждан.

«Всю свою жизнь проработал в строительстве. Еще “мальчишкой” на стройку попал, да так там и прижился. А вот теперь, “в старости”, в свои 62 года, только сторожем устроиться и сумел. Даже охранником в магазин не приняли, нашли помоложе. Я и в службу занятости обращался, и по объявлениям искал, и даже в Интернет заглядывал – все впустую. На предприятия и в фирмы нас, пенсионеров, не берут, а Интернет «предлагает» надомную работу, но не всегда ее оплачивает... и получается, что нет никаких гарантий... Службы занятости – это отдельный разговор. Мы для них контингент трудный, проблемный. Они даже не знают, что нам предложить... Это мне так прямо одна сотрудница и сказала. Вот и приходится по крохам собирать... пенсия, да вот здесь дежурства... Так и выживаем». (Мужчина, 62 года).

Данная группа была самой многочисленной и составляла примерно две трети опрошиваемых. В высказываниях всех респондентов из данной когорты прослеживалась тенденция вынужденного пролонгирования профессионально-трудовой деятельности. Почти все констатировали невозможность поддержания необходимого уровня жизни только на одну пенсию, без дополнительных доходов. Большинство респондентов подчеркивали свою незащищенность и невостребованность на рынке труда. Многие из них отмечали, что при попытках обращения к работодателям по поводу трудоустройства чаще всего получали отказ, а в ситуации конкуренции между представителями двух поколений предпочтение отдавалось более молодому соискателю.

3. Респонденты, отнесенные к третьей группе, высказывались об относительно устойчивом материальном положении. Они, как правило, имели определенные льготы и достаточно высокий размер пенсии, позволяющий им самостоятельно себя обеспечивать.

«Я ветеран Великой Отечественной войны. Слава богу, что государство о нас не забывает. Но, наверное, это потому, что и осталось-то нас в живых немного. Мы сейчас скорее исключение из правил, чем правило... Несколько лет назад получил квартиру. Живу теперь сам, один, родственни-

ков не обременяю. Пенсия у меня неплохая. На жизнь в принципе хватает. Я даже внучке стараюсь помогать. Она у меня в Москве в университете учится. Вот через дочку я ей денежку и передаю. А что касается остальных пенсионеров, то им, как это ни больно бы было говорить, сейчас остается только работать и работать. Пока ноги ходят да сердце бьется... по-другому – никак...». (Мужчина, 95 лет.)

Из всего вышесказанного необходимо сделать вывод, что количество вышедших на пенсию граждан, желающих участвовать в трудовой деятельности, не совпадает с количеством рабочих мест, на которые могут быть приняты пожилые граждане. Результаты авторского социологического исследования показали, что большая часть вышедших на пенсию граждан имеют желание и потребность в профессионально-трудовой занятости и в случае невозможности ее продолжения на прежнем месте пытаются вновь трудоустроиться, соглашаясь на более низкую оплату труда и снижение профессионального статуса.

Таким образом, проблема необходимости пролонгирования профессионально-трудовой деятельности существует. Но данный вопрос требует комплексного подхода. Решение его за счет повышения пенсионного возраста крайне нелогично и вызывает резкое неодобрение большинства граждан. Действительно, если увеличить возрастной порог выхода на пенсию, то многие люди просто не смогут до нее дожить, именно поэтому данная стратегия представляется в корне неверной, и речь в данном контексте может идти лишь о гибком продолжении профессионально-трудовой деятельности, позволяющем человеку принимать добровольное решение о выполнении сильной для него работы. Уже сегодня и финансовое, и социальное благополучие многих государств в значительной степени зависит от того, насколько благоприятные условия созданы в них для реализации профессионального и интеллектуального потенциала граждан «третьего возраста» [5].

Принимая во внимание сложившиеся тенденции функционирования рынка труда и возрастающую актуальность вопросов, связанных с процессами формирования, развития, сохранения и пополнения трудовых ресурсов, необходимо продолжить процесс разработки и реализации программ профессионального обучения и переобучения граждан пенсионного возраста, желающих пролонгировать профессионально-трудовую деятельность.

Для эффективного внедрения трудовых ресурсов пожилых граждан необходимо содержательно охарактеризовать следующие рекомендации:

1. Законодательно закрепить образование для людей «третьего возраста» как часть системы непрерывного образования граждан Российской Федерации, обеспечить гарантии его развития, бюджетное финансирование. Это подразумевает создание народных университетов «третьего возраста», информационно-образовательных курсов, культурно-оздоровительных и юридических центров. Включить в структуру образовательных курсов по переквалификации и повышению квалификации граждан позднего возраста вопросы пенсионного законодательства, специфики деятельности различных пенсионных фондов, юридических консультаций и т.д. Эти меры позволят обеспечить возможность повышения юридической грамотности старшего поколения, помогут овладеть необходимыми компьютерными технологиями и при необходимости будут способствовать освоению новых профессий.

2. Обеспечить освещение наиболее актуальных проблем людей старшего возраста посредством средств массовой информации. Организовать мероприятия, нацеленные на повышение информированности граждан пожилого возраста о возможностях профессионального обучения и трудоустройства, в том числе в рамках компетенции мобильных центров занятости. Разработать концепции адресной работы по трудоустройству вышедших на пенсию граждан, а также сформировать «банки вакансий», скоординировать проведение специализированных тематических ярмарок вакансий для пожилых граждан в целях помощи в трудоустройстве с учетом образовательного и профессионального уровня пенсионеров. Информировать (в том числе и в рамках организации частных консультаций) о новых технологиях поиска работы, в том числе через глобальную сеть Интернет (информация о различных официальных информационных порталах, помогающих в поиске работы, в том числе в случае необходимости и о возможности фриланса – удаленной работы, выполняемой без официального договора с работодателем, подразумевающей возможность выполнения как самых простых заданий, так и переход к более сложным высокооплачиваемым работам (переработка и грамотное изложение текстов, оформление юридических соглашений и контрактов, компьютерное программирование, дизайн, реклама и т.д.).

3. Разработать и подготовить к реализации меры, направленные на организацию медико-социальной помощи, реализацию социально-трудовой активности вышедших на пенсию граждан, улучшение их социально-экономического положения и повышение социального статуса. Создать систему гибкого сезонного (периодического труда) на прежних предприятиях: неполные рабочие дни, гибкий график работы, предоставление возможности трудиться на дому, периодическое (нерегулярное) привлечение к профессиональной деятельности, консультативные практики, дистанционная занятость.

4. Стимулировать развитие механизмов взаимодействия системы высшего профессионального образования и дополнительного профессионального образования с центрами и службы занятости и работодателями по вопросам организации профессионального обучения (переобучения), повышения квалификации и обеспечения гибких условий профессионально-трудовой деятельности граждан старшего возраста. Обеспечить эффективное функционирование определенных преференций для работодателей, предоставивших возможность пролонгировать профессионально-трудовую деятельность пенсионерам по возрасту.

5. Способствовать развитию практик частного предпринимательства в группе пожилых людей, предоставляя гибкую систему кредитования. Содействовать расширению межпоколенческого диалога путем обеспечения социальных и профессиональных связей, сохранять историческое и культурное наследие, посредством создания центров народных промыслов и искусства, привлекая к профессионально-трудовой деятельности по обучению молодежи различным видам искусства пожилых граждан.

Потенциал пожилых людей – это определенная база для дальнейшего развития общества, потому что в итоге находятся дополнительные ресурсы, а пожилые люди могут самореализоваться. Социальная политика Российской Федерации по отношению к гражданам пожилого возраста должна быть ори-

ентирована на поддержку стабильности, упорядоченности жизни, снижение рискованных ситуаций. Ключевым моментом в разработке управленческих решений должна стать гипотеза, учитывающая мотивацию пожилых граждан комфортно пролонгировать профессионально-трудовую деятельность и обязательства государства создавать условия для дальнейшего применения накопленного с годами профессионального потенциала.

Библиографический список

1. **Пашинина, Е. И.** Социальный риск и социальная безопасность профессиональной деятельности в условиях цивилизационного выбора / Е. И. Пашинина // Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси : сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратовской митрополии, 2015. – С. 172–178.
2. **Кошкин, А. П.** Власть и общество: проблемы российской коммуникации / А. П. Кошкин // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 2. – С. 118–124.
3. **Березняк, О. Л.** Адаптивный потенциал пожилого населения в современной России / О. Л. Березняк // Известия Саратовского университета. Сер.: Социология. Политология. – 2009. – Т. 9, вып. 4. – С. 25–27.
4. **Землянухина, С. Г.** Противоречия социально-трудовой сферы в России: формы проявления и разрешения / С. Г. Землянухина, Н. С. Землянухина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 133–141.
5. **Владимиров, Д. Г.** Пожилые граждане на рынке труда: зарубежный опыт / Д. Г. Владимиров // Социс. – 2013. – № 6. – С. 57–61.

References

1. Pashinina E. I. *Knyaz' Vladimir. Tsivilizatsionnyy vybor Rusi: sb. nauch. tr.* [Prince Vladimir. A civilizing choice of Rus: proceedings]. Saratov: Izd-vo Saratovskoy mitropolii, 2015, pp. 172–178.
2. Koshkin A. P. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian bulletin of social sciences]. 2010, no. 2, pp. 118–124.
3. Berezhnyak O. L. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser.: Sotsiologiya. Politologiya* [Proceedings of Saratov University. Series: Sociology. Political Science]. 2009, vol. 9, iss. 4, pp. 25–27.
4. Zemlyanukhina S. G., Zemlyanukhina N. S. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2014, no. 4 (32), pp. 133–141.
5. Vladimirov D. G. *Sotsis* [Sotsis]. 2013, no. 6, pp. 57–61.

Петрова Жанна Викторовна

кандидат социологических наук, доцент,
кафедра философии, кафедра психологии
и прикладной социологии, Саратовский
государственный технический
университет им. Ю. А. Гагарина
(Россия, г. Саратов,
ул. Политехническая, 77)

E-mail: jannav.petrova@rambler.ru

Petrova Janna Viktorovna

Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of philosophy, sub-department
of psychology and applied sociology,
Yuri Gagarin State Technical University
of Saratov (77 Polytekhnicheskaya street,
Saratov, Russia)

УДК 316.068:331. 101.3-053.88-055

Петрова, Ж. В.

Профессионально-трудовая деятельность пенсионеров по возрасту в контексте социальной политики государства / Ж. В. Петрова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 88–97. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДИКИ АССОЦИАЦИЙ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ К СТРАНАМ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Методологические вопросы социологической науки не теряют своей актуальности и сейчас, поиски новых вариантов использования традиционных методов – одна из задач, которую решают современные ученые. Метод ассоциаций, который пришел в социологию из психологии, обладает многовариантностью использования и интерпретации данных. Поэтому целью данной статьи является демонстрация возможности качественно-количественного анализа данных, полученных методом ассоциаций.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составили результаты, полученные в ходе социологического исследования «Представления о современном мире студентов Белоруссии, России и Украины», целью которого явилось сравнение структуры представлений о современном мире студентов из России, Белоруссии и Украины. Было опрошено по 100 студентов Российского университета дружбы народов из России, Белоруссии и Украины. Одним блоком структуры представлений о современном мире выступило отношение к странам – мировым лидерам, а именно Великобритании, США, Китаю, Франции, Германии, и собственно Белоруссии, России и Украине как домашним странам наших респондентов. Для составления групповой типологии отношения к указанным странам был использован метод свободных ассоциаций. Данные анализировались в двух направлениях – путем деления ассоциаций на смысловые категории (качественный вариант) и деления на положительные и негативные ассоциации (количественный вариант).

Результаты. Результаты исследования показали, что одни и те же ассоциации возможно проанализировать как минимум двумя различными способами: в рамках количественного анализа ассоциаций использованы аналитические индексы, которые позволяют перейти к количественным оценкам и получению групповой типологии отношения к странам, в рамках качественного анализа возможно выделение наиболее популярных ассоциаций в каждой из выделенных смысловых категорий.

Выводы. Количественный и качественный анализ свободных ассоциаций, данных в рамках одного исследования, представляется вполне жизнеспособным, если производить анализ, используя исследовательскую триангуляцию, а также сочетать сам метод свободных ассоциаций с другими методами, направленными на реализацию тех же целей.

Ключевые слова: метод ассоциаций, отношение к странам, страны – мировые лидеры, Украина, Россия, Белоруссия, групповая типология.

¹ Статья подготовлена в рамках инициативной НИР «Неприятие экстремистских взглядов и проявлений терроризма как составляющая духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи (на примере студентов РУДН)», выполняемой на базе Социологической лаборатории РУДН (НИР РУДН, 2016 № 100234-0-000).

Zh. V. Puzanova, T. I. Larina

THE USE OF THE ASSOCIATION METHOD TO STUDY ATTITUDES TO COUNTRIES

Abstract.

Background. Methodological issues of sociological sciences are topical even nowadays. A search of new variants of application of traditional methods is one of tasks to be solved by contemporary scientists. The association method, adopted in sociology from psychology, has many variants of application and interpretation of data. The aim of the article is to demonstrate capacities of a qualitative-quantitative analysis of data collected by the association method.

Materials and methods. The empirical base of the research included results of a sociological research "Ideas about the modern world by students from Belarus, Russia and Ukraine", aimed at comparing ideas about the modern world by students from those countries. The research included 100 students of Peoples' Friendship University of Russia from Russia, Belarus and Ukraine. One block of the structure of ideas about the modern world was the attitude to countries-world leaders, particularly Great Britain, USA, China, France, Germany and also to Belarus, Russia and Ukraine as homecountries of the respondents. To establish a group typology of the attitudes to the said countries the authors used the free association method. The data were analyzed by two approaches – by division of associations into concept categories (qualitative variant) and by division into positive and negative associations (quantitative variant).

Results. The research results show that the same associations may be analyzed by at least two approaches: within the quantitative analysis of associations the authors used analytical indexes that enable a transfer to quantitative estimates and establishment of a group typology of attitudes to countries; within the qualitative analysis it is possible to mark the most popular associations in each marked concept category.

Conclusions. Quantitative and qualitative analyses of free associations given within one research seem to be quite viable, if these analyses are performed using the research triangulation, and the method of free associations is combined with other methods focused on achievement of the same goals.

Key words: association method, attitudes to countries, countries – world leaders, Ukraine, Russia, Belarus, group typology.

Введение

Ассоциативные методы широко применяются в различных областях социогуманитарных наук, в том числе и в социологии. Они позволяют получить объективные результаты, которые не зависят от мнения экспериментатора, понятны заказчику, легко поддаются стандартизации [1]. Социологические варианты применения ассоциативных методов можно найти в работах следующих авторов: Л. А. Паутовой, которая фокусируется на ассоциативном эксперименте – приеме, направленном на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте [2]; Н. А. Ивановой, рассматривающей теоретические и практические аспекты применения метода свободных ассоциаций в качестве одного из эмпирических методов [3]; Н. В. Мурашеновой, в статье «Структура социальных представлений молодежи об экстремизме и патриотизме» описывающей результаты исследования, эмпирические данные которого были собраны с помощью метода свободных словесных ассоциаций [4].

В самом широком контексте различают следующие варианты применения метода ассоциаций в социологии: метод свободных ассоциаций, метод направленных ассоциаций, метод неоконченных предложений, который является самостоятельным по сути, но несет в себе форму ассоциаций.

В исследовании, результаты которого представлены в статье, метод ассоциаций был использован как один из методов (триангуляция), позволяющих получить информацию о социальных представлениях русских, украинцев и белорусов о странах – лидерах мировой арены, наряду с методом ассоциаций были использованы проективные вопросы и метод семантического дифференциала. Однако именно метод ассоциаций представляется методом, предоставляющим самые обширные варианты интерпретации полученных результатов. Являясь качественным методом по своей сути, метод ассоциаций часто ставит перед исследователем вопросы: как избежать субъективности при анализе, как перейти от качественных показателей к количественным? Именно на эти вопросы мы попытаемся ответить в этой статье.

1. Программные характеристики исследования

В январе 2015 г. в Социологической лаборатории РУДН было проведено исследование «Представления о современном мире студентов Белоруссии, России и Украины», целью которого явилось сравнение структуры представлений о современном мире студентов из России, Белоруссии и Украины. Было опрошено по 100 студентов РУДН из России, идентифицировавших себя как «русские» (здесь и далее в статье они и будут обозначаться как «русские»), Белоруссии («белорусы») и Украины («украинцы»). Одним блоком структуры представлений о современном мире выступило отношение к странам – мировым лидерам, а именно Великобритании, США, Китаю, Франции, Германии, и собственно Белоруссии, России и Украине как домашним странам наших респондентов. Для составления групповой типологии отношения к указанным странам были использованы метод семантического дифференциала с апробированными ранее шкалами [5], проективных вопросов и метод ассоциаций, чье рассмотрение является целью данной статьи.

В анкету был помещен вопрос: «Напишите, пожалуйста, по три ассоциации с каждой из этих стран» (были перечислены страны).

В итоге было получено три массива ассоциаций студентов из России, студентов из Украины и студентов из Белоруссии. Для получения типологии использовались два варианта анализа полученного массива ассоциаций:

1) деление на положительные и негативные ассоциации, которые позволили нам вычислить аналитический индекс отношения к странам;

2) деление на смысловые категории, с помощью которых мы выявили наиболее яркие представления о странах.

Реализацию данного анализа рассмотрим ниже.

2. Основные результаты анализа ассоциаций: положительные и негативные ассоциации

В итоге тремя исследователями независимо друг от друга (исследовательская триангуляция) была произведена категоризация ассоциаций о странах, таким образом была получена табл. 1, показывающая соотношение по-

ложительных и негативных ассоциаций о каждой стране. Чтобы избежать необоснованного приписывания ассоциаций в ту или иную категорию, те ассоциации, которые вызвали вопросы, помещались в категорию «нейтральные».

Таблица 1

Положительные и негативные ассоциации о странах
русских респондентов. Количество ассоциаций

	Всего	Положительные	Нейтральные	Негативные
Россия	278	83	159	36
Украина	256	29	138	89
Франция	290	83	199	8
Китай	260	52	179	29
США	272	41	172	59
Германия	275	74	166	35
Белоруссия	263	51	189	23
Великобритания	261	39	202	20

Количество ассоциаций, не только положительных и негативных, но и нейтральных, в общем говорит о том, насколько сформировано представление у данной группы респондентов о той или иной стране. На основании табл. 1 можем увидеть, что больше всего ассоциаций русскими респондентами было дано о Франции. Это свидетельствует о том, что у респондентов из России наиболее широко сформировано представление именно о Франции. По остальным странам в среднем было дано приблизительно одинаковое количество ассоциаций. Наибольшее количество положительных ассоциаций русскими респондентами было дано о России, но в анализе это не учитывалось, так как Россия является родной страной для русских респондентов. Наибольшее количество положительных и наименьшее количество негативных ассоциаций русские респонденты дали о Франции. Об Украине же было дано наибольшее количество негативных и наименьшее количество положительных ассоциаций. Это говорит о том, что студенты из России наиболее положительно из всех представленных стран относятся к Франции, а наиболее негативно к Украине. По остальным странам в среднем было дано одинаковое количество ассоциаций по трем категориям [6].

В табл. 2 представлены наиболее популярные ассоциации студентов из России по каждой стране. Они являются достаточно стереотипными.

В табл. 1 приведено количество ассоциаций в абсолютных величинах, а не относительных, так как именно абсолютные величины необходимы для подсчета аналитического индекса отношения к странам, который вычисляется как разница положительных и негативных ассоциаций о стране, деленная на общее количество ассоциаций о данной стране. Индекс изменяется от -1 до 1 : чем ближе значение индекса к -1 , тем более негативное отношение наблюдается у данной группы респондентов к данной стране, и наоборот. Таким образом, мы реализуем переход от качественных оценок в виде ассоциаций к количественным в виде индекса отношения к странам.

Таблица 2

Положительные и негативные ассоциации о странах
русских респондентов. Наиболее популярные ассоциации

	Положительные	Нейтральные	Негативные
Россия	Родина, дружная, сильная, великая	Медведь, береза, поля	Водка, нищета, холод
Украина	Добро, красота, родственник	Сало, борщ, Крым	Неопределенность, глупая, война
Франция	Красота, романтика, любовь	Эйфелева башня, круассан, вино	Грязь
Китай	Прогресс, трудолюбие, ум	Суши, дракон, народ	Агрессивность, жестокость
США	Сильная, быстрая, хитрая	Обама, фильмы, гамбургер	Жадность, ложь, агрессор
Германия	Пунктуальность, развитие, технологии, качество	Автомобили, работа, медицина	Грубость, война, фашизм
Белоруссия	Душевность, доброта, стабильность	Лукашенко, картошка, трактор	Неуважение, ложь, лицемерие
Великобритания	Этикет, сильная, сдержанность	Королева, чай, Биг-Бен	Чопорность, снобизм

Таблица 3

Аналитический индекс отношения к странам студентов из России

Страна	Индекс
Россия	0,16
Украина	-0,2
Франция	0,25
Китай	0,08
США	-0,06
Германия	0,14
Белоруссия	0,1
Великобритания	0,07

На основании аналитических индексов (см. табл. 3) мы составили типологию отношения студентов из России к странам. Чем ближе индекс к единице, тем позитивнее воспринимается страна. Здесь и далее два наивысших значения – страны, которые имеют наиболее позитивное восприятие в сознании респондентов (близкие страны), два наименьших значения – страны, которые имеют наиболее негативное восприятие в сознании респондентов (далекие страны), и три страны с промежуточными значениями – страны, которые занимают нейтральное положение в сознании группы респондентов.

Близкие страны для студентов из России – Франция и Германия. Нейтральные страны для студентов из России – Белоруссия, Китай и Великобритания. Далекие страны для студентов из России – Украина и США.

По той же логике произведена категоризация ассоциаций для студентов РУДН из Украины (табл. 4).

Таблица 4

Положительные и негативные ассоциации о странах украинских респондентов. Количество ассоциаций

	Всего	Положительные	Нейтральные	Негативные
Россия	280	55	179	46
Украина	278	78	137	63
Франция	280	32	243	5
Китай	273	22	223	28
США	276	25	211	40
Германия	271	26	209	36
Белоруссия	262	49	191	22
Великобритания	271	22	225	24

Мы можем увидеть, что больше всего ассоциаций украинскими респондентами было дано о Франции и России. Это свидетельствует о том, что у респондентов из Украины наиболее широко сформировано представление о Франции и России. По остальным странам в среднем было дано приблизительно одинаковое количество ассоциаций.

Наибольшее количество положительных и негативных ассоциаций, помимо своей родной страны, было дано о России. Это говорит о том, что у украинских респондентов наиболее ярко выражено и четко сформировано мнение именно о России из всех представленных стран. По остальным странам в среднем было дано одинаковое количество ассоциаций по трем категориям.

Таблица 5

Положительные и негативные ассоциации о странах украинских респондентов. Наиболее популярные ассоциации

	Положительные	Нейтральные	Негативные
1	2	3	4
Россия	Близкая, красивая, честная	Медведь, березы, Путин	Водка, оппозиция, ложь
Украина	Родная, добрая, красивая	Сало, Киев, Крым	Война, майдан
Франция	Умная, утонченная, дружелюбная	Сыр, вино, Эйфелева башня	Дикая, дороговизна, эмигранты
Китай	Прогресс, сильный, друг	Рис, узкие глаза, рынок	Перенаселение, подделки, невкусная еда
США	Сила, независимость, развитая	Гамбургер, Колумб, кино	Холодная война, ожирение, жестокий
Германия	Порядок, точность, развитие	Сосиски, футбол, Берлин	Фашизм, грубые, война

1	2	3	4
Белоруссия	Добрые, спокойствие, независимость	Картошка, Лукашенко, белорусские рубли	Закрытая, неизвестная, алкоголь
Великобритания	Пунктуальность, образованность, воспитанность	Королева, чай, Биг-Бен	Скупые, напряженность, чопорность

По данным табл. 5 можно отметить, что негативные ассоциации украинских респондентов о своей стране связаны с политической деятельностью. Несмотря на то, что по результатам проективных вопросов Белоруссия всегда являлась другом и союзником для Украины, в данном случае она выступает как закрытая и независимая страна, что было указано в категории «негативные ассоциации». По отношению к России мы можем проследить некоторую неуверенность респондентов, поскольку, охарактеризовав в «положительных ассоциациях» Россию как честную страну, в «негативных ассоциациях» они указали ложь.

Таким же образом, как и в первом случае, подсчитан аналитический индекс (табл. 6).

Таблица 6

Аналитический индекс отношения к странам студентов РУДН из Украины

Страна	Индекс
Россия	0,03
Украина	0,05
Франция	0,09
Китай	-0,02
США	-0,05
Германия	-0,03
Белоруссия	0,1
Великобритания	-0,007

На основании аналитических индексов (см. табл. 6) мы составили типологию отношения украинских студентов к странам:

- близкие страны для студентов из Украины: Белоруссия и Франция;
- нейтральные страны для студентов из Украины: Россия, Великобритания, Китай;
- далекие страны для студентов из Украины: США и Германия.

По той же логике произведена категоризация ассоциаций для студентов РУДН из Белоруссии (табл. 7).

На основании данных табл. 7 мы можем отметить, что наибольшее количество ассоциаций белорусские студенты имеют о русских и французах. Это означает, что более четкое представление у белорусов складывается

именно об этих странах. Остальные же страны по количеству ассоциаций примерно равны. Несмотря на то, что белорусы позитивно воспринимают все страны, максимальные значения в категории «негативные» студенты из Белоруссии демонстрируют к Украине, за ней идет Россия, США и Германия, но все же они очень малы, чтобы говорить о негативе в прямом смысле слова. Нейтральное отношение белорусы проявляют к Франции.

Таблица 7

Положительные и негативные ассоциации о странах белорусских респондентов. Количество ассоциаций

	Всего	Положительные	Нейтральные	Негативные
Россия	280	52	193	35
Украина	277	75	162	40
Франция	281	23	255	3
Китай	273	16	239	18
США	276	23	222	31
Германия	272	34	209	29
Белоруссия	264	52	192	20
Великобритания	273	21	238	14

Таблица 8

Положительные и негативные ассоциации о странах белорусских респондентов. Наиболее популярные ассоциации

	Положительные	Нейтральные	Негативные
Россия	Сила, могучая, победа	Путин, медведь, Москва	Разруха, москали, бардак
Украина	Братство, родина, единство	Сало, Крым, Киев	Война, кризис, Янукович
Франция	Романтика, независимая, любовь	Сыр, Париж, Эйфелева башня	Эмигранты, арабы
Китай	Прогресс	Рис, дракон, Джеки Чан	Дешево, подделки, грязь
США	Сила, независимая	Обама, бургеры, айфон	Холодая война, агрессия, ожирение
Германия	Чистота, порядок, точность	Пиво, автомобили, сосиски	Война, грубые
Белоруссия	Мир, братство, сила	Картофель, Минск, Тарас Бульба	Зло, непопулярная
Великобритания	Пунктуальность, образование	Королева, чай, Лондон	Зависимая, скупые

По данным табл. 8 мы видим, что больше всего ассоциаций, связанных с культурой, белорусы дают Франции, Великобритании и Германии. Ассоциации, связанные с политикой, в большинстве относят к США, Украине и

России. Наиболее негативные ассоциации были даны белорусами по отношению к США и Германии.

Таблица 9

Аналитический индекс отношения к странам
студентов РУДН из Белоруссии

Страна	Индекс
Россия	0,06
Украина	0,12
Франция	0,07
Китай	0,007
США	-0,02
Германия	0,01
Белоруссия	0,12
Великобритания	0,02

На основании аналитического индекса (см. табл. 9) была составлена типология отношения к странам:

- близкие страны для студентов РУДН из Белоруссии: Украина и Франция;
- нейтральные страны для студентов РУДН из Белоруссии: Россия, Великобритания и Германия;
- далекие страны для студентов РУДН из Белоруссии: США и Китай.

По результатам применения данного варианта анализа ассоциаций мы смогли достигнуть заявленной цели – сравнения структуры представлений в данном случае о странах – лидерах на мировой арене (табл. 10).

Таблица 10

Типология отношения к странам на основе метода ассоциаций

	Русские респонденты	Украинские респонденты	Белорусские респонденты
Близкие страны	Франция Германия	Белоруссия Франция	Украина Франция
Нейтральные страны	Белоруссия Китай Великобритания	Россия Великобритания Китай	Россия Великобритания Германия
Далекие страны	Украина США	США Германия	США Китай

Мы можем однозначно выделить далекую страну для всех трех групп респондентов – это США. Нейтральную же позицию занимает Великобритания, а самой близкой страной для каждого из респондентов является, как ни удивительно, Франция. И этот сложно объяснимый результат является иллюстрацией одного из недостатков метода ассоциаций: мы никогда не узнаем «веса» оснований, которые используются сознанием респондента при продуцировании ассоциаций.

3. Основные результаты анализа ассоциаций: смысловые категории ассоциаций

Абсолютно очевидно, что анализ результатов метода ассоциаций многовариантен. В исследовании помимо деления ассоциаций на категории «положительные», «негативные» и «нейтральные» и вычисления на их основании аналитического индекса отношения к странам, мы использовали второй вариант категоризации ассоциаций – деление их по смысловым категориям.

Для деления ассоциаций, так же как и в первом случае, использовалась исследовательская триангуляция. Исследователями были выделены несколько смысловых категорий, на которые распадались ассоциации в каждой группе респондентов. Эти категории: «Культурные ценности», куда мы отнесли указанные памятники культуры, исторические личности, известных людей национальную еду и т.п.; «Политическая деятельность» – это политические деятели, наиболее яркие события, связанные с политикой и т.п.; «Личностные характеристики» – ассоциации, связанные с наиболее яркими чертами характера, присущими жителям той или иной страны; «Образ жизни» – ассоциации, отражающие моменты, которые часто присутствуют в повседневной жизни жителей страны; и «Прочее» – ассоциации, которые нельзя отнести ни в одну другую категорию. Вторая типология вводится для того, чтобы показать, с чем больше ассоциируется та или иная страна у респондента.

В этом разделе приводятся относительные величины каждой категории ассоциаций о той или иной стране. Были также выделены наиболее популярные ассоциации в каждой категории, но в статье они не приводятся из-за громоздкости таблиц.

Таблица 11

Смысловые категории ассоциаций о странах
русских респондентов. Количество ассоциаций, в процентах

	Культурные ценности	Политическая деятельность	Личностные характеристики	Образ жизни	Прочее
Россия	32,3	9,7	24,8	17,2	16,0
Украина	31,2	20,7	20,7	7,8	19,6
Франция	53,4	0,7	12,7	22,0	11,2
Китай	32,7	2,3	24,6	16,6	23,8
США	33,0	14,7	19,4	8,3	24,6
Германия	25,0	11,6	19,6	24,3	19,5
Белоруссия	37,6	11,0	19,4	13,3	18,7
Великобритания	41,3	18,7	16,8	10,0	13,2

Русские респонденты не дали никаких ассоциаций о Франции по категории «Политическая деятельность» (см. табл. 11). Это говорит о том, что у них Франция не связана с политикой. Кроме того, о Франции большее количество ассоциаций было дано в категории «Культурные ценности», в частности ассоциации о национальной еде. В категории политическая деятельность респондентами было упомянуто слово «война» по отношению к таким странам, как Германия, США и Украина. Такое мнение по отношению к двум

последним странам было ожидаемо в связи с последними событиями. А вот упоминание Германии говорит нам о том, что большинство респондентов, вероятно, до сих пор могут видеть в данной стране враждебный стереотип в связи с военным прошлым, связывающим СССР и Германию. Стоит также отметить, что в категории «Прочее» Белоруссия предстает для русских респондентов в качестве союзника, в то время как по отношению к другим странам они не проявили аналогичной дружелюбности.

Таблица 12

Смысловые категории ассоциаций о странах
украинских респондентов. Количество ассоциаций в процентах

	Культурные ценности	Политическая деятельность	Личностные характеристики	Образ жизни	Прочее
Россия	33,5	17,1	15,3	8,2	25,7
Украина	32,0	18,7	10,0	10,5	28,8
Франция	73,2	4,3	8,5	1,8	12,2
Китай	38,5	3,7	11,0	16,0	13,8
США	39,5	17,7	13,8	5,8	23,2
Германия	34,7	12,6	13,4	13,7	25,6
Белоруссия	44,3	12,5	10,3	12,5	20,3
Великобритания	44,6	15,9	7,0	11,0	21,4

Ассоциации украинских респондентов о Франции наиболее связаны с культурными ценностями по сравнению с другими представленными странами. По личностным характеристикам больше всего было дано ассоциаций о России. США оценили больше других стран по категории «Политическая деятельность». Ассоциации о Китае меньше всего связаны с политической деятельностью. В категории «Культурные ценности» ассоциации о Франции, Германии и Белоруссии в большинстве случаев связаны с национальной едой. Наиболее положительные характеристики респонденты из Украины дали Франции. Политическая деятельность США России и Украины характеризуется негативно, если опираться на наиболее популярные ассоциации.

Таблица 13

Смысловые категории ассоциаций о странах
белорусских респондентов. Количество ассоциаций

	Культурные ценности	Политическая деятельность	Личностные характеристики	Образ жизни	Прочее
Россия	23,0	17,0	21,0	5,0	34,0
Украина	22,0	25,0	17,0	18,0	18,0
Франция	65,0	5,0	11,0	14,0	4,0
Китай	35,0	5,0	17,0	16,0	26,0
США	26,0	25,0	7,0	29,0	13,0
Германия	67,0	18,0	7,0	6,0	1,0
Белоруссия	28,0	12,0	22,0	14,0	24,0
Великобритания	62,0	11,0	11,0	15,0	1,0

По данным табл. 13 мы видим, что больше всего ассоциаций, связанных с культурой, белорусы дают о Франции, Великобритании и Германии. Ассоциации, связанные с политикой, в большинстве относят к США, Украине и России. Ассоциации, связанные с политикой, чаще всего встречаются о России, Украине и США [7]. Мы видим, что ассоциаций, связанных с политикой, меньше всего о Китае.

Заключение

Метод ассоциаций обладает большим когнитивным потенциалом и многовариантностью анализа. В приведенном в статье исследовании продемонстрирован анализ с сочетанием качественных и количественных показателей. Мы использовали аналитические индексы для перехода к количественным оценкам и получению групповой типологии отношения к странам, а также дополнили их качественным анализом наиболее популярных ассоциаций в каждой из выделенных смысловых категорий. Этот вариант анализа представляется вполне жизнеспособным, если производить анализ, используя исследовательскую триангуляцию, а также сочетать сам метод ассоциаций с другими методами, направленными на реализацию тех же целей.

Библиографический список

1. **Елшанский, С.** Возможности применения ассоциативных методов в маркетинговых, рекламных и политологических исследованиях / С. Елшанский // Практический маркетинг. – 2000. – № 1.
2. **Паутова, Л. А.** Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения / Л. А. Паутова // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2007. – № 24. – С. 149–168.
3. **Иванова, Н. А.** Применение метода свободных ассоциаций в эмпирических социологических исследованиях / Н. А. Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12, Социология. – 2013. – Вып. 3.
4. **Муращенкова, Н. В.** Структура социальных представлений молодежи об экстремизме и патриотизме / Н. В. Муращенкова // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 12.
5. **Пузанова, Ж. В.** Использование психосемантических методов в изучении этнических стереотипов / Ж. В. Пузанова, А. В. Медведева // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. – 2013. – № 1.
6. **Пузанова, Ж. В.** Исследование этнической толерантности в полиэтнической молодежной среде РУДН / Ж. В. Пузанова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. – 2010. – № 4. – С. 119–126.
7. **Филиппов, В. М.** Сравнительный анализ представлений о Великой Отечественной войне: межпоколенческий срез (Россия, Украина, Беларусь) / В. М. Филиппов, Ж. В. Пузанова, Т. И. Ларина // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. – 2015. – № 4. – С. 117–127.

References

1. Elshanskiy S. *Prakticheskiy marketing* [Applied marketing]. 2000, no. 1.
2. Pautova L. A. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling]. 2007, no. 24, pp. 149–168.
3. Ivanova N. A. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12, Sotsiologiya* [Bulletin of Saint-Petersburg University. Series 12, Sociology]. 2013, iss. 3.
4. Murashchenkova N. V. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern research of social problems]. 2012, no. 12.

5. Puzanova Zh. V., Medvedeva A. V. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Sotsiologiya* [Bulletin of People's Friendship University of Russia. Series: Sociology]. 2013, no. 1.
 6. Puzanova Zh. V. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Sotsiologiya* [Bulletin of People's Friendship University of Russia. Series: Sociology]. 2010, no. 4, pp. 119–126.
 7. Filippov V. M., Puzanova Zh. V., Larina T. I. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Politologiya* [Bulletin of People's Friendship University of Russia. Series: Political science]. 2015, no. 4, pp. 117–127.
-

Пузанова Жанна Васильевна

доктор социологических наук, профессор,
кафедра социологии, Российский
университет дружбы народов
(Россия, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, 6)

E-mail: puzanova_zhv@pfur.ru

Puzanova Zhanna Vasil'evna

Doctor of sociological sciences, professor,
sub-department of sociology, Peoples'
Friendship University of Russia
(6 Miklukho-Maclaya street, Moscow,
Russia)

Ларина Татьяна Игоревна

кандидат социологических наук,
ассистент, кафедра социологии,
Российский университет дружбы
народов (Россия, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, 6)

E-mail: larina_ti@pfur.ru

Larina Tatiana Igorevna

Candidate of sociological sciences,
assistant, sub-department of sociology,
Peoples' Friendship University of Russia
(6 Miklukho-Maclaya street, Moscow,
Russia)

УДК 316:303; 316:001.8

Пузанова, Ж. В.

Использование методики ассоциаций для изучения отношения к странам / Ж. В. Пузанова, Т. И. Ларина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 98–110. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-10

Я. М. Давлетшина, Л. К. Мухаметзянова, Р. Р. Хизбуллина

ПРИЧИНЫ И НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИИ ТАЛАНТЛИВОЙ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Талантливая молодежь – это выдающиеся молодые люди, имеющие природные способности, высокую степень одаренности. Идея отбора наиболее способных, талантливых молодых людей для решения государственных проблем, для развития страны имеет давнюю историю. Необходимо создать условия для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, качественного развития потенциала талантливой молодежи и его использования в интересах инновационного развития страны. Целью данной статьи является представление результатов авторского исследования по определению основных направлений и причин потенциальной миграции талантливой молодежи Республики Татарстан.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута посредством методологического анализа и эмпирической проверки особенностей и причин миграции талантливой молодежи. Использованы данные авторского опроса, сравнительный анализ смежных исследований талантливой молодежи Республики Татарстан.

Результаты. Результаты исследования демонстрируют наличие заинтересованности молодых талантливых людей в поиске работы как в рамках родного региона, так и за его пределами. Основные причины миграции заключаются в поисках более интересных и современных программ обучения, привлекательной заработной платы, возможностей саморазвития. Ограничением миграционных потоков молодежи выступают в первую очередь психологические причины, наличие родственных связей, наличие жилья.

Выводы. Несмотря на наличие большого количества направлений развития, талантливая молодежь Республики Татарстан нуждается в дальнейшем развитии программ, направленных на ее поддержку, с целью увеличения возможности профессиональной самореализации, экономической и трудовой привлекательности региона.

Ключевые слова: молодежь, миграция, талантливая молодежь, трудоустройство, социологическое исследование.

Ya. M. Davletshina, L. K. Mukhametzyanova, R. R. Khizbullina

MIGRATION REASONS AND DIRECTIONS OF TALENTED YOUTH IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN: RESULTS OF EMPIRICAL RESEARCHES

Abstract.

Background. The talented youth is outstanding young people having natural capabilities and a high degree of endowments. The idea of selection of the most capa-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ и Правительства Республики Татарстан «Талантливая молодежь Республики Татарстан: проблемы и перспективы развития» (проект № 16-13-16008).

ble, talented young people for solving the state problems, for development of the country has an old story. It is necessary to create conditions for successful socialization and effective self-realization of youth, high-quality development of the talented youth potential and its use for the benefit of innovative development of the country. The purpose of this article is to provide results of an author's research on determination of main directions and reasons of potential migration of talented youth of the Republic of Tatarstan.

Materials and methods. The research tasks were implemented by means of a methodological analysis and an empirical check of features and reasons of talented youth migration. The study was based on the author's poll data, a comparative analysis of adjacent researches of talented youth of the Republic of Tatarstan.

Results. The research results show that the talented youth is interested in job searching both within the native region and beyond its limits. Basic reasons of the migration consist in seeking for more interesting and modern training programs, attractive salary, self-development opportunities. The youth migration flows may be limited due to psychological reasons, family relations, housing conditions.

Conclusions. Despite a large number of development directions available, the talented youth of the Republic of Tatarstan needs further development of the programs directed to their support for the purpose of increasing a possibility of professional self-realization, economic and labor appeal of the region.

Key words: youth, migration, talented youth, employment, social research.

Миграционная политика любого государства должна опираться на количественные ориентиры. Без этого невозможно понять, какими будут цели, направления и объемы работы по управлению миграционными потоками, невозможно обосновать затраты и оценить возможный результат предпринимаемых шагов.

В современной России, в частности в Республике Татарстан, раскрытию интеллектуально-творческого потенциала детей и молодежи уделяется достаточно внимания, разработаны целевые программы, а также приняты нормативные правовые акты, устанавливающие меры по государственной поддержке талантливой молодежи, функционируют различного рода мероприятия, конкурсы, направленные на выявление, поддержку и сопровождение талантливых детей и молодежи.

Успешное инновационное развитие любого государства зависит от наличия одаренных, талантливых специалистов. Высокий процент сосредоточения талантливой молодежи в Республике Татарстан подтверждает актуальность проблемы развития и улучшения работы с ней, а также требует от государства, педагогов и родителей принятия во внимание особых потребностей одаренных детей и молодежи.

Теоретические и методологические работы, посвященные проблемам изучения жизненного пути молодежи как социально-демографической группы в целом, нашли отражение в трудах следующих ученых: Л. Д. Гудкова, Б. В. Дубина, Н. А. Зоркой, И. Воробьевой, А. Кологривова, В. Б. Сарксян, Г. Б. Кошарной, Н. В. Корж, Е. А. Даниловой, Е. В. Щаниной и др. [1–5].

В рамках авторского социологического исследования, проведенного в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Республики Татарстан научного проекта (№ 16-13-16008) «Талантливая молодежь Республики Татарстан: проблемы и перспективы развития», были определены причины и направления миграции талантливой молодежи в современных условиях.

Социологическое исследование было проведено с целевой репрезентативной выборкой ($n = 600$ человек) из числа молодых людей в возрасте 14–35 лет, проживающих в четырех муниципальных районах Республики Татарстан (город/село), являющихся победителями, лауреатами и участниками конкурсов/олимпиад/конференций и других проектов. В качестве метода исследования был выбран анкетный опрос (в том числе посредством сети Интернет), позволяющий получить мнение талантливых молодых людей в регионе.

Анализ мнений респондентов показал, что основными проблемами, занимающими талантливую молодежь, на сегодняшний день стали (рис. 1):

- 1) ситуация в мире – 32 %;
- 2) личные проблемы – 39 %;
- 3) безработица – 17 %;
- 4) карьерный рост – 22 %;
- 5) возможность для самореализации – 28 %;
- 6) поступление в престижный вуз – 16 %;
- 7) поиск работы по специальности – 31 %;
- 8) сложности с поиском финансирования научных/исследовательских проектов – 3 %;
- 9) трудности с приобретением жилья (недостаточно средств для приобретения) – 22 %;
- 10) проблемы с поиском финансирования участия в научных конференциях/семинарах/симпозиумах – 3 %;
- 11) другое – 4 %.

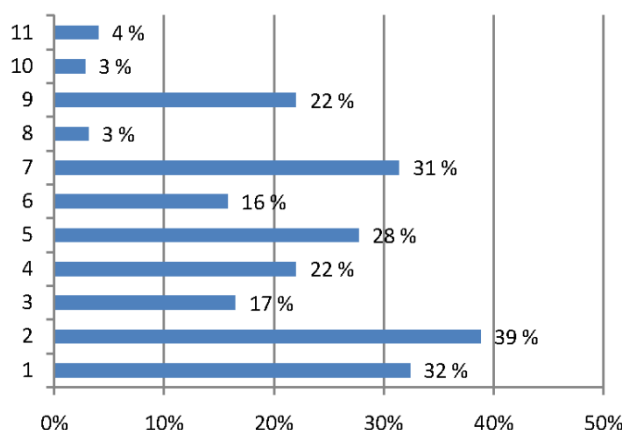

Рис. 1. Проблемы, занимающие талантливую молодежь сегодня, процентов к опрошенным респондентам

Поскольку такие проблемы, как поиск работы по специальности, возможность для самореализации и проблемы карьерного роста, волнуют большой процент молодых людей, был задан вопрос о мнении респондентов о перспективах трудоустройства в Татарстане по желаемой специальности/профессии. Определено, что с уверенностью могут в перспективе работать по желаемой профессии в Татарстане более половины опрошенных – 58 %; считают, что в Татарстане сложно найти работу по выбранной профессии, всего 9 %; уверены, что есть такая работа, но не знают, можно ли туда устроиться,

и уверены в сложности трудоустройства по 18 % соответственно (36 %). Свой вариант ответа представили 5 % от общего числа респондентов (рис. 2).

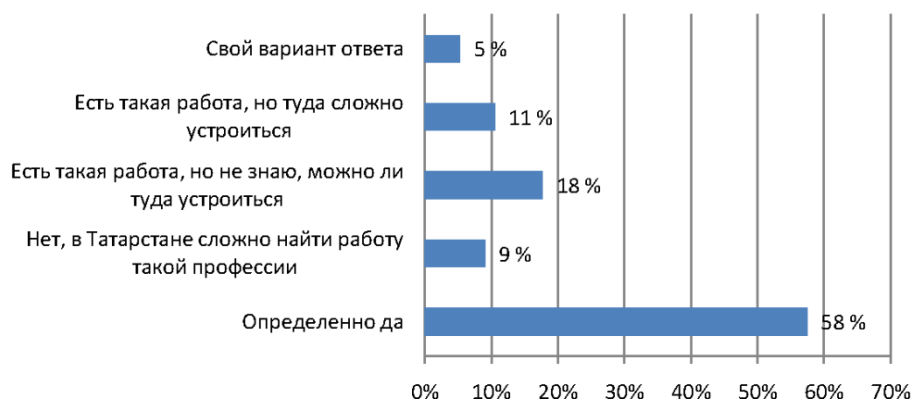

Рис. 2. Наличие перспективы трудоустройства в Татарстане по желаемой для респондента специальности/профессии, процентов к опрошенным респондентам

Согласно полученным данным, талантливая молодежь Республики Татарстан предпочитает учебные заведения в столице республики г. Казани (54 %). Остальной массив данных распределен по менее 15 % ответов на вариант (рис. 3).

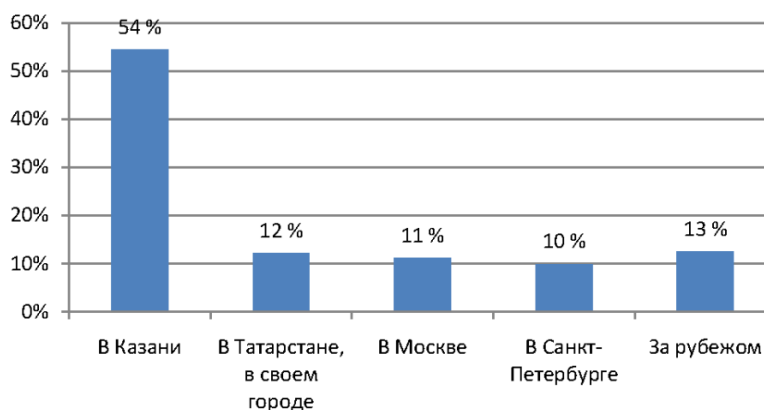

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Где Вы предпочтете/предпочли бы выбрать учебное заведение для обучения?», процентов к опрошенным респондентам

Возникает вопрос о причинах альтернативного столице Республики Татарстан выбора респондентов. Выявлено, что внутри массива альтернативных ответов причины, по которым респонденты сделали выбор в пользу вузов, находящихся за пределами Татарстана, следующие (рис. 4):

1. Более интересные и современные программы обучения – 31 %.
 2. Больше возможностей для трудоустройства после окончания этого вуза – 27 %.
 3. Более престижно там учиться – 20 %.
- Остальные варианты получили менее 10 % ответов.

Рис. 4. Причины выбора местоположения вуза, альтернативного столице Республики Татарстан, процентов к опрошенным респондентам

Основной причиной, по которой большая часть респондентов согласна на трудовую миграцию, является высокая зарплата – 29 %, далее перспективы карьерного роста – 21 %; возможность реализовать свои идеи в рамках интересной работы – 17 %. Остальные варианты ответа приведены на рис. 5.

Рис. 5. Причины трудовой миграции в другой город России или мира, процентов к опрошенным респондентам

Соответственно, основные причины, по которым респонденты считают для себя трудовую миграцию невозможной и рассматривают трудоустройство в рамках границ Республики Татарстан, следующие: «здесь мои родные, друзья» (33 %) и «наличие жилья» (18 %) (рис. 6).

Высокую оценку перспективам трудоустройства и работы в Татарстане дают 44 % опрошенных, формулируя как «хорошие перспективы, возможность профессиональной самореализации». Однако 27 % респондентов выражают беспокойство и говорят о наличии некоторых ограничений в возможностях самореализации (рис. 7, 8), в основном связанных с недостаточным уровнем заработной платы (28 %).

Рис. 6. Причины отказа от трудовой миграции в другой город России или мира, процентов к опрошенным респондентам

Рис. 7. Оценка перспектив работы в Татарстане, процентов к опрошенным респондентам

Рис. 8. Причины ограничения профессиональной самореализации в Татарстане, процентов к опрошенным респондентам

Материалы авторского исследования, полученные в результате опроса, коррелируют с данными специалистов Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), которые в 2013 г. провели в Татарстане социологическое исследование на тему жизненных концепций молодежи республики. В ходе него было выявлено, что при формировании образовательной стратегии молодежь, помимо качества образования, обращает внимание на мнение родителей и желание остаться поближе к дому. Самое важное то, что значительное число победителей и призеров всероссийских олимпиад, грантовых программ стремится продолжить обучение за пределами Татарстана, в первую очередь из-за возможностей самореализации перспектив в индивидуальной карьере [6, 7].

Результаты исследования демонстрируют наличие заинтересованности молодых талантливых людей в поиске работы как в рамках родного региона, так и за его пределами. Основные причины миграции заключаются в поисках более интересных и современных программ обучения, привлекательной заработной платы, возможностей саморазвития. Ограничением миграционных потоков молодежи выступают в первую очередь психологические причины, наличие родственных связей, наличие жилья.

Соответственно, учитывая проблемные точки миграционного потока талантливой молодежи, выявленные в рамках эмпирических исследований, актуализируется необходимость создания условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, качественное развитие потенциала молодежи и его использование в интересах инновационного развития страны.

В Татарстане, как в одном из ведущих регионов Российской Федерации, обеспечиваются условия для самореализации молодежи в разных сферах жизнедеятельности общества. Есть необходимость последовательно и системно формировать из одаренных детей и молодежи интеллектуальную, творческую, спортивную и бизнес-элиту республики, которая будет способствовать росту конкурентных преимуществ Республики Татарстан.

Библиографический список

1. **Воробьева, И.** Что им дома не сидится / И. Воробьева, А. Кологривов // Прямые инвестиции. – 2011. – № 8 (112). – С. 12–16.
2. **Гудков, Л. Д.** Молодежь России / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Н. А. Зоркая. – М. : Московская школа политических исследований, 2011. – 96 с.
3. **Сарксян, В. Б.** Пермский край: опыт противодействия интеллектуальной миграции молодежи / В. Б. Сарксян // Российское предпринимательство. – 2012. – № 17 (215). – С. 44–50.
4. **Кошарная, Г. Б.** Ценностные предпочтения студенческой молодежи в сфере труда / Г. Б. Кошарная, Н. В. Корж // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 2 (14). – С. 64–73.
5. **Данилова, Е. А.** Молодежь в региональном социуме: теоретический аспект / Е. А. Данилова, Е. В. Щанина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 1 (13). – С. 62–69.
6. **Тюрин, А.** Татарстан станет самым привлекательным регионом для талантливой молодежи / А. Тюрин. – URL: <https://kazanfirst.ru/article/227463>
7. **Ахметова, Я. М.** Отношение к образованию у студенческой молодежи (на материалах социологического исследования в Республике Татарстан) / Я. М. Ахметова, Л. К. Мухаметзянова, Р. Р. Хизбуллина // Казанский педагогический журнал. – 2016. – № 1 (114). – С. 209–215.

References

1. Vorob'eva I., Kologrivov A. *Pryamye investitsii* [Direct investments]. 2011, no. 8 (112), pp. 12–16.
 2. Gudkov L. D., Dubin B. V., Zorkaya N. A. *Molodezh' Rossii* [Russian youth]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2011, 96 p.
 3. Sarksyanyan V. B. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo* [Russian entrepreneurship]. 2012, no. 17 (215), pp. 44–50.
 4. Kosharnaya G. B., Korzh N. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2010, no. 2 (14), pp. 64–73.
 5. Danilova E. A., Shchanina E. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2010, no. 1 (13), pp. 62–69.
 6. Tyurin A. *Tatarstan stanet samym privlekatel'nym regionom dlya talantlivoy molodezhi* [Tatarstan will become the most attractive region for talented youth]. Available at: <https://kazanfirst.ru/article/227463>
 7. Akhmetova Ya. M., Mukhametzyanova L. K., Khizbullina R. R. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Kazan pedagogical journal]. 2016, no. 1 (114), pp. 209–215.
-

Давлетшина Язглем Мубаракшевна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра иностранных языков, Казанский
государственный энергетический
университет (Россия, г. Казань,
ул. Красносельская, 51)

E-mail: yazgul_ahmetova@mail.ru

Davletshina Yazglem Mubarakshevna

Candidate of philological sciences, associate
professor, sub-department of foreign
languages, Kazan State Engineering
University (51 Krasnoselskaya street,
Kazan, Russia)

Мухаметзянова Лилия Касымовна

кандидат биологических наук, главный
специалист, научно-организационный
отдел, Академия наук Республики
Татарстан (Россия, г. Казань,
ул. Баумана, 20)

E-mail: muhametzyanova@mail.ru

Mukhametzyanova Liliya Kasymovna

Candidate of biological sciences, chief
specialist, scientific-organizational
department, Tatarstan Academy
of Sciences (20 Baumana street,
Kazan, Russia)

Хизбуллина Радмила Радиковна

кандидат социологических наук, доцент,
кафедра социологии, политологии
и права, Казанский государственный
энергетический университет (Россия,
г. Казань, ул. Красносельская, 51)

E-mail: mine_post@inbox.ru

Khizbullina Radmila Radikovna

Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of sociology, political science and law,
Kazan State Engineering University
(51 Krasnoselskaya street, Kazan, Russia)

УДК 316.346.32-053.6

Давлетшина, Я. М.

Причины и направления миграции талантливой молодежи в Республике Татарстан: результаты эмпирических исследований / Я. М. Давлетшина, Л. К. Мухаметзянова, Р. Р. Хизбуллина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 111–118. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-11

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПОЯВЛЕНИЯ ФРИЛАНСЕРОВ В СТРУКТУРЕ ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Формирование общества знаний и информационной экономики предполагает активное использование новых и нестандартных форм занятости. Особую роль начинают играть новые формы наемного труда. Неравномерное их распределение по профессиональным, территориальным, социально-демографическим сегментам свидетельствует о влиянии разных факторов на появление фрилансеров в структуре занятого населения.

Материалы и методы. Анализ построен на основе обобщения теоретических работ и результатов всероссийских исследований; обработки и интерпретации данных авторского опроса наемных работников регионов Поволжья: Республики Татарстан, Самарской и Ульяновской областей. Проблема исследуется с позиций структурно-функционального подхода, который позволяет изучить процесс появления фрилансеров в структуре занятого населения.

Результаты. Перспективы появления и развития новой категории работников – фрилансеров – связаны с технологическими факторами: ростом объема работ по производству и переработке информации, внедрением информационно-коммуникационных технологий; выделением ряда профессий, в которых можно результаты передавать в цифровом виде. К этим факторам добавились особые социальные условия – перманентный экономический кризис, вынуждающий работодателей выводить работников за штат и заключать временные договоры с отдельными специалистами; социально-демографическая ситуация, связанная с естественной убылью и старением населения.

Выводы. В ходе исследования выявлено особое влияние региональных факторов мезоуровня: состояния рынка труда в регионе, уровня экономической и образовательной инфраструктуры, честности региональных заказчиков и активности местных IT-сообществ. Доказана необходимость создания в регионах клубов фрилансеров, регулирующих организационные вопросы фриланс-деятельности, профессиональное общение и социальную защищенность свободно занятых.

Ключевые слова: социальные условия наемного труда, автономность труда, фрилансеры.

О. В. Poletaeva

SOCIAL FACTORS OF FREELANCERS APPEARANCE IN THE STRUCTURE OF EMPLOYED POPULATION

Abstract.

Background. The formation of the society of knowledge and information economy assumes active use of new and non-standard work arrangements. New forms of wage labor are beginning to play a special role. Their uneven distribution in professional, territorial, social and demographic segments demonstrates the influence of different factors on appearance of freelancers in the structure of employed population.

Materials and methods. The analysis was based on generalization of theoretical works and results of All-Russian researches; data processing and interpretations of the author's poll among employed people from Volga region: the Republic of Tatarstan, Samara and Ulyanovsk regions. The problem was researched by the structural-functional approach, which allows to study the process of freelancers appearance in structure of employed population.

Results. The prospects of emergence and development of a new category of employees – freelancers – are connected with technological factors: growth of the amount of works on production and conversion of information, implementation of information and communication technologies; allocation of a number of professions in which it is possible to transfer results into a digital form. Special social conditions – the permanent economic crisis forcing employers to take workers off the payroll and to sign provisional agreements with certain specialists – were added to these factors; the social and demographic situation connected with natural loss and aging of the population.

Conclusions. During the research a special influence of regional factors at the meso-level has been revealed: the work market situation in the region, the level of economic and educational infrastructure, the honesty of regional customers and the activity of local IT-communities. The study proves the need for regions to create freelancer clubs regulating organizational matters of freelance activities, professional communication and social security of freelancers.

Key words: social conditions of wage labor, autonomy of work, freelancers.

Стабильная занятость, гарантированный доход, жесткий распорядок, постоянное рабочее место в конкретной организации – все это соответствовало условиям, складывавшимся на российском рынке труда в XX в. В современных условиях занятость тяготеет к более демократичным и одновременно к менее стабильным формам: распространение получили удаленная занятость и самозанятость, общей чертой которых является снижение зависимости работника от работодателя. В этом контексте в России растет удельный вес «свободно занятых» работников, или фрилансеров, не входящих формально в штат какой-либо организации. Неравномерное их распределение по профессиональным, территориальным, социально-демографическим сегментам свидетельствует о влиянии разных факторов макро- и мезоуровней на появление фрилансеров в структуре занятого населения.

Ряд социологов-футурологов (Ч. Хэнди, Д. Пинк, Т. Малоун) прогнозирует активное распространение внеорганизационных форм занятости наемных работников. В их рассуждениях присутствует тезис о том, что самостоятельная деятельность приходит на смену традиционному наемному труду с жесткой регламентацией порядка и результатов профессиональной деятельности. Д. Пинк, представляя перспективы независимых работников, в своей работе «Нация свободных агентов» утверждает, что «человек организации» уходит в прошлое [1, с. 75]. Футурологи подчеркивают, что именно самостоятельная занятость даст работникам наибольшие возможности для самореализации и раскрытия их творческого потенциала. В то же время до конца не выяснены социальные последствия, влияние конкретных факторов на развитие фриланса, а также место «свободно занятых» работников в структуре занятого населения.

В ходе анализа изменений условий и содержания наемного труда нами выделена следующая проблема: с одной стороны, рост автономности труда

наемных работников, изменение его содержания очевидно и закономерны; с другой стороны, «свободно занятые» работники оказываются юридически и социально незащищенными, не связанными устойчивыми связями с определенными статусами и активно пополняют прекариат. *Цель данной статьи* – выявить характер влияния социальных факторов разного масштаба и содержания на появление фрилансеров в структуре занятого населения.

Понимание природы и сути современного наемного труда как социального феномена невозможно без социологического анализа сущности трудовой деятельности. Институт наемного труда возник задолго до капитализма. В отличие от ранних форм наемного труда при капитализме сформировался индустриальный тип трудового найма, ставший основой рыночной экономики. Формированию капиталистической системы наемного труда способствовали процессы отделения производителя от средств производства, переход от «натурального» труда к абстрактному, который «измеряется в количественном отношении», превращение рабочей силы в товар или объект купли-продажи.

К. Маркс в своей работе «Наемный труд и капитал» писал, что заработная плата является отнюдь не ценой рабочей силы, а ценой труда. «Заработная плата – это сумма денег, которую платит капиталист за определенное рабочее время или за исполнение определенной работы». Анализируя стоимость труда, К. Маркс выделил важное положение о том, что она переходит постепенно в стоимость рабочей силы [2, с. 51]. Он первым указал на то, что на рынке труда фигурирует не труд, а рабочий, который вынужден продавать собственную рабочую силу.

М. Вебер выделял в наемном труде прежде всего расход времени или усилия как таковые. При анализе определенных форм труда и их изменения социолог определил две группы факторов: технологическую и социальную. М. Вебер рассматривал технологические условия как основу разделения труда с учетом способов комбинации средств труда и возможностей трудящихся с целью достижения единого результата. Трудящиеся обладают возможностями соединяться друг с другом, когда собирается множество работников, которые реализуют схожую функцию (кумулятивно). В социальном разделении труда, по мнению социолога, необходимо учитывать особенности комбинаций трудовой силы работников с организационными способностями служащих. При анализе общественных сторон разделения труда М. Вебер особое внимание уделял именно этим способам качественного разделения или соединения несхожих трудовых функций. Общественные последствия такого наемного труда, по мнению ученого, связаны с производством экономических выгод посредством совершенствования трудовых функций разного уровня [3, с. 161].

В условиях перехода к информационному обществу возникли новые формы разделения наемного труда, которые связаны с «информационной революцией» в экономике, активным вмешательством государств в социальную сферу, ростом атипичной занятости. Дифференциация наемных работников повлекла за собой образование новых групп в социальной структуре. «Более значимыми становятся такие формы социального членения, как разделение между: работниками творческого и рутинного труда; управленцами и исполнителями; стабильно занятыми и атипично занятыми индивидами;

сетевыми и кластерными производителями; рыночно ориентированными слоями и патерналистским классом» [4, с. 70]. Эти явления затронули и современную Россию, в которой активно идет процесс деления наемных работников на высшие и низшие слои; пропасть между ними не меньшая, чем между капиталистами и рабочими.

Трансформация социальной структуры российского общества и становление новых групп наемных работников стали в последнее время предметом исследований В. Х. Беленького, З. Т. Голенковой, Т. И. Заславской, Е. Д. Игитханян, В. А. Мансурова, А. А. Московской. Проблему автономного наемного труда как социального феномена исследовали социологи М. И. Гурова, С. К. Кучигина, Д. О. Стребков, В. С. Харченко, А. В. Шевчук и др. Анализ работ российских социологов позволил нам выделить институциональные особенности рынка труда в современной России.

Во-первых, наблюдаются неравные условия трудоустройства экономических агентов, дополняющие допустимую конкуренцию на рынке труда. Неравными для разных групп населения являются доступ к информации об имеющихся вакансиях, возможность заключить трудовые контракты. Присутствие и значительная роль внеэкономического фактора в виде административного ресурса и связей обеспечивает конкурентные преимущества посредством предоставления закрытой информации о рабочих местах. Российский опыт показывает, что государственные и муниципальные институты власти функционируют на основе деления субъектов на «своих» и «чужих» и, как результат, лоббируют частные интересы в ущерб профессиональным.

Во-вторых, наблюдается снижение уровня защиты трудовых прав наемных работников; в условиях радикального реформирования экономической сферы, смены собственников предприятий во многих организациях исчезли профсоюзы. Развитие рыночной экономики и трудового законодательства в стране идет по пути усиления роли и прав работодателей на рынке труда.

В-третьих, стремительное развитие информационных технологий явилось причиной расширения территории рабочего процесса за границы традиционного офиса. Высокий процент компьютеризации и телефонизации всех сфер; доступность Интернета, а также качество доступа к нему – все это привело к тому, что работодатели нуждаются в работниках информационной сферы. Стремление уменьшить расходы на их содержание приводит к необходимости нанимать отдельных специалистов сдельно, а не держать целый штат сотрудников. Образуются спрос на выполнение разовых проектов и встречное ему предложение.

Перечисленные институциональные особенности российского рынка труда способствуют выделению в классе российских наемных работников нового сегмента, связанного с владением неэкономическим капиталом – особыми навыками, квалификацией, образованием. А значит, кроме состояния рынка труда, *другие социальные факторы* влияют на появление новых групп наемных работников и укрепление среди них позиций фрилансеров.

Во многих странах, где фриланс уже достаточно развит, «свободные работники», работающие в определенных отраслях – массмедиа и индустрия развлечений, используют все *преимущества профессиональных объединений*, кроме права на забастовку. Они могут заключать коллективные соглашения с работодателями; в Великобритании профсоюз BECTU предоставляет таким

работникам юридические консультации, немецкий профсоюз Ver.di открыл для них бесплатную горячую линию. В Австралии половина членов профсоюза APESMA (Ассоциация профессиональных инженеров, ученых и управленцев) – это самозанятые работники, «свободные художники», и это быстро увеличивающаяся часть профсоюза [5, с. 134].

Достаточно сильно развито профсоюзное движение среди фрилансеров Италии, где существует три профессиональные организации, принимающие в свои ряды свободных журналистов и работников массмедиа [6]. Однако их деятельность осуществляется только в одном направлении: она направлена на формально независимых работников, которые взаимодействуют в основном с одним заказчиком, попадая в финансовую зависимость от него¹. В разных странах объединение фрилансеров в профессиональные ассоциации и союзы различно; но работники творческих отраслей – свободные журналисты, музыканты, актеры, работники медиа- и развлекательной индустрии – охвачены такими объединениями чаще, чем IT и web-дизайн.

В России на данный момент существует однозначная ситуация с объединением фрилансеров в профессиональные организации: вступления самозанятых в существующие и новые профсоюзы не наблюдается. Масштаб включенности фрилансеров в профессиональные объединения на первый взгляд кажется не столь существенным фактором развития этой формы занятости. Свобода является главной характеристикой фриланса: работник свободен в распоряжении своим временем, управлении различными формами жизнедеятельности, у него есть выбор, когда, где и как работать. Однако свобода в фрилансе иллюзорна: отсутствие долгосрочных отношений приводит к множественности занятости, работе с несколькими заказчиками одновременно, оформлению неформальных трудовых договоренностей. При этом в условиях необходимости постоянного воспроизводства интеллектуальных идей фактором риска удаленного труда выступает отсутствие профессионального общения, которое стимулирует эти идеи.

Профессиональные объединения не перестали быть необходимыми для категории «свободных работников», наоборот, роль профессиональных объединений, клубов фрилансеров в поддержке этой категории существенна. Объединения фрилансеров создают ту среду, которая позволяет новичкам понять тонкости работы, одиночкам-фрилансерам – объединиться в команды для выполнения разнопрофильных заказов, организовать свою базу данных – рейтинг заказчиков.

Мы провели социологический опрос наемных работников различных сфер деятельности. Выборка анкетного опроса составила 1210 работников разных отраслей, проживающих в городах регионов Приволжского федерального округа – Ульяновской и Самарской областей, Республики Татарстан. Среди опрошенных не менее четверти трудятся в сферах теневой экономики, индивидуального и надомного труда. «Свободно занятые» (фрилансеры) составили 13–15 % от общего числа респондентов.

В ходе социологического исследования мы выяснили, стали бы удаленные наемные работники в регионах сотрудничать с Клубом фрилансеров,

¹ Trade unions seek to represent workers in new forms of employment. – URL: <http://www.eurofound.europa.eu/eiro/1998/07/feature/it9807327f.htm>

если бы такой открыли. Чуть более 40 % опрошенных согласились сотрудничать по отдельным вопросам; каждый четвертый удаленный работник согласился регулярно сотрудничать с профессиональным клубом; треть отказалась от участия в работе клуба.

Какие функции, по мнению фрилансеров, должен выполнять профессиональный клуб? Тройку лидирующих функций составили: юридические услуги и консультирование (54 %); услуга «гарантированная сделка» (45 %), помощь в информировании и поиске новых проектов (42 %). Фрилансеры, практикующие разовые и временные проекты, чаще имеют потребность в гарантии сделки (43 %), услугах бухгалтера (40 %) и в обучении (35 %). Для фрилансеров с постоянным характером работы более значимым является профессиональное общение (73 %), только затем – юридические услуги и консультирование (30 %). Чувствуя себя более уверенно в организационных вопросах, эта часть фрилансеров настроена на использование объединения для производства новых идей. Отсутствие в России достаточного числа объединений фрилансеров выступает сдерживающим фактором эффективной работы и развития данной группы наемных работников.

Важным фактором функционирования фриланса является развитие в России и конкретных ее регионах *определенных профессиональных сфер деятельности*. Оценивая положение российских фрилансеров в трудовом пространстве, исследователи НИУ ВШЭ Д. О. Стребков и А. В. Шевчук отмечают, что они представляют собой неоднородную группу: характер их труда отличается от других категорий занятого населения. Распределение сфер приложения усилий фрилансеров на общероссийском рынке услуг отличается более высокой востребованностью работ по графике, дизайну, верстке и съемке роликов (41 % от числа российских фрилансеров); на втором месте – услуги по разработке и поддержке веб-сайтов, программированию (34 %); на третьем месте – работы, связанные с переводами, копирайтом и PR-сопровождением (15 %); завершают перечень удаленных видов работ маркетинговые и финансовые услуги (10 %) [7, с. 49].

Отличительной чертой работы фрилансеров в регионах Поволжья является то, что большая часть выполняемых проектов (82 %) поступает от организаций и предпринимателей региона; половина – от заказчиков из других регионов России (53 %); менее четверти заказов исходит от организаций стран ближнего зарубежья (11 %); только десятая часть – от заказчиков из стран дальнего зарубежья (9 %). Данная черта свидетельствует о наличии в каждом регионе своего рынка заказов.

Одной из задач нашего исследования было выявление особенностей финансового поведения фрилансеров. Об уровне дохода «свободных работников» имеет смысл говорить в разрезе их статуса занятости; а он достаточно неоднородный. Во-первых, среди данной категории наемных работников есть люди, для которых фриланс – единственный источник дохода, и ничем другим они больше не занимаются. Четверть из них (25 %) зарабатывает в месяц до 20 тыс. рублей; почти столько же (23 %) – от 20 до 40 тыс.; 44 % – более 40 тыс. рублей. Практически столько же получают и те работники, которые совмещают фриланс с занятостью в штате организации. Это немало, учитывая, что опрошенные фрилансеры представляют российские регионы, где доходы ниже, чем в мегаполисах.

В трудовых практиках «свободная занятость» не ограничивается чистым фрилансом (теми, кто работает удаленно и больше никак). Все активнее проявляют себя так называемые «совместители», к которым относятся штатные работники и предприниматели, параллельно выполняющие конкретные работы удаленно, у других заказчиков. Среди фрилансеров-совместителей, кроме работающих граждан, находятся также студенты и домохозяйки. Выявление работников, в разной степени и в разное время причастных к фрилансу, показало, что к ним относится половина опрошенных (52 %).

Фриланс имеет разные масштабы и профессиональные траектории в различных регионах. Причина связана с *профессионально-отраслевым портретом региональной экономики*. Одним из главных факторов экономического развития региона является инвестиционная активность и привлекательность. Ранги инвестиционного потенциала и уровни инвестиционной активности территорий Приволжского федерального округа, в которых был проведен опрос, в 2015 г. выглядели следующим образом: Татарстан – второе место; Самарская область – третье место; Ульяновская область – десятое [8].

Инновационная активность предприятий Республики Татарстан обусловливается высоким уровнем развития республиканской науки (на 65 %). На 35 %, соответственно, она зависит от других факторов, таких как, например, конъюнктура цен на передовую технику и технологию [9, с. 207]. Доля инновационно-активных предприятий в Республике Татарстане выше, чем в среднем по России (в РТ – 12,5 %, по России – 9,0 %). Республика Татарстан придает важное значение созданию инновационной инфраструктуры; в республике действуют 14 технопарков, включая один из самых крупных по занимаемым площадям – Камский индустриальный парк «Мастер», также созданы пять бизнес-инкубаторов, шесть инвестиционных и венчурных фондов. Ситуация на рынке труда республики в течение последних лет остается относительно стабильной, благодаря проведению эффективной политики в области занятости населения: на учете в центрах занятости населения в качестве безработных зарегистрировано 0,8 % от численности экономически активного населения республики.

Самарская область является одним из наиболее развитых промышленных регионов Российской Федерации. Важнейшими конкурентными преимуществами социально-экономического развития Самарской области являются: развитый многоотраслевой промышленный комплекс, основу которого составляет высокотехнологичная обрабатывающая промышленность с высоким экспортным потенциалом, наличие крупнейших производителей национального масштаба; наличие сформированной самарско-тольяттинской агломерации, на территории которой сконцентрированы высокотехнологичные, перспективные кластеры и сферы деятельности; наличие мощного научно-технологического потенциала, развитая инфраструктура инновационной деятельности.

Основой научно-инновационного потенциала Самарской области является вузовская, академическая наука, а также научные подразделения промышленных организаций. В регионе действует более 50 организаций, выполняющих исследования и разработки. Высокий образовательный потенциал населения Самарской области является важнейшим фактором, определяющим конкурентоспособность региона. По индексу образования (составной

части индекса развития человеческого потенциала) область занимает девятое место в России. Подготовка специалистов в регионе осуществляется по 400 специальностям для 19 отраслей экономики.

Ульяновская область характеризуется средним уровнем инновационного развития, но занимает достаточно высокое десятое место в рейтинге субъектов Российской Федерации по состоянию инновационного потенциала. В Ульяновской области сформирован индустриальный парк, связанный с авиационным производством «Авиастар-СП». Ядерно-инновационный кластер сформирован при активном участии ГК «Росатом» и Министерства здравоохранения РФ. Управление развитием кластера на региональном уровне осуществляет Центр развития ядерного инновационного кластера г. Дмитровграда Ульяновской области. Текущая ситуация в сфере демографической политики Ульяновской области характеризуется неуклонным снижением численности населения, проживающего в регионе. Это происходит под влиянием двух факторов: высокого уровня естественной убыли населения и миграционного оттока населения в иные субъекты Российской Федерации.

Обзор тенденций социально-экономического развития регионов показывает, что включенные в исследование территории имеют разный экономический и человеческий капитал, а также инновационный потенциал. Как эти особенности отразились на функционировании фрилансеров? Распределение занятого населения в территориальных сегментах характеризуется следующими особенностями [10, с.75]:

- чем выше уровень экономического развития региона, тем больше доля «штатных работников» и меньше удельный вес фрилансеров; из трех обследованных регионов самая высокая доля работников, состоящих в штате организаций, в Татарстане. Это можно объяснить более стабильным рынком традиционного труда и наличием мест в организациях региона;

- чем крупнее город, тем больше удельный вес работников, которые трудятся по найму в организации; предпринимателей и чистых фрилансеров больше в малых и особенно в средних городах (24 против 13 % по всему массиву).

Недостатки свободной занятости являются обратной стороной ее достоинств. Главными проблемами названы нестабильность и непредсказуемость будущих доходов (72 %) и высокие риски, вероятность обмана со стороны заказчиков (51 %). Особенно остро стоит вероятность обмана со стороны заказчика в Самарской области, на это указали 60 % опрошенных (табл. 1); для сравнения: на это указали 48 % опрошенных в Ульяновской области, 45 % в Республике Татарстан, 42 % в Москве и Санкт-Петербурге. Такая же ситуация прослеживается в вопросе отсутствия социальных гарантий: на эти трудности указали 57 % опрошенных фрилансеров в Самарской области; 27 % – в Ульяновской, 33 % – в Татарстане.

Региональные условия создают условия для пополнения знаний фрилансерами. В Ульяновской области до половины фрилансеров приобретали и совершенствовали свои навыки работы на ПК – особую роль в этом сыграла *активность местного ИТ-сообщества*. Некоммерческое партнерство содействия развитию интернет-технологий постоянно проводит в сотрудничестве с ведущими вузами и местными компаниями обучающие курсы, тренинги, в том числе на бесплатной основе. В Самарской области действует программа

профессиональной переподготовки, но ее использовали всего 12 % фрилансеров. В Татарстане больше внимания уделяется повышению квалификации: его за последние пять лет прошли 20 % фрилансеров, что также не очень много.

Таблица 1

Недостатки свободной занятости в различных регионах
(в процентах от числа опрошенных фрилансеров; $n = 1210$)

Недостатки и трудности свободной занятости	Всего по фрилансерам	Регион проживания			Возрастные когорты			
		Ульяновская область	Самарская область	Татарстан	18–24	25–30	31–45	46 и старше
Нестабильность денежных доходов	72	71	77	67	66	81	73	50
Высокие риски	51	48	80	45	36	61	78	60
Необходимость заниматься самостоятельным поиском заказов	12	11	13	12	14	10	5	17
Отсутствие социальных гарантий	36	27	67	33	23	48	48	23
Недостаток общения с коллегами	20	18	1	18	30	13	3	13
Отсутствие карьерного роста	13	13	9	3	16	6	8	43
Необходимость самоорганизации	3	4	5	3	3	2	5	13
Необходимость работать в одиночку	16	15	11	15	27	8	8	3
Рутинная, однообразная работа	39	38	65	21	14	58	59	57

В зависимости от оценок ситуации в регионе, установок и ожиданий фрилансеров формируется *социальное самочувствие* данной группы как интегральный показатель удовлетворенности жизнью и уверенности в будущем, степени адаптированности группы к социальной действительности.

Основу социального самочувствия составляют *оценка состояния жизни в регионе, стране, ближнем круге*. Мнения представителей фриланс-сообщества относительно ситуации в стране соответствуют общим настроениям работающего населения и являются сильно дифференцированными (рис. 1). Фрилансеры несколько ярче, чем все занятое население, оценивают перемены, происходящие на уровне государства, в целом, в связи со сложной экономической ситуацией, отрицательные оценки перемен последнего времени преобладают.

Со снижением уровня территории растет доля отмечающих улучшения на этом уровне. Так, улучшение жизни в стране отмечают 21 % фрилансеров, в Татарстане – 23 %, в Ульяновской и Самарской областях – около трети опрошенных. Вторичные источники показали, что наиболее позитивны в социальных оценках фрилансеры столичных городов: 57 % из них отмечают улучшение жизни в Москве и Санкт-Петербурге.

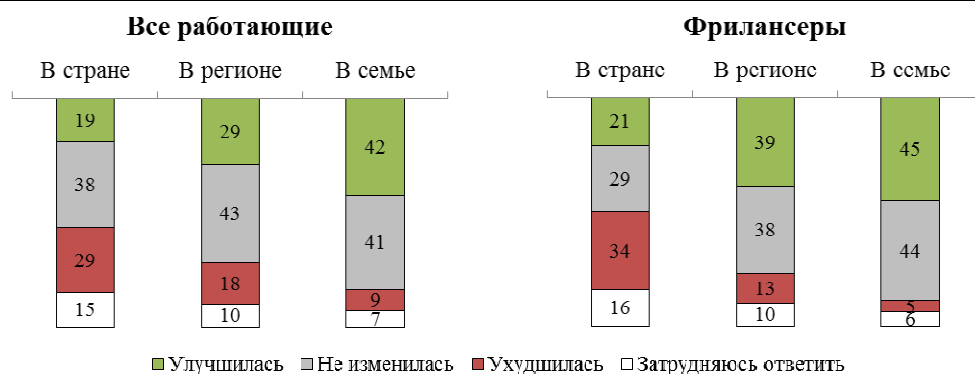

Рис. 1. Характер изменений уровня жизни на разных уровнях (в процентах от числа опрошенных фрилансеров, $n = 1210$)

Происходящие перемены в личной жизни фрилансеры оценивают более позитивно, чем ситуацию в стране и регионе, – около 45 % отмечают личные позитивные сдвиги. Представители молодых возрастных групп (до 30 лет) чаще дают положительные оценки; этот период жизни может характеризоваться позитивными изменениями, не связанными напрямую с ситуацией в стране и регионе, имеющими личный характер, – создание семьи, профессиональные открытия, трудоустройство, рост финансовой независимости.

Итак, перспективы появления и развития новой категории работников – фрилансеров – связаны с технологическими факторами макроуровня: ростом объема работ по производству и переработке информации, внедрением информационно-коммуникационных технологий и их освоением во всех сферах экономики; перманентным экономическим кризисом, вынуждающим работодателей выводить работников за штат и заключать временные договоры с отдельными специалистами. Дифференциация развития российских регионов усиливает влияние социальных факторов мезоуровня, а именно: состояния рынка труда в регионе, уровня экономической и образовательной инфраструктуры, а также честности региональных заказчиков и активности местных IT-сообществ.

Библиографический список

1. **Пинк, Д.** Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки / Д. Пинк. – М. : Секрет фирмы, 2005. – С. 71–88.
2. **Маркс, К.** Наемный труд и капитал. Избранные произведения в двух томах / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1984. – 152 с.
3. **Вебер, М.** Избранные произведения : [пер. с нем.] / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 804 с.
4. Наемный работник в современной России / отв. ред. З. Т. Голенкова. – М. : Новый хронограф, 2015. – 368 с.
5. **Никуткина, К. М.** Западные количественные исследования фрилансеров: профессиональный обзор / К. М. Никуткина, А. О. Привалова // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10, № 1. – С. 127–143.
6. **Nies, G.** Freelance Journalists in the European Media Industry / G. Nies, R. Pedersini. – URL: <http://www.ifj.org/pdfs/FinalReportFreelance.pdf>
7. **Стребков, Д. О.** Фрилансеры на российском рынке труда / Д. О. Стребков, А. В. Шевчук // Социологический журнал. – 2010. – № 4. – С. 48, 49.

8. Рейтинг инвестиционного показателя среди регионов Приволжского Федерального округа // Управление экономическими системами. – URL: <http://www.uecs.ru/uecs-38-382012/item/1025-2012-02-10-05-07-57>
9. Муллануров, А. Т. Анализ развития инновационной деятельности в Республике Татарстан / А. Т. Муллануров // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2013. – № 1 (23). – С. 205–209.
10. Шиняева, О. В. Профессионально-отраслевой и демографический состав свободно занятых работников в регионах Поволжья / О. В. Шиняева, О. В. Полетаева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 74–86.

References

1. Pink D. *Natsiya svobodnykh agentov: kak novye nezavisimye rabotniki menyayut zhizn' Ameriki* [The nation of free agents: how new independent workers are changing the American life]. Moscow: Sekret firmy, 2005, pp. 71–88.
2. Marks K., Engel's F. *Naemnyy trud i kapital. Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh* [Wage labor and capital. Selected works in 2 volumes]. Moscow, 1984, 152 p.
3. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya: per. s nem.* [Selected works: translation from German]. Moscow: Progress, 1990, 804 p.
4. *Naemnyy rabotnik v sovremennoy Rossii* [Wage workers in modern Russia]. Red. resp. Z. T. Golenkova. Moscow: Novyy khronograf, 2015, 368 p.
5. Nikutkina K. M., Privalova A. O. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology]. 2009, vol. 10, no. 1, pp. 127–143.
6. Nies G., Pedersini R. *Freelance Journalists in the European Media Industry*. Available at: <http://www.ifj.org/pdfs/FinalReportFreelance.pdf>
7. Strebkov D. O., Shevchuk A. V. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. 2010, no. 4, pp. 48, 49.
8. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami* [Economic system management]. Available at: <http://www.uecs.ru/uecs-38-382012/item/1025-2012-02-10-05-07-57>
9. Mullanurov A. T. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific vector of Togliatti State University]. 2013, no. 1 (23), pp. 205–209.
10. Shinyayeva O. V., Poletaeva O. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2015, no. 3 (35), pp. 74–86.

Полетаева Ольга Владимировна

аспирант, Ульяновский государственный
технический университет (Россия,
г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32)

Poletaeva Olga Vladimirovna

Postgraduate student, Ulyanovsk State
Technical University (32 Severniy Venets
street, Ulyanovsk, Russia)

E-mail: ovpoletaeva@mail.ru

УДК 316.351

Полетаева, О. В.

Социальные факторы появления фрилансеров в структуре занятого населения / О. В. Полетаева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 119–129. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-12

УДК 330.101.541

DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-13

О. Ю. Соколова, Е. А. Колотырин, В. А. Скворцова

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ КАК СТРАТЕГИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация.

Актуальность и цели. В условиях введения западными странами санкций российским руководством была провозглашена политика импортозамещения. Понимание современной роли импортозамещения, современная трактовка и определение границ применимости в реализации промышленной политики являются актуальными вопросами экономической науки. Цель статьи – предложить современное видение импортозамещения, выделить ключевые различия с понятием «протекционизм», а также определить некоторые особенности реализации стратегии импортозамещения.

Материалы и методы. Реализация цели исследования была достигнута посредством анализа и обобщения теоретических положений зарубежных и отечественных исследователей, систематизации имеющихся подходов к реализации промышленной политики. На основе применения методов логической аналогии, синтеза имеющихся теоретических разработок дана характеристика основных стратегий промышленной политики (экспорториентированная стратегия, стратегия импортозамещения, инновационная стратегия), определено место стратегии импортозамещения.

Результаты. В результате исследования было выделено три подхода к понятию «импортозамещение»: оно может рассматриваться и как экономическая категория, и как процесс, и как стратегия, реализуемая государством. Показано, что с точки зрения теории импортозамещение имеет противоречивую сущность: с одной стороны, это модель интеграции страны в мировую экономику, ориентированная на экономический рост, с другой стороны, один из инструментов реализации политики экономического протекционизма. В статье определены ключевые отличия импортозамещения от протекционизма, раскрыто понятие «инновационное импортозамещение».

Выводы. Стратегия импортозамещения приобретает значительную актуальность в настоящий момент. Автор предлагает понимать под импортозамещением политику государства, направленную на увеличение внутреннего спроса на отечественную продукцию, путем введения определенных мер по снижению потребления аналогичной продукции зарубежного происхождения, с целью создания конкурентоспособных на глобальном рынке национальных производителей и товаров. В статье сделан вывод о необходимости применения стратегии инновационного импортозамещения.

Ключевые слова: импортозамещение, промышленная политика, конкурентоспособность, национальная безопасность.

O. Yu. Sokolova, E. A. Kolotyryn, V. A. Skvortsova

IMPORT SUBSTITUTION AS A STRATEGY OF THE INDUSTRIAL POLICY

Abstract.

Background. In terms of the introduction of sanctions the Russian leadership declared the policy of import substitution. Understanding of the modern role of import substitution, modern interpretation and applicability limits definition in realization of the industrial policy are topical issues of economic science. The article aims at offering a modern vision of import substitution, at identifying key differences from the concept of “protectionism”, and at determining some realization features of the import substitution strategy.

Materials and methods. The research objectives were implemented through analyzing and generalizing theoretical positions of foreign and domestic researchers, through systematizing the existing approaches to implementation of the industrial policy. Applying the methods of logical analogy and synthesis of the existing theoretical developments, the authors characterized main strategies of the industrial policy (export-oriented strategy, strategy of import substitution, innovation strategy) and determined the place of the import substitution strategy.

Results. The study identified three approaches to the concept of “import substitution”: it can be considered as an economic category, a process and a strategy implemented by the state. The article shows that, theoretically, import substitution has a contradictory nature: on the one hand, it is a model of integration into the global economy focused on economic growth, on the other hand it is one of the instruments of realization of the policy of economic protectionism. The article identifies key differences of import substitution from protectionism and reads about the concept of “innovative import substitution”.

Conclusions. The strategy of import substitution is becoming quite significant at this moment. The author suggests to understand import substitution as a state policy aimed at increasing internal demand for domestic products by introducing certain measures to reduce the consumption of foreign similar products in order to create globally competitive domestic producers and goods. The article concludes about a necessity of implementing a strategy of innovative import substitution.

Key words: import substitution, industrial policy, competitiveness, national security.

В условиях глобализации, роста открытости границ экономик мира возрастает международная конкуренция. Нарращивание конкурентных преимуществ становится одной из приоритетных задач развития государств, возрастает роль конкурентоспособности экономики страны.

За последние три десятилетия, в течение которых страна находится в процессе трансформации, перехода от плановой к рыночной экономике, были потеряны многие ключевые позиции по производству стратегически важной продукции. В годы плановой экономики страна намного меньше зависела от импортной продукции, нежели в текущий период. Однако, в связи со сложившейся мировой политической конъюнктурой, государству приходится перестраиваться под новые условия ведения международных экономических отношений. В условиях введения западными странами санкций рос-

сийским руководством была провозглашена политика импортозамещения. Однако пока в объявленной программе импортозамещения реальной экономики мало, она во многом продиктована политическими причинами, а это может вызвать значительные расходы денежных средств государства и недостижение желаемого результата.

Понимание современной роли импортозамещения, современная трактовка и определение границ применимости в реализации промышленной политики являются ключевыми вопросами данной статьи.

Процессы импортозамещения играют большую роль для развивающихся и трансформирующихся экономик. Этим и объясняется внимание к ним зарубежных и российских ученых-экономистов.

Среди фундаментальных трудов, в которых рассматриваются теория и практика импортозамещения в индустриальном обществе, необходимо отметить работы Н. Картера, П. Линдберта, А. Страуг, Х. Ченери. Так, американский экономист П. Линдберт рассматривает влияние импортозамещающего роста на изменение международных условий торговли. Х. Ченери и А. Страуг трактуют промышленное импортозамещение как одну из основных целей экономического развития. В целом данные экономисты связывали достижение благоприятного экономического развития с большим использованием внутренних источников финансирования, а также с заменой импортных товаров отечественными.

Сейчас проблемами импортозамещения занимаются и многие российские ученые. За последнее время появилось несколько исследований, где авторы ищут новые подходы к определению понятия «импортозамещение».

Импортозамещение можно рассматривать с нескольких позиций: как экономическую категорию, как экономический процесс и как государственную экономическую политику или стратегию промышленной политики государства.

Так, Е. Н. Назарчук указывает на то, что «под импортозамещением следует понимать, прежде всего, увеличение производства отечественной продукции при снижении потребления импортных товаров (только для товаров, по которым такое замещение возможно и экономически целесообразно)» [1].

По мнению Л. Н. Перегородиевой, «импортозамещение представляет собой тип экономической стратегии и промышленной политики государства, направленный на защиту внутреннего производителя, путем замещения импортируемых промышленных товаров товарами национального производства» [2].

П. А. Кадочников под процессом импортозамещения понимает «увеличение производства и внутреннего потребления отечественных товаров при снижении потребления импортных товаров (в физическом выражении)» [3].

Автор Н. А. Сучкова справедливо выделяет два подхода к понятию «импортозамещение». Первый подход рассматривает импортозамещение как некий нерегулируемый, в целом положительный для страны, часто ограниченный временными рамками процесс, в результате которого происходит поэтапная замена зарубежной продукции и товаров их отечественными аналогами. Во втором подходе используется широкий функциональный взгляд, рассматривающий импортозамещение как определенный тип экономической стратегии и политики государства, направленных на замену импорта товаров,

пользующихся спросом на внутреннем рынке, товарами национального производства. Высокие импортные пошлины сочетаются с налоговыми льготами местным производителям. Разрабатывается и реализуется программа развития необходимой производственной инфраструктуры. Проведение импортозамещающей стратегии характерно для импортозамещающего этапа индустриализации [4].

В статье А. Н. Макарова можно найти трактовку импортозамещения с позиций потребностей региональной экономики: «...под импортозамещением традиционно понимается рассчитанная на перспективу система мер, обеспечивающая достижение намеченных регионом целей по объемам и структуре производства отечественной продукции при одновременном снижении потребления импортных товаров. В условиях проведения политики импортозамещения доминирует концентрация собственных усилий и ресурсов на формирование конкурентоспособного рыночного хозяйства» [5].

Таким образом, в целом импортозамещение может рассматриваться и как экономическая категория, и как процесс, и как стратегия, реализуемая государством, однако сущность импортозамещения едина – это рост отечественного производства, замещающего импортные товары.

С точки зрения регулирования развития национальной экономики импортозамещение можно рассматривать как одну из стратегий промышленной политики. В условиях интернационализации хозяйственной деятельности промышленная политика уже не может рассматриваться только в рамках национальной экономики, она должна отвечать требованиям мирового рынка и обеспечивать конкурентоспособность многих отраслей.

С точки зрения взаимодействия с глобальными рынками и обеспечения мирового технологического уровня можно выделить три типа стратегий промышленной политики: экспортоориентированная, инновационная и импортозамещения. Каждая из данных стратегий имеет свои преимущества и ограничения (табл. 1).

Ни одна из стратегий из-за наличия недостатков и ограничений не может использоваться в чистом виде, поэтому синтез стратегий должен лежать в основе любой промышленной политики.

В настоящее время особенно актуальной становится стратегия импортозамещения ввиду высокой импортозависимости национального рынка, кризисных явлений в мировой и национальной экономиках, а также из-за усиления роли политического фактора в международных экономических отношениях.

С понятием импортозамещения тесно связано понятие «импортозависимость». Под этим термином следует понимать использование зарубежных технологий, оборудования, материалов и продуктов для осуществления хозяйственной деятельности. В основе этой зависимости может лежать несколько факторов: во-первых, отсутствие аналогов национального производства, во-вторых, качественные характеристики продукта, когда отечественный товар не удовлетворяет необходимым характеристикам потребителя, в-третьих, нехватка производственных мощностей для удовлетворения спроса на отечественном рынке.

Таблица 1

Стратегии промышленной политики

	Описание стратегии	Преимущества	Недостатки
Экспортно-ориентированная стратегия	- Создание благоприятных условий для отраслей, ориентированных на экспорт продукции. - Основная задача – производство продукции, конкурентоспособной на международном рынке, завоевание наибольшей доли мирового рынка	- Включение страны в мировое хозяйство и доступ к мировым ресурсам и технологиям - Развитие конкурентных отраслей экономики, обеспечивающих развитие других отраслей и являющихся главными источниками денежных средств в бюджет. - Создание условий для привлечения иностранных инвестиций в развитие производства и сферы услуг	Опасность сырьевого экспорта, чрезмерная доля которого в общей структуре экспортируемой продукции может привести к негативным последствиям (увеличение коррупции, переход человеческих и финансовых ресурсов из обрабатывающей промышленности, снижение темпов экономического роста)
Стратегия импортозамещения	Обеспечение внутреннего рынка на основе развития национального производства, путем проведения протекционистской политики	- Улучшение структуры платежного баланса. - Увеличение внутреннего спроса. - Обеспечение занятости. - Развитие производства. - Развитие научного потенциала	- Возможность технологического отставания от передовых стран. - Опасность создания слишком комфортных условий для национальных производителей, когда они будут не заинтересованы в производстве качественной продукции в силу отсутствия конкуренции. - Изоляция от передовых тенденций в мировой экономике. - Необходимость выстраивать полностью производственные цепочки, которые могут быть более капиталоемкими, чем уже существующие в других странах
Инновационная стратегия	- Создание и использование новейших технологий, их производственно-экономического и социально-организационного потенциала. - Развитие страны на основе новейших тенденций технологического развития с использованием высокотехнологичного и капиталоемкого производства	- Поддержание научно-технического потенциала страны. - Стимулирование развития образовательных институтов, что, в свою очередь, позволяет обеспечить экономику квалифицированными специалистами. - Создание новых рабочих мест внутри страны. - Поддержание стабильного и высокого курса национальной валюты. - Наполненность на развитие производств с высокой добавленной стоимостью производимой продукции	- Значительные инвестиции на развитие инновационной инфраструктуры и обновление материально-технической базы. - Необходимость большого количества высококвалифицированных кадров

Примечание. Источник: составлено автором.

Критерием устойчивого развития отечественной экономики является ее сбалансированность по экспорту, импорту, внутреннему производству и потреблению. Поэтому в условиях кризиса для стабильного развития России наилучшим вариантом является такая экономика, где импорт и экспорт стратегически важной продукции не превышают четверти необходимого для потребления. Если доля импорта какого-либо стратегически или социально важного товара превышает 20–25 %, то возникает угроза для национальной и экономической безопасности.

Однако с точки зрения теории импортозамещения имеет противоречивую сущность: с одной стороны, оно рассматривается как модель интеграции страны в систему мирохозяйственных связей, ориентированная на экономический рост государства, но, с другой стороны, как один из инструментов реализации политики экономического протекционизма, свойственного в основном развивающимся и переходным экономикам, национальные рынки которых еще недостаточно стабильны, что в конечном итоге противоречит принципам свободного рынка и конкуренции.

Именно поэтому, говоря о понятии «импортозамещение», необходимо его отделять от понятия «государственный протекционизм». В современной экономической научной литературе до сих пор нет четкого понимания и разграничения этих двух важных и совершенно разных экономических категорий. Эти два процесса имеют как общие признаки, так и отличия.

Отметим два основных признака импортозамещения: конкурентоспособность и экономическая эффективность.

Эти признаки позволяют определить основные различия импортозамещения и политики протекционизма. Во-первых, протекционизм осуществляется только государством, а при применении политики импортозамещения процесс направлен на совершенствование системы международных экономических отношений. Процесс импортозамещения возможен как при поддержке государства, так и без нее. Во-вторых, различаются цели этих двух процессов. Если протекционизм ограничивается защитой отечественных производителей от внешней конкуренции, то целью импортозамещения является создание эффективной продукции соответствующего качества с возможностью ее последующей реализации не только на внутреннем, но и на внешнем рынке [6].

Противоречие этих двух процессов заключается в том, что импортозамещение зачастую используется в качестве прикрытия государственного протекционизма, включается в систему экономической безопасности. В краткосрочной перспективе цели протекционизма и импортозамещения совпадают с национальными задачами. Если смотреть со стороны государственных интересов, то импортозамещение равносильно увеличению экспорта. Однако многие государственные проекты, призванные регулировать международные торговые отношения, следует учитывать не как импортозамещение, а как меры протекционистской политики, которые не всегда идут на пользу оздоровления экономики.

Следует отметить, что импортозамещение, как правило, ограничивается размером внутреннего рынка. Дальнейшее расширение может обеспечиваться только за счет экспорта. Но если отрасли были возвращены лишь за счет протекционистских мер, они будут не в состоянии конкурировать на мировых рынках.

Таким образом, проанализировав уже существующие подходы к импортозамещению, авторы могут предложить собственное видение проблемы. Под импортозамещением предлагается понимать политику государства, направленную на увеличение внутреннего спроса на отечественную продукцию, путем введения определенных мер по снижению потребления аналогичной продукции зарубежного происхождения, с целью создания конкурентоспособных на глобальном рынке национальных производителей и товаров.

С точки зрения современной промышленной политики и роли в ней стратегии импортозамещения синонимом слова «импортозамещение» является термин «конкурентоспособность». Для эффективного решения задач, стоящих перед стратегией импортозамещения, необходимо достичь высокого уровня качества продукции, причем не хуже, а лучше зарубежных аналогов, при этом издержки и цена продукции должны быть конкурентоспособны. Поэтому единственным верным путем реализации стратегии импортозамещения является ориентация на глобальный рынок, а не на национальный. Соответствующий вывод можно сделать на примере таких стран, как Индия и Бразилия, которые, пытаясь создать конкурентоспособные продукты на местном рынке, потерпели фиаско, но, ориентируясь на глобальный рынок, добились успеха Индия в области ИТ-аутсорсинга, Бразилия – в создании самолетов Embraer. Таким образом, не нужно забывать о том, что создаваемый на импортозамещающих производствах товар должен быть ориентирован не только на внутренний рынок, но и на внешний, поскольку только в этом случае уровень конкурентоспособности продукции будет приемлемым и достигнутые в результате успехи не будут потеряны при возвращении к привычному для данной страны курсу. То есть нужно развивать не только производство определенных отраслей внутри страны, но и повышать уровень развития экономики, социальной сферы, инфраструктуры, делая саму страну способной на равных конкурировать с развитыми промышленными странами [7].

Важную роль в реализации стратегии импортозамещения играет государство. Именно оно является движущей силой, создающей стимулы и направляющей развитие процесса импортозамещения.

Также необходимо понимать, что использование стратегии должно приводить к становлению более высокотехнологичного производства, чем у конкурентов. Развитие наукоемких отраслей позволит выйти на мировой рынок. Однако необходимо аккуратно подходить к внедрению стратегии, чтобы избежать застоя промышленности, поскольку снижение конкуренции с зарубежными производителями может привести к снижению стремлений развития инноваций и к полной зависимости предприятий от государственных субсидий.

При правильном применении политика импортозамещения должна оказывать мультипликативный эффект на смежные отрасли и на экономику страны в целом.

Необходимо отметить, что внедрение стратегии импортозамещения зачастую обусловлено вопросом национальной безопасности. Во многих стратегических отраслях промышленности, таких как сектор ВПК, аграрный сектор, фармацевтическая отрасль и т.д., должны преобладать продукты отечественного производства. Поэтому важным для сохранения национальной

безопасности является полный цикл изготовления стратегически важной продукции из отечественного сырья и на своей территории. Именно для подобных товаров особенно важно проводить стратегию импортозамещения. Среди тех отраслей, где за последние десятилетия значительно увеличилась доля импорта, – это сфера продовольствия и фармацевтическая отрасль.

Как уже было отмечено, применение только стратегии импортозамещения нецелесообразно ввиду наличия недостатков и ограничений, поэтому на стыке двух стратегий промышленной политики – инновационной и импортозамещения – появилась категория «инновационное импортозамещение» как одно из современных направлений развития экономической теории. Целью инновационного импортозамещения является создание и продвижение высокотехнологической импортозамещающей продукции на мировые рынки. Инновационное импортозамещение следует рассматривать параллельно с ресурсосбережением и повышением энергоэффективности. Представляется, что задача промышленной политики государства состоит в формировании национальной модели инновационного импортозамещения и создании системы стимулов, которые помогут сбалансировать относительную эффективность различных видов импортозамещающих производств и таким образом поддержать национальное производство инновационной продукции, одновременно стимулируя инновационное производство на экспорт.

В силу ресурсных ограничений невозможно применить стратегию импортозамещения ко всем отраслям промышленности одновременно. Поэтому следует ориентироваться на те отрасли, где страна обладает определенным отраслевым преимуществом. Необходимо подчеркнуть, что гораздо эффективнее выбирать несколько отраслей, распыление на множество может не дать желаемого результата.

Можно выделить несколько подходов к выбору подходящих отраслей для применения стратегии импортозамещения. Во-первых, выбрать те сферы, где имеется большой потенциал роста, и именно там развивать производство. Во-вторых, найти наиболее развитые технологии, и на их основе развивать определенные отрасли промышленности.

В настоящее время большую долю в производстве отечественного продукта составляют импортные комплектующие. Это объясняется возрастающей конкуренцией, вследствие чего предприятия стремятся использовать все мировые достижения для завоевания рынка. Поэтому применение политики импортозамещения снимает определенную напряженность, возникающую из-за необходимости использования зарубежных составляющих при производстве отечественного продукта. Таким образом, изучение возможностей применения импортозамещающей стратегии при проведении промышленной политики является очень важным вопросом для российской экономической науки, особенно в современных условиях.

Результатом внедрения стратегии импортозамещения должно быть усиление позиций отечественных товаров на рынках сбыта посредством применения технологической модернизации производства, стимулирования его эффективности. В результате предполагается переход от производства простой продукции к высокотехнологичной путем повышения уровня развития технологий и производства.

Библиографический список

1. **Назарчук, Е. Н.** Теоретические и методические основы эффективного импортозамещения на российских промышленных предприятиях : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Назарчук Е. Н. – Самара, 2007.
2. **Перегородиева, Л. Н.** Развитие управления импортозамещением на отечественных промышленных предприятиях : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Перегородиева Л. Н. – Саратов, 2013.
3. **Кадочников, П. А.** Влияние импортозамещения на процессы экономического роста в переходной экономике : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Кадочников П. А. – М., 2005.
4. **Сучкова, Н. А.** Импортозамещение в продовольственном секторе России : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Сучкова Н. А. – М., 2009.
5. **Макаров, А. Н.** Импортозамещение как инструмент индустриализации экономики региона: инновационный аспект (на примере Нижегородской области) / А. Н. Макаров // Российский внешнеэкономический вестник. – 2011. – № 5. – С. 36–40.
6. **Зарянкин, В. В.** Роль импортозамещения в системе международных торговых отношений / В. В. Зарянкин // Беларусь и мировые экономические процессы : сб. науч. ст. – 2010. – Вып. 7. – 191 с.
7. **Басина, Н.** Что такое импортозамещение и каким ему быть в России / Н. Басина. – URL: <http://www.crn.ru/news/detail.php?ID=93523>

References

1. Nazarchuk E. N. *Teoreticheskie i metodicheskie osnovy effektivnogo importozameshcheniya na rossiyskikh promyshlennnykh predpriyatiyakh: avtoref. dis. kand. ekon. nauk* [Theoretical and methodological bases of efficient import substitution at Russian industrial enterprises: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Samara, 2007.
2. Peregorodieva L. N. *Razvitie upravleniya importozameshcheniem na otechestvennykh promyshlennnykh predpriyatiyakh: avtoref. dis. kand. ekon. nauk* [Development of import substitution management at Russian industrial enterprises: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Saratov, 2013.
3. Kadochnikov P. A. *Vliyanie importozameshcheniya na protsessy ekonomicheskogo rosta v perekhodnoy ekonomike: avtoref. dis. kand. ekon. nauk* [The influence of import substitution on economic growth in transitional economics: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Moscow, 2005.
4. Suchkova N. A. *Importozameshchenie v prodovol'stvennom sektore Rossii: avtoref. dis. kand. ekon. nauk* [Import substitution of commodities in Russia: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Moscow, 2009.
5. Makarov A. N. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian external economic bulletin]. 2011, no. 5, pp. 36–40.
6. Zaryankin V. V. *Belarus' i mirovye ekonomicheskie protsessy: sb. nauch. st.* [Belarus and global economic processes: collected articles]. 2010, iss. 7, 191 p.
7. Basina N. *Chto takoe importozameshchenie i kakim emu byt' v Rossii* [What is import substitution and what should it be in Russia]. Available at: <http://www.crn.ru/news/detail.php?ID=93523>

Соколова Ольга Юрьевна

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой мировой
экономики и управления
внешнеэкономической деятельностью,
Саратовский социально-экономический
институт Российского экономического
университета им. Г. В. Плеханова
(Россия, г. Саратов, ул. Радищева, 89)

E-mail: oysokol03@rambler.ru

Sokolova Ol'ga Yur'evna

Doctor of economic sciences, professor,
head of sub-department of world economy
and foreign economic activities, Saratov
Socioeconomic Institute of Plekhanov
Russian University of Economics
(89 Radishcheva street, Saratov, Russia)

Колотырин Евгений Алексеевич

аспирант, Саратовский социально-
экономический институт Российского
экономического университета
им. Г. В. Плеханова (Россия,
г. Саратов, ул. Радищева, 89)

E-mail: ekolotyrim@mail.ru

Kolotyrim Evgeniy Alekseevich

Postgraduate student, Saratov
Socioeconomic Institute of Plekhanov
Russian University of Economics
(89 Radishcheva street, Saratov, Russia)

Скворцова Валентина Алексеевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономической теории
и международных отношений,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: va_skvortsova@mail.ru

Skvortsova Valentina Alekseevna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of economics
and international relations, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 330.101.541

Соколова, О. Ю.

Импортзамещение как стратегия промышленной политики /

О. Ю. Соколова, Е. А. Колотырин, В. А. Скворцова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 130–139. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-13

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ УГРОЗ – ОСНОВА ПРЕВЕНТИВНЫХ МЕР ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Обострение проблемы обеспечения финансовой безопасности России усиливается в условиях роста инфляции, ужесточающихся экономических санкций, требующих комплекса превентивных мер, основой для разработки которых должно служить качественное финансовое прогнозирование потенциальных угроз организации. Цель работы – обоснование комплекса превентивных мер на основе модернизации, существующих моделей прогнозирования потенциальных угроз финансовой безопасности организации.

Материалы и методы. Исследование осуществлялось на основе официальных материалов Федеральной службы государственной статистики, изучения публикаций отечественных ученых, а также применения монографического метода при исследовании подходов к разработке моделей прогнозирования угроз и комплекса превентивных мер по обеспечению финансовой безопасности организации; статистический метод – для анализа угроз финансовой безопасности, а также проблем развития отечественных предприятий.

Результаты. Выявлены угрозы финансовой безопасности, устранение которых является необходимостью для нормального функционирования отечественных предприятий. Обоснован комплекс превентивных мер в зависимости от уровня безопасности, направленных на обеспечение финансовой безопасности организации.

Выводы. Исследование потенциальных угроз финансовой безопасности организаций в условиях российской экономики обуславливает необходимость выработки комплекса превентивных мер, способствующих нейтрализации и предотвращению возникновения угроз.

Ключевые слова: потенциальные угрозы, финансовая безопасность, прогнозирование угроз, превентивные меры.

I. A. Sergeeva, V. M. Volodin

POTENTIAL THREATS PREDICTION AS THE BASIS OF PREVENTIVE MEASURES OF COMPANY'S FINANCIAL SECURITY

Abstract.

Background. The growing problem of ensuring the financial security of Russia is aggravated by rising inflation, exacerbating economic sanctions, requiring development of a complex of preventive measures. The basis of the said measures development should become quality financial forecasting of company's potential threats. The purpose of the work is to substantiate the complex of preventive measures on the basis of modernizing the existing models of prediction of potential threats to company's financial security.

Materials and methods. The study was carried out on the basis of the official materials of the Federal Service of State Statistics, an analysis of publications by Rus-

sian scientists, and the monographic method for investigation of approaches to development of threat predictive models and preventive measures to ensure financial security of companies; the statistical method for analyzing threats to financial security and development problems of Russian enterprises.

Results. The work has identified threats to the financial security, the removal of which is necessary for normal functioning of Russian enterprises. The authors have also substantiated the complex of preventive measures depending on the level of security aimed at ensuring financial integrity of organizations.

Conclusions. The study of potential threats to company's financial security in conditions of the Russian economy leads to the need to elaborate a set of preventive measures promoting neutralization and prevention of threats.

Key words: potential threats, financial security, forecasting of threats, preventive measures.

Российская Федерация в настоящее время переживает период спада в своем экономическом развитии. Политические влияния разных стран, участившиеся санкции и запреты, затянувшийся экономический кризис приводят к появлению все большего количества угроз финансовой безопасности Российской Федерации.

Экономическая безопасность Российской Федерации в настоящее время напрямую зависит от экономической безопасности каждого конкретного предприятия. Хозяйствующим субъектам в условиях непростого экономического положения страны приходится бороться с многочисленными внутренними и внешними угрозами, стараясь поддерживать стабильный уровень своего существования. Но без принятия превентивных мер защиты хозяйствующие субъекты не могут добиться высокого уровня своей экономической безопасности. Реагирование на реально возникшую угрозу и ликвидация негативных последствий всегда менее экономически целесообразно, чем заблаговременное прогнозирование возможных проблем и принятие на основе существующих прогнозов превентивных мер защиты.

В настоящее, динамически развивающееся и непростое для отечественной экономики время каждое предприятие стремится устоять перед имеющимися угрозами.

Наиболее актуальными угрозами финансовой безопасности России на сегодняшний момент являются:

- инфляция и снижение уровня жизни населения;
- повышение стоимостных кредитных ресурсов;
- увеличение налогового бремени;
- рост риска невозврата значительной доли кредитов;
- сокращение поступлений и, как следствие, дефицит бюджета РФ и др.

По многим критериям, отражающим уровень экономической безопасности государства, наблюдается тенденция приближения соответствующих фактических показателей к пороговым значениям. Подобная тенденция наблюдается в отношении: уровня безработицы; инфляции, составившей по итогам 2015 г. 12,9 %; дефицита государственного бюджета, составившего 2,6 %; государственного долга, составившего по итогам 2015 г. 14 % от ВВП; объемов промышленного производства, оттока капитала из страны. По данным Банка России, чистый отток капитала из РФ за 2015 г. составил 56,9 млрд долл.

Политическая и социальная нестабильность, экономические кризисы, частые изменения законодательства, особенно в сфере налогообложения, обуславливают необходимость адаптации отечественных предприятий к изменяющимся условиям.

Внешние изменения дают толчок к изменениям внутренним, и прежде всего это касается экономической безопасности каждого из предприятий. Именно поэтому актуальность вопроса организации деятельности по предупреждению угроз экономической безопасности на сегодняшний момент возрастает.

К внешним угрозам финансовой безопасности предприятия относятся:

- 1) скупка акций и долговых обязательств нежелательными конкурентами;
- 2) наличие значительных финансовых обязательств;
- 3) неразвитость рынков капитала и их структуры;
- 4) недостаточно развитая система защиты прав инвесторов и исполнения законодательства;
- 5) кризис денежной и финансово-кредитной системы;
- 6) нестабильность экономики;
- 7) несовершенство механизма формирования экономической политики государства.

К внутренним угрозам, влияющим на финансовую безопасность организации, относятся:

- 1) преднамеренные или случайные ошибки менеджмента в стратегическом планировании и принятии управленческих решений в области управления финансами;
- 2) недостаточная ликвидность активов предприятия, платежеспособность организации, низкие показатели финансовой устойчивости, деловой активности, рентабельности.
- 3) неконкурентная ценовая политика;
- 4) низкий уровень бизнес-репутации организации;
- 5) ошибки в области управления активами и пассивами;
- 6) отсутствие планирования деятельности предприятия в аварийных ситуациях.

Современный этап социально-экономического развития России диктует необходимость поиска новых путей и инструментов качественного обеспечения высокого уровня экономической безопасности, каким может стать предупреждение угроз экономической безопасности предприятий [1].

Обеспечение экономической безопасности предприятий необходимо рассматривать как процесс прогнозирования и предотвращения ущерба от негативных воздействий на их экономическую безопасность по различным аспектам финансово-хозяйственной деятельности.

На сегодняшний момент существуют две основные проблемы, препятствующие процессу организации деятельности по предупреждению угроз экономической безопасности:

- несовершенство моделей оценки потенциальных угроз экономической безопасности предприятия;
- слабая проработанность вопроса превентивных мер защиты предприятия.

В современных условиях процесс успешного функционирования и экономического развития российских предприятий во многом зависит от прогнозирования потенциальных угроз их экономической безопасности. Все угрозы нуждаются в контроле и ликвидации со стороны предприятия, так как они способны нанести убытки и спровоцировать новые угрозы.

Однако отечественные организации вкладывают средства только в реализацию мероприятий по устранению наступившей угрозы, а не действуют изначально на ее предупреждение.

Для качественной организации деятельности по предупреждению угроз экономической безопасности предприятию необходимо:

- качественное прогнозирование угроз;
- разработка превентивных мер защиты предприятия [2].

В организации деятельности по предупреждению угроз экономической безопасности основной задачей является прогнозирование и оценка возможных угроз предприятию.

Каждый собственник стремится обеспечить финансовую устойчивость своего хозяйствующего субъекта, обеспечивая тем самым его финансовую безопасность, так как финансовая безопасность находится в тесной взаимосвязи с финансовой устойчивостью.

Ключевыми факторами взаимосвязи финансовой устойчивости и безопасности организации являются [3]:

- финансовая гибкость – это способность организации изменять объем и структуру финансирования, а также направления вложения финансовых ресурсов, согласно изменившимся внешним и внутренним обстоятельствам;
- финансовая стабильность организации определяется постоянством оптимальных или приближенных к ним значений показателей;
- финансовое равновесие организации характеризует сбалансированность ее развития, что достигается оптимальным сочетанием доходности и риска.

Без обеспечения финансовой безопасности предприятие не может эффективно функционировать.

Наиболее высокий уровень финансовой безопасности хозяйствующий субъект сможет достичь только с помощью заблаговременного прогнозирования возможных финансовых угроз и выстраивания защиты от них с помощью превентивных мер.

Для устранения негативного влияния дестабилизирующих факторов и минимизации риска возникновения финансовых угроз используются методы прогнозирования и обеспечения на основе результатов прогноза защиты посредством превентивных мер обеспечения финансовой безопасности.

Прогнозирование представляет собой механизм по заблаговременному анализу возможных финансовых проблем для организации в будущем.

Цель прогнозирования – комплексная оценка воздействий внутренних и внешних дестабилизирующих факторов на финансовое состояние и финансовые ресурсы предприятия. Через прогнозирование решается ряд задач:

- увязка потребности в инвестициях с наличием финансовых ресурсов;
- согласование различных целей;
- оценка сценариев финансового развития предприятия;
- предупреждение негативных последствий реализации выбранных направлений развития;

- заблаговременное формирование антикризисного плана действий в случае возникновения возможных негативных событий;

- более эффективное распределение ресурсов и усиление контроля.

Прогнозирование позволяет предприятию определить угрозы, с которыми придется столкнуться в будущем, и организовать превентивные меры по обеспечению его финансовой безопасности.

Таким образом, диагностируя возможные угрозы и предотвращая их с помощью превентивных мер обеспечения финансовой безопасности, предприятие способно стать эффективным.

На сегодняшний день существует многочисленное количество моделей прогнозирования угроз финансовой безопасности предприятий. Однако многие из рассмотренных моделей имеют определенные недостатки в оценке российской действительности.

На основе исследований установлено, что из всех современных моделей наиболее достоверной является пятифакторная модель Постюшкова. Она наиболее полно отвечает всем требованиям оценки экономической безопасности предприятий и может давать достоверные результаты для дальнейшего применения превентивных мер защиты.

Пятифакторная модель А. В. Постюшкова оценивает финансовую состоятельность предприятия на период, равный шести месяцам. Модель достаточно точна и эффективна, но не ориентирована на оценку экономической безопасности как совокупности функциональных составляющих, что вызывает необходимость ее совершенствования [4].

Для проведения оперативной оценки при обеспечении экономической безопасности предприятия необходимо провести модернизацию модели А. В. Постюшкова, в группу коэффициентов которой включены: коэффициент текущей ликвидности, коэффициент обеспеченности собственными средствами, коэффициент оборачиваемости собственного капитала, коэффициент рентабельности собственного капитала, коэффициент рентабельности продаж.

Однако при оценке экономической безопасности более выгодно оценивать эффективность использования финансовых потоков в совокупности, не выделяя только собственные средства предприятия. Поэтому в модернизированной модели предлагается заменить коэффициенты оборачиваемости и рентабельности собственного капитала обобщающими – коэффициентом экономической безопасности, предложенным в 2016 г. отечественными экономистами [5], и коэффициентом затратоотдачи промышленного предприятия.

Коэффициент экономической безопасности был разработан отечественными экономистами Г. А. Скачко, Л. К. Никандровой, которые предложили использовать показатель, равный отношению суммы налога на прибыль, уплаченного в бюджет, и суммы чистой прибыли [5].

Так как модернизированная модель разрабатывается специально для предприятий промышленной отрасли, то необходимо было ввести специфический индикатор, относящийся именно к промышленной отрасли – это коэффициент затратоотдачи предприятия, который оценивает результативность производственной деятельности и находится как отношение выручки к текущим затратам.

Весовые коэффициенты показателей, вошедших в модель, рассчитаны по формуле, разработанной А. В. Постюшковым [4].

Модифицированная модель приняла общий вид

$$R = 0,1 \cdot K_{\text{тл}} + 2 \cdot K_{\text{осс}} + 0,05 \cdot K_{\text{эб}} + 0,22 \cdot K_{\text{з}} + 0,45 \cdot K_{\text{п}}$$

где $K_{\text{тл}}$ – коэффициент текущей ликвидности; $K_{\text{осс}}$ – коэффициент обеспеченности собственными средствами; $K_{\text{эб}}$ – коэффициент экономической безопасности; $K_{\text{з}}$ – коэффициент затратоотдачи; $K_{\text{п}}$ – коэффициент рентабельности продаж.

Если значение $R > 1$, то предприятие находится в состоянии экономической безопасности.

Если же $R < 1$, то у предприятия есть определенные проблемы с экономической безопасностью.

Модернизированная модель является более адекватной в условиях нашей страны, так как ориентирована на отечественную экономику и учитывает факторы, влияющие на ведение бизнеса российскими организациями. Также преимущество данной модели в том, что она ориентирована на промышленную отрасль и может быть внедрена в практику промышленных предприятий.

Таким образом, имея возможность прогнозирования угроз, каждое предприятие способно разрабатывать комплекс превентивных мер.

Финансовое прогнозирование оказывает немаловажную роль в обеспечении экономической безопасности хозяйствующих субъектов. Без качественного прогнозирования потенциально возможных угроз организации могут претерпевать финансовые сложности, переходящие в финансовую нестабильность с риском финансовой несостоятельности.

Актуальность точности прогнозирования угроз возрастает в связи с тем, что процесс применения превентивных мер финансовой безопасности, как правило, реализуется в зависимости от степени угроз экономическому положению предприятия.

При устойчивом и удовлетворительном состоянии предприятия реализуются следующие превентивные мероприятия:

- осуществление долгосрочных и краткосрочных финансовых вложений;
- создание резервов;
- страхование и хеджирование возможных рисков.

Превентивными мерами обеспечения защиты предприятия в условиях финансовой нестабильности могут быть [6]:

- остановка нерентабельных производств;
- совершенствование организации труда;
- экономия фонда заработной платы;
- уменьшение текущей потребности в оборотном капитале;
- реализация форвардных контрактов на поставку продукции.

Таким образом, реализуется защита экономической безопасности предприятия от потенциальных и реальных угроз.

При этом комплекс превентивных мер необходимо применять в соответствии с уровнем финансовой безопасности.

При высоком уровне безопасности важно поддерживать данный уровень и предупреждать возможные угрозы. Поэтому на данном этапе развития предприятия рекомендуется внедрить следующие превентивные мероприятия:

- прогнозирование угроз на основе введения системы финансового контроллинга как метода заблаговременного прогнозирования угроз безопасности предприятия;

- применение концепции денежного потока (CashFlow-Concept), позволяющей эффективно управлять своими денежными потоками, используя метод бюджетного контроля, или метод гибких бюджетов;

- повышение технической обеспеченности предприятия, поддержка инновационного развития и увеличение производительности [7].

При среднем уровне безопасности для интенсификации деятельности предприятия используют такие превентивные меры, как:

- осуществление исключительно долгосрочного кредитования;

- использование факторинга в расчетах с дебиторами [8].

При низком уровне безопасности предприятия в качестве превентивных мер могут применяться:

- хеджирование валютными рисками через валютный опцион;

- применение аутсорсинга.

Увеличить денежный поток предприятия за короткий период времени, чтобы погасить просроченные и срочные обязательства, можно за счет операции обратного лизинга. При этом в данном случае удастся сэкономить по налогу на прибыль.

В качестве меры по увеличению собственных средств является факторинг просроченной дебиторской задолженности. Данная мера предполагает переуступку факторинговой организации дебиторской задолженности, возникающей между контрагентами при реализации товаров, оказании услуг, выполнении работ на условиях коммерческого кредита.

Для поиска путей преодоления опасностей функционирования предприятия в качестве превентивных мер обеспечения финансовой безопасности используются [8]:

- постоянное прогнозирование возможных финансовых угроз;

- усиление юридического контроля договорных отношений (особенно в пунктах качества, сроков, платежей и задолженности). Для реализации данной политики важна ориентация на автоматизированную проверку контрагентов по таким информационным ресурсам, как портал УФНС России, реестр недобросовестных поставщиков и др.

При критическом уровне для предупреждения финансовой несостоятельности предприятия предлагается в качестве превентивных мер использовать:

- заключение долгосрочных контрактов с заказчиками с предоплатой в размере 70 %;

- заключение контрактов с поставщиками с отсрочкой платежа и пр.

Таким образом, комплекс превентивных мер защиты позволит предприятиям более эффективно и целесообразно расходовать финансовые средства и обеспечить финансовую безопасность. Намного выгоднее предупредить возможные угрозы финансовой безопасности предприятия.

В сложившейся экономической ситуации главная долговременная цель развития экономики РФ и обеспечения финансовой безопасности, а следовательно, и отдельных хозяйствующих субъектов объективно смещается к при-

оритету внутренних ресурсов и резервов, на основе повышения качества (точности) прогнозирования угроз и разработки адекватных угрозам превентивных мер.

Библиографический список

1. Мигачева, Е. В. Понятие, система, субъекты и актуальные вопросы обеспечения финансовой безопасности: финансово-правовой аспект / Е. В. Мигачева, К. А. Писенко // Финансовое право. – 2014. – № 12. – С. 25–28.
2. Бельская, Е. В. Особенности управления финансовой безопасностью на предприятии / Е. В. Бельская, М. А. Дронов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 2-1. – С. 209–217.
3. Кузьменко, В. В. Инструменты контроллинга в системе управления промышленных предприятий / В. В. Кузьменко, В. А. Молодых, И. П. Кузьменко // Вестник Института дружбы народов Кавказа. Теория экономики и управления народным хозяйством. – 2012. – № 2 (22). – С. 25–31.
4. Постюшков, А. В. Прогнозирование банкротства / А. В. Постюшков // Арбитражный управляющий. – 2008. – № 31.
5. Скачко, Г. А. Роль анализа и диагностики финансово-хозяйственной деятельности в оценке экономической безопасности организации / Г. А. Скачко, Л. К. Никандрова // Аудиторские ведомости. – 2016. – № 7. – С. 54–63.
6. Пузанова, Е. С. Стратегические направления нейтрализации угроз экономической безопасности предприятия / Е. С. Пузанова // Экономика и современный менеджмент: теория и практика : сб. ст. по материалам XVII Междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск : СибАК, 2012. – 89 с.
7. Сурикова, Е. А. Анализ и контроль затрат предприятий вагоноремонтного комплекса на основе гибкого бюджета / Е. А. Сурикова // Проблемы экономики и менеджмента. – 2014. – № 7. – С. 35.
8. Исаева, В. М. Содержание основных этапов политики антикризисного управления / В. М. Исаева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 13 (149). – С. 165–170.

References

1. Migacheva E. V., Pisenko K. A. *Finansovoe pravo* [Financial law]. 2014, no. 12, pp. 25–28.
2. Bel'skaya E. V., Dronov M. A. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [Proceedings of Tula State University. Economic and juridical sciences]. 2013, no. 2-1, pp. 209–217.
3. Kuz'menko V. V., Molodykh V. A., Kuz'menko I. P. *Vestnik Instituta druzhby narodov Kavkaza. Teoriya ekonomiki i upravleniya narodnym khozyaystvom* [Bulletin of Caucasian Peoples' Friendship Institute. National economy management theory]. 2012, no. 2 (22), pp. 25–31.
4. Postyushkov A. V. *Arbitrazhnyy upravlyayushchiy* [Administrator]. 2008, no. 31.
5. Skachko G. A., Nikandrova L. K. *Auditorskie vedomosti* [Audit bulletin]. 2016, no. 7, pp. 54–63.
6. Puzanova E. S. *Ekonomika i sovremennyy menedzhment: teoriya i praktika: sb. st. po materialam XVII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Economics and modern management: theory and practice: proceedings of XVII International scientific and practical conference]. Novosibirsk: SibAK, 2012, 89 p.
7. Surikova E. A. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta* [Problems of economics and management]. 2014, no. 7, p. 35.
8. Isaeva V. M. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University]. 2012, no. 13 (149), pp. 165–170.

Сергеева Ирина Анатольевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра менеджмента и экономической
безопасности, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: iransergeeva@yandex.ru

Sergeeva Irina Anatol'evna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of management and
economic security, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Володин Виктор Михайлович

доктор экономических наук, профессор,
декан факультета экономики
и управления, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: 7volodin7@mail.ru

Volodin Victor Mihailovich

Doctor of economic sciences, professor,
dean of the faculty of economics and
management, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 637.5

Сергеева, И. А.

Прогнозирование потенциальных угроз – основа превентивных мер финансовой безопасности организации / И. А. Сергеева, В. М. Володин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 140–148. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-14

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Аннотация.

Актуальность и цели. В отличие от ранее существующего директивного планирования и программно-целевого планирования, стратегическое планирование основано на выборе способов управления не столько директивными методами, сколько перераспределением ресурсов для изменения тенденций развития объекта управления, а также изменения законов развития объекта управления, это и является преимуществом использования системы стратегического планирования на предприятиях оборонно-промышленного комплекса (ОПК).

Материалы и методы. При формировании стратегических целей предприятий ОПК проводят стратегический анализ. При этом накапливается различного рода стратегическая информация, которую возможно использовать для построения прогнозов и анализа тенденций внешних факторов, оценки стратегического потенциала предприятия и его конкурентоспособности. Одним из методов обработки стратегической информации является SWOT-анализ, используемый в статье.

Результаты. В статье представлен пример проведенного SWOT-анализа, который позволяет не только оценить текущее состояние стратегических позиций предприятия в отрасли, но и проанализировать хозяйственную деятельность в перспективе.

Выводы. Во-первых, стратегическое планирование, представляющее наиболее глобальный метод организации управленческой деятельности, является наиболее подходящим при управлении предприятиями оборонно-промышленного комплекса; во-вторых, бюджетное стратегическое планирование является видом стратегического планирования, чаще всего применяющегося в течение финансовых кризисов; в-третьих, долгосрочному, среднесрочному и краткосрочному виду стратегического планирования присущи как общие условия для их реализации, так и индивидуальные, свойственные каждому из этих видов.

Ключевые слова: предприятие оборонно-промышленного комплекса, оборонно-промышленный комплекс, стратегическое планирование, стратегическая цель, стратегический анализ.

А. А. Akimov

STRATEGIC PLANNING FEATURES AT ENTERPRISES OF THE DEFENCE-INDUSTRIAL SECTOR

Abstract.

Background. Unlike the pre-existing directive planning and program-targeted planning, strategic planning is based on the choice of management not so much of directive methods as the redistribution of resources to change the development trends of the control object, as well as to change the laws of development of the control object, which is the advantage of using strategic planning at defense industry enterprises.

Materials and methods. A strategic analysis is carried out at defense industry enterprises in the process of strategic goals setting. Herewith, various sorts of strategic information are accumulated. This information can be used to make forecasts and analyze trends of external factors, to assess the strategic potential of enterprises and their competitiveness. One of the methods for processing strategic information is SWOT analysis used in the article.

Results. The article presents an example of SWOT analysis that allows not only to assess the current state of company's strategic positions in the sector, but also to analyze economic activities in perspective.

Conclusions. Firstly, being the most globally wide-spread method for organizing management activities, strategic planning is most suitable for the management of defense industry enterprises. Secondly, budgetary strategic planning is a kind of strategic planning, most often used during financial crises. Thirdly, long-term, medium-term and short-term types of strategic planning are characterized by both general conditions of their implementation and individual ones, specific for each of these types.

Key words: enterprise of the defense-industrial sector, defense-industrial sector, strategic planning, strategic target, strategic analysis.

В своем широком значении планирование – это решение задачи по оптимизации с выбранной целевой функцией, при решении которой при разных сочетаниях влияющих факторов применяются методы и методики прогнозирования. Планирование также является одной из функций управления, которая представляет конкретизацию задач организации в соответствии с ее стратегической целью, определение наиболее рациональных способов достижения данной цели и является основой для принятия управленческих решений.

По мнению некоторых специалистов, в настоящее время можно рассматривать следующие виды планирования: стратегическое, программно-целевое, индикативное, директивное, бюджетное [1].

При директивном и программно-целевом планировании устанавливаются строго определенные объемы выпуска и потребления продукции.

Индикативные планы представляют собой планы-прогнозы. Они составляются с целью помочь хозяйствующим субъектам сориентироваться, разработать собственные планы, исходя из видения экономического будущего государственными органами и привлеченными ими научными организациями.

Стратегическое планирование, по нашему мнению, является наиболее приемлемым при управлении предприятиями оборонно-промышленного комплекса общим методом организации управленческой деятельности.

Функционирование предприятий оборонно-промышленного комплекса имеет некоторый набор особенностей, среди которых можно выделить несколько основных:

1. Заказчик для всех предприятий оборонно-промышленного комплекса – это Министерство обороны РФ, определяющее само изделие и его тактико-технические характеристики.

2. Предприятия оборонно-промышленного комплекса имеют высокую наукоемкость.

3. Большинство предприятий оборонно-промышленного комплекса имеют долгосрочные заказы на несколько лет (рис. 1).

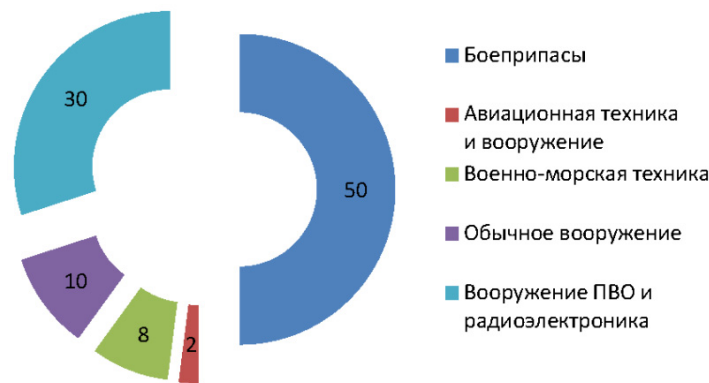

Рис. 1. Прогнозируемый объем поставок продукции оборонно-промышленного комплекса до 2020 г. [2]

4. В рамках федеральных программ началось переоснащение предприятий, что требует инвестиционных вложений.

5. Цены на продукцию оборонного значения формируются особым образом.

6. Существует контроль производства продукции со стороны военных представительств на предприятиях оборонно-промышленного комплекса.

7. Некоторые предприятия оборонно-промышленного комплекса также выпускают продукцию и гражданского назначения.

В связи с вышеперечисленными особенностями можно заключить, что для предприятий оборонно-промышленного комплекса наиболее приемлемым является стратегическое планирование. В первую очередь это обусловлено тем, что в сравнении, например, с программно-целевым планированием оно предполагает выработку управленческих решений в ответ на более широкий набор внешних влияющих факторов: большой объем неформализуемой информации, неопределенность располагаемых ресурсов (административный, временной, силовой, информационный и т.п.). В отличие от жестких директивных планов, при помощи которых происходило развитие нашей страны в течение 70 лет, стратегическое планирование предполагает изменение условий управления хозяйствующим субъектом без непосредственного вмешательства в его внутреннюю деятельность. В этом стратегическое планирование очень похоже на индикативное планирование, отличаясь от него значительно большим временным горизонтом.

В зависимости от степени динамичности внешней среды стратегическое планирование, как и программно-целевое, может быть не только долгосрочным, но и краткосрочным, при этом соблюдается условие: чем внешняя среда динамичнее, тем короче период планирования. В этом случае все управляющие действия будут сосредоточены, как правило, на самом начальном этапе очередного цикла планирования. При таком виде стратегического планирования сохраняются его главные атрибуты: ориентация на стратегическую цель, преодоление риска неопределенности за счет использования формальной и экспертной информации, соответствие основной и промежуточных целей имеющимся ресурсам, выбор наиболее рационального варианта плана.

При формировании стратегических целей проводят стратегический анализ. При этом накапливается различного рода стратегическая информация, которую возможно использовать для построения прогнозов и анализа тенденций внешних факторов, оценки стратегического потенциала предприятия и его конкурентоспособности [2].

Представим пример SWOT-анализа, который позволяет не только оценить текущее состояние стратегических позиций предприятия в отрасли (табл. 1).

Таблица 1

Матрица SWOT-анализа стратегических позиций
предприятий оборонно-промышленного комплекса

<i>Сильные стороны</i>	<i>Слабые стороны</i>
Гарантированный государственный заказ	Высокая себестоимость продукции за счет военной приемки
Максимальный профессионализм и квалификация персонала	Низкая заинтересованность рядовых сотрудников в развитии предприятия
Экспертная приемка продукции	Достижение конкурентных преимуществ нерыночными способами
Ответственность поставщика за уровень государственной безопасности	Высокие затраты для перехода на новые технологии и оборудование
	Недостаток оборотных средств
	Нерыночное управление
<i>Возможности</i>	<i>Угрозы</i>
Доступность ресурсов	Перспективы сокращения госзаказа
Приоритет национальной безопасности	Введение санкций со стороны США и Евросоюза
Использование новых технологий	Активизация стран-конкурентов за иностранный инвестиционный капитал (ЮВА, СНГ)
Гарантия государства на стабильность условий деятельности	Колебания рыночной конъюнктуры, цен, валютных курсов
Государственная поддержка модернизации производства и инновационных проектов	Высокий уровень бюрократизма, коррупция

Использование стратегического анализа позволяет организации проанализировать свою хозяйственную деятельность с точки зрения ее эффективности и перспективности.

Общеизвестно, что основная задача стратегического планирования – это выбор из многих вариантов возможных приоритетных мероприятий, которые обеспечивают максимально быстрое продвижение к стратегической цели деятельности организации при условии рационального ресурсного обеспечения (ресурсы ограничены) и выбора периода планирования.

В отличие от директивного планирования и программно-целевого планирования, стратегическое планирование основано на выборе способов

управления не столько директивными методами, сколько перераспределением ресурсов для изменения тенденций развития объекта управления, а также изменения законов развития объекта управления.

Отличительной чертой стратегического и программно-целевого планирования является четкое видение конечной стратегической цели деятельности организации, для достижения которой используются все имеющиеся ресурсы.

Методы стратегического планирования, используемые для предприятий оборонно-промышленного комплекса, имеют несколько неоспоримых преимуществ:

1. Самые современные информационные технологии используются для принятия решений при стратегическом планировании. Современнейшие средства вычислительной техники позволяют генерировать и анализировать огромное количество исходных вариантов управленческих решений.

2. Производится выборка только реализуемых вариантов деятельности, что означает заведомую эффективность потраченных ресурсов.

3. Из тех вариантов, которые планируется реализовать, выбирается наиболее рациональный, который максимально обеспечивает достижение результата при минимальных затратах ресурсов и усилий.

Для того чтобы создать целевую программу финансовой деятельности предприятия оборонно-промышленного комплекса, используется бюджетное стратегическое планирование. Особенно актуально использование такого вида планирования в процессе финансовых кризисов. Основными условиями, которые определяют необходимость разработки либо бюджетного плана, либо целевых программ организаций при любом временном горизонте планирования, являются такие условия, как:

1) перед организацией стоит большое число задач, которые невозможно решить формальными методами из-за их сложности;

2) выделенные ресурсы на решение данных задач являются недостаточными для их окончательного решения;

3) некоторые задачи (промежуточные цели) решают исполнители подразделений организации, в этот процесс руководство обычно не вмешивается, так как существует опасность разрушения налаженной технологии производства. Тем не менее руководство экономической системы регулирует результаты деятельности данных исполнителей путем изменения объема их ресурсного обеспечения.

Вследствие перечисленных условий основная проблема руководства организации заключается в том, чтобы максимально рационально распределить выделенные им ресурсы (различных типов и из разных источников) на решение частных задач и при этом получить максимальный эффект в достижении целевых установок с учетом их приоритетности. Таким образом, требуется привязка целей организации с выделенными ресурсами при помощи целевых программ. Именно поэтому системный анализ подразумевает, что любая целевая программа или бюджетный план является звеном, которое связывает цели и выделенные на их достижение ресурсы, а также пути рационального распределения общих ресурсов в соответствии с целевыми установками организации.

Определение принципа формирования целевых программ – это первый этап разработки целевых программ и планов. На сегодняшний день выделяют два главных принципа при формировании стратегических планов.

Первый принцип предполагает разработку долгосрочных планов и целевых программ. Кроме вышерассмотренных общих условий, для их воплощения в жизнь необходимо выполнить следующие условия:

- сделать прогноз объема ресурсов, которые будут выделены на реализацию мероприятий в рамках целевой программы мероприятий, сроком на 5–10 лет;

- на такой же временной промежуток необходимо сделать прогноз и потребностей организации для реализации своей деятельности (например, прогнозирование заказов);

- после этого сформировать некий общий показатель качества системы, для которой производится разработка целевой программы. Данный интегральный (агрегатный) показатель должен учитывать особенности функционирования экономической системы в каждый момент времени в пределах всего периода планирования;

- необходимо определить зависимость агрегатного показателя от управляющих параметров в системе. Для этого применяются сложные численные методы оптимизации многопараметрических функций.

Возможно заключить, что основное условие разработки именно долгосрочных целевых программ и планов – это точность результатов сделанных прогнозов. Обычно это достигается за счет достаточно стабильных параметров внешней среды. Согласование результатов различных мероприятий в рамках целевой программы в долгосрочном периоде, а также возможность оценить развитие всей системы – это, несомненно, огромное преимущество долгосрочных целевых программ и планов.

Существует и альтернативный подход к стратегическому планированию, когда формируется комплекс среднесрочных и краткосрочных планов и целевых программ таким образом, чтобы их общая продолжительность соответствовала заданному периоду планирования. При таком подходе уже нет необходимости прогнозировать объем ресурсного обеспечения и отслеживать динамику поставленных целей на срок 5–10 лет, нет смысла и рассчитывать интегральный по времени показатель качества развития организации.

Непрерывная корректировка промежуточных целей и объемов располагаемых ресурсов – это характерные черты динамического процесса планирования. Именно поэтому данный подход является наиболее подходящим при планировании в условиях повышенной неопределенности внешней системной среды.

При создании среднесрочных и краткосрочных планов и целевых программ необходимо учитывать такие условия, как:

- самостоятельность работы исполнителей в рамках среднесрочного и краткосрочного планирования. Результаты этой работы реализуются руководством экономической системы на следующем этапе;

- постоянный мониторинг и корректировка целей в зависимости от их приоритета на настоящий момент и формирование, соответственно, новой целевой программы и соответствующего плана. Этот процесс обычно осуществляется как только истекает срок действия очередной краткосрочной целевой программы или плана (примерно через год);

- создание интегрального показателя качества системы, но локального по времени;

– с учетом результатов расчетов по оптимизации целевой функции, которая определяет значение данного интегрального показателя, формируется среднесрочный или краткосрочный план.

Недостатком альтернативного подхода является то, что невозможно одновременно спланировать полный объем работ. Иначе говоря, движение к глобальной стратегической цели развития осуществляется не по непрерывному рациональному пути, а по его локальным отрезкам. Более того, обычно реализация альтернативного подхода по сравнению с первым требует больших затрат ресурсов для достижения конечной цели [2].

Однако если внешняя среда характеризуется динамичностью и неопределенностью, то принцип среднесрочного и краткосрочного динамического планирования – практически единственный путь формирования планов.

Также возможно отметить, что в течение финансовых и экономических кризисов динамическое планирование также часто применяется, так как при долгосрочном планировании затруднительно строить прогнозы изменения приоритетности промежуточных целей и объемов ресурсов, которые выделяются на реализацию всей программы. В этом случае краткосрочные целевые программы и планы развития являются практически единственным способом организовать алгоритм антикризисной деятельности.

Следует отметить, что краткосрочные целевые программы и планы отличаются от обычного перечня работ (даже если в нем соблюдается соответствие всего объема ресурсов заданным величинам) тем, что в них ресурсы максимально рационально распределяются для достижения поставленных целей.

Тесно связано с динамическим планированием понятие «реструктуризация целевых установок». На различных этапах стратегического анализа могут изменяться относительные приоритеты проводимых организацией в рамках целевых программ отдельных мероприятий. Может случиться, что в процессе изменения внешней среды некоторые мероприятия перестали быть актуальными в то время, как появились не предполагаемые ранее мероприятия или, напротив, произошло резкое повышение актуальности прошлых мероприятий, которые привели к улучшению финансовой устойчивости экономической системы в кризис. В таком случае производится корректировка списка мероприятий, заново оценивается их влияние на стратегическую цель деятельности организации, в итоге снова планируется этап деятельности экономической системы с целью адаптации к новой ситуации. Однако при этом необходимо строго придерживаться основного направления на продвижение к стратегической цели.

В заключение отметим, что, во-первых, из указанных видов планирования стратегическое, представляющее наиболее глобальный метод организации управленческой деятельности, является наиболее подходящим при управлении предприятиями оборонно-промышленного комплекса; во-вторых, бюджетное стратегическое планирование является видом стратегического планирования, чаще всего применяющимся в течение финансовых кризисов; в-третьих, долгосрочному, среднесрочному и краткосрочному виду стратегического планирования присущи как общие условия для их реализации, так и индивидуальные, свойственные каждому из этих видов.

Библиографический список

1. **Баскаков, В. В.** Стратегическое планирование на предприятиях оборонно-промышленного комплекса / В. В. Баскаков, Б. Н. Гудков, С. А. Федосеев, А. Н. Фомин // Военная мысль. – 2015. – № 6.
2. **Ряховский, Д. И.** Современные особенности функционирования предприятий оборонно-промышленного комплекса и их влияние на формирование стратегического развития / Д. И. Ряховский, Н. Н. Тарасов // Вестник ИЭАУ. – 2014. – № 5.

References

1. Baskakov V. V., Gudkov B. N., Fedoseev S. A., Fomin A. N. *Voennaya mysl'* [The military thought]. 2015, no. 6.
2. Ryakhovskiy D. I., Tarasov N. N. *Vestnik IEAU* [Bulletin of Economics and Anticrisis Management Institute]. 2014, no. 5.

Акимов Александр Александрович
генеральный директор, ОАО «Научно-исследовательский институт электронно-механических приборов» (Россия, г. Пенза, ул. Каракозова, 44)

E-mail: akimers@mail.ru

Akimov Alexander Aleksandrovich
Director general, JSC “Research Institute of Mechatronic Devices” (44 Karakozova street, Penza, Russia)

УДК 338.12

Акимов, А. А.

Особенности стратегического планирования на предприятиях оборонно-промышленного комплекса / А. А. Акимов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 149–156. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-15

УДК 330.3

DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-16

В. Ю. Синявин, И. А. Питайкина, В. М. Володин

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КАК ФАКТОРА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. В условиях геополитической ситуации, сложившейся в последнее время вокруг России, проблема укрепления ее национальной безопасности приобретает первоочередное значение. Важнейшей составляющей национальной безопасности, как известно, стала продовольственная безопасность, обеспечение которой является фактором сохранения государственного суверенитета, устойчивого развития и повышения качества жизни населения. Цель данного исследования – формирование универсальной методики управления факторами устойчивого развития, применение которой позволило бы обеспечить максимальный экономический эффект при минимальном объеме соответствующих затрат с учетом региональной специфики, обеспечивающей положительный синергетический эффект для государства в целом.

Материалы и методы. Достижение вышеназванной цели предопределило необходимость проведения анкетного опроса работников предприятий сформированной в ходе исследования выборочной совокупности, экспертного опроса их руководителей и специалистов, а также корреляционно-регрессионный анализ полученных данных.

Результаты. Выявлено две группы факторов: во-первых, факторы, фактическая эффективность использования которых оказывает влияние на уровень эффективности использования факторов более высокого уровня, характеризующих промежуточные результаты производственной деятельности исследованных предприятий; во-вторых, факторы, влияющие на рентабельность, объем прибыли, производительность труда – показатели, характеризующие устойчивость развития хозяйствующих субъектов региона.

Выводы. Практика управления факторами устойчивого развития на уровне региона должна предусматривать выявление ключевых факторов, оказывающих прямое и опосредованное воздействие на результаты производственной деятельности, а также управленческие воздействия с целью оптимизации уровня эффективности использования данных факторов, роста инвестиционной привлекательности региона, оптимального использования человеческого потенциала и, как следствие, обеспечения устойчивого развития государства в целом.

Ключевые слова: национальная безопасность, факторы устойчивого развития, инвестиционная привлекательность, человеческий потенциал.

V. Yu. Sinyavin, I. A. Pitaikina, V. M. Volodin

PROBLEMS OF INCREASING THE EFFICIENCY OF HUMAN CAPITAL USAGE AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Abstract.

Background. In terms of the geopolitical situation in recent years around Russia, strengthening its national security becomes a priority. The most important compo-

nent of national security, as we know, is food security. Preservation of food security is a factor of country's sovereignty maintenance, sustainable development and people's life quality improvement. The aim of this study is to develop a universal methodology of management of sustainable development factors, the application of which would provide the maximal economic effect at minimal costs taking into account the regional specifics ensuring a positive synergetic effect for the state in whole.

Materials and methods. In order to achieve the above-stated goals the authors conducted a questionnaire survey among employees of enterprises, sampling, expert survey of their managers and professionals, as well as a correlation and regression analysis of the data.

Results. The researchers have revealed two groups of factors: firstly, factors, the actual applied efficiency of which influences the applied efficiency of factors of a higher level, characterizing interim results of productional activities of enterprises under consideration; secondly, factors influencing profitability, profit volumes, labor productivity – indicators that characterize development stability of regional business entities.

Conclusions. The practice of sustainable development factors management at the regional level should provide for identification of key factors that have direct or indirect influence on results of productional activities, as well as managerial influences in order to optimize the efficiency level of the given factors usage, to improve regional investment attractiveness, to optimally use human capital and, as a result, to provide sustainable development of the state in whole.

Key words: investment attractiveness, factors of development, regional economic entities.

Обеспечение долгосрочной конкурентоспособности российского государства на мировой арене в XXI в. будет определяться не только в политическом контексте, но во многом эффективным использованием факторов устойчивого развития, таких как высококачественное профессиональное образование, производительность труда, благоприятный инвестиционный климат, наличие современных технологий, высокое качество жизни населения, обеспечение здоровья населения [1].

В условиях продления санкций на первое место выходит проблема обеспечения и поддержания национальной безопасности и ее составляющей – продовольственной безопасности. Именно продовольственная безопасность во многом определяет уровень социально-экономического развития государства, благосостояние его граждан, уровень и качество жизни и здоровье населения [2].

Также в статье «Концептуальные основы реализации национальной доктрины продовольственной безопасности» доктор экономических наук, профессор М. А. Ананьев справедливо отмечает, что одним из основных векторов обеспечения национальной безопасности государства является продовольственная безопасность, так как выступает фактором сохранения государственного суверенитета и условием повышения качества жизни российских граждан, реализации демографической политики [3, с. 23]. Все это предопределяет прямое воздействие продовольственной безопасности на устойчивое развитие государства.

Основа же продовольственной безопасности страны – своевременное и соответствующее по своему объему производство сельскохозяйственной

продукции. В связи с этим обеспечение устойчивого развития промышленно-аграрных регионов РФ следует рассматривать в качестве первоочередной задачи федеральных и региональных экономических и политических элит. Такое развитие, вне сомнения, должно предполагать привлечение обширных инвестиционных средств как источника финансирования технического перевооружения, расширения производства, организации емких маркетинговых каналов и т.д.

Территориально-климатическое расположение Российской Федерации и значительный дисбаланс в уровне социально-экономического развития регионов предопределяет необходимость выявления общих и специфических факторов устойчивого развития регионов, эффективного использования потенциала каждого региона для достижения положительного синергетического эффекта государства в целом. Несмотря на наличие внутренних резервов для собственного развития, многие регионы неэффективно используют имеющиеся природные, человеческие, технологические и другие ресурсы, которые в целях нашего исследования были объединены в две укрупненные группы факторов: природные и социально-экономические [4, с. 540].

В целях изучения влияния ряда природных и социально-экономических факторов на развитие и инвестиционную привлекательность региональных хозяйствующих субъектов Пензенской области как промышленно-аграрного региона РФ, имеющего все предпосылки для существенного вклада в реализацию программы обеспечения продовольственной безопасности, была сформирована выборочная совокупность, включающая 48 сельскохозяйственных предприятий, функционирующих на территории региона (хозяйства Пензенского, Кузнецкого, Вадинского, Малосердобинского, Камешкирского, Лопатинского и Сосновоборского районов). Сведения относительно уровня фактического использования факторов, полученные в ходе опроса работников данных предприятий (опросом был охвачен период в три года), а также их важности, указанной экспертами – руководителями и специалистами исследованных хозяйств, послужили основой для расчетов показателей фактической и максимально возможной эффективности использования данных факторов (расчеты осуществлены путем применения оригинальной методики).

В основу формирования показателей оценки фактического использования и важности природных и социально-экономических факторов были положены базовые принципы, а именно:

- всесторонний охват показателями каждой группы факторов;
- сочетание альтернативных приемов при расчете показателей, что позволяет отразить фактическую и желательную (рекомендуемую) эффективность использования факторов;
- максимально возможная достоверность при расчетах и вычислениях.

Следует отметить, что при проведении расчетных и вычислительных работ по количественной оценке фактической эффективности использования имеющихся в регионе факторов развития нами были применены такие методы исследования, как интервьюирование, самообследование, экспертно-аналитический метод. Полученные результаты сопоставления оценок фактического использования исследуемых факторов и их важности с позиции экспертов нами были ранжированы по авторской шкале оценочных показателей:

- от 0 до 2 – незначительное использование;
- от 2,1 до 4 – достаточно низкий уровень использования;

от 4,1 до 6 – средняя степень использования;
от 6,1 до 8 – высокая степень использования;
от 8,1 до 10 – очень высокая степень использования.

Важность фактора определяется оценочным показателем от 0 до 1.

В целях достижения результата по снижению субъективности оценочных показателей в рамках данного исследования были поставлены так называемые «фильтры» по отбору экспертов в соответствии с их уровнем компетентности.

С учетом наметившейся в последние годы трансформации во взглядах специалистов на категорию «экономическая эффективность», выражающейся в попытках отхода от прежнего узкого понимания эффективности как простой пропорциональности или КПД и трактовки ее скорее в качестве вектора, позволяющего определить направление развития производства, можно сказать, что эффективность использования базовых факторов, определяющих результативность и инвестиционную привлекательность хозяйствующего субъекта, должна оцениваться путем соотнесения показателей этого использования с некими оптимальными величинами, определяемыми руководством организаций как желаемые [5, с. 63].

В целях дальнейшего исследования эффективности применения выявленных факторов устойчивого развития был произведен расчет соответствующих показателей на основе авторской методики, позволяющей в полном объеме выявить эффективность использования имеющихся в наличии факторов устойчивого развития [6, с. 34]. Достоверность выбранной методики подтверждена экономико-математической моделью, которая адекватна реальной действительности, что доказано объективно обусловленными оценками. Так, показатель эффективности использования природных факторов, которые позволяют определить результаты деятельности сельскохозяйственных предприятий региона по факту, устанавливался нами с помощью формулы

$$\Phi_{\text{пр}} = \Sigma (П_{\text{пр}} \cdot В_{\text{пр}}), \quad (1)$$

где $П_{\text{пр}}$ – показатель фактического использования природного фактора, оказывающего влияние на устойчивое развитие предприятий региона сельскохозяйственной направленности; $В_{\text{пр}}$ – экспертная оценка важности природного фактора, оказывающего влияние на устойчивое развитие предприятий региона сельскохозяйственной направленности (по шкале оценочных показателей).

Выявление эффективности использования социально-экономических факторов была применена следующая формула:

$$\Phi_{\text{с.э.}} = \Sigma (И_{\text{с.э.}} \cdot В_{\text{с.э.}}), \quad (2)$$

где $И_{\text{с.э.}}$ – показатель фактического использования социально-экономического фактора, оказывающего влияние на устойчивое развитие предприятий региона сельскохозяйственной направленности; $В_{\text{с.э.}}$ – экспертная оценка важности данного фактора.

Для данных факторов рассчитаны и максимально возможные значения эффективности их использования. Сравнивая полученные результаты с фактическими значениями, делаем вывод относительно имеющегося уровня развития системы управления указанными факторами.

Полученные показатели фактической эффективности использования факторов, а также показатели, характеризующие результат производственной

деятельности предприятий выборочной совокупности, были подвергнуты корреляционно-регрессионному анализу.

Результаты анализа выявили наличие двух групп факторов. Первую составили факторы, уровень фактической эффективности использования которых влияет на показатели уровня эффективности использования факторов более высокого порядка, которые характеризуют промежуточные результаты работы организации выборочной совокупности; вторую – факторы, эффективность использования которых сказывается на рентабельности, объеме прибыли, а также производительности труда.

Влияние рассматривалось в пределах года, а также с отсрочкой в один и два года (рис.1).

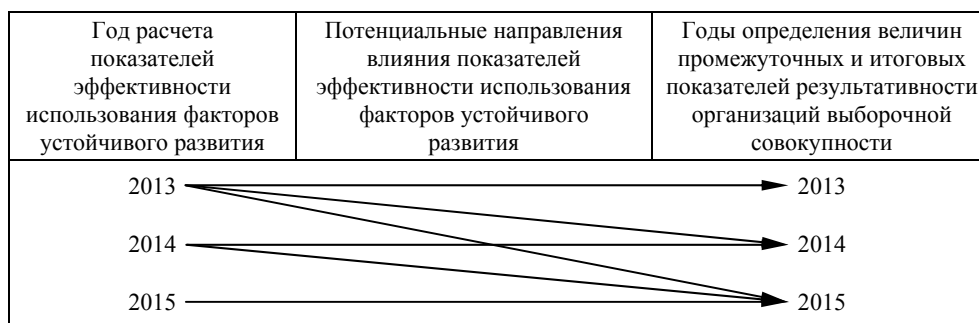

Рис. 1. Влияние показателей эффективности использования исследованных факторов устойчивого развития организаций выборочной совокупности на результативность их работы по годам

Например, установлена зависимость рентабельности 2015 г. от эффективности использования фактора «применение сельхозтехники» по итогам 2013 г. Коэффициент корреляции при этом составил 0,85, t -критерий – 3,52 (выше табличного значения, что говорит о значимом отличии от нуля коэффициента корреляции). Установленная зависимость представлена моделью

$$Y = -100,66 - 25,79 \cdot X, \quad (3)$$

где Y – рентабельность, 2015; X – фактическая эффективность использования сельхозтехники, 2013.

Методом корреляционно-регрессионного анализа установлено: уровень эффективности использования сельхозтехники, в свою очередь, определяется показателями эффективности использования имеющейся технической подготовки руководителей и специалистов исследованных сельхозпредприятий. Так, эффективность использования сельхозтехники 2015 г. испытывает влияние со стороны показателей фактической эффективности использования технической подготовки руководителей и специалистов (фактор «высокое качество профессионального образования») по итогам 2013 г.

Зависимость имеет вид модели

$$Y = -100,66 - 25,79 \cdot X, \quad (4)$$

где Y – фактическая эффективность использования сельскохозяйственной техники, 2015; X – фактическая эффективность использования технической

подготовленности руководителей и специалистов сельскохозяйственных предприятий, 2013.

Долговременный характер зависимости обусловлен, по нашему мнению, временным лагом от начала роста эффективности использования человеческого капитала в лице руководителей и специалистов, обладающих необходимой технической подготовленностью (путем их участия в осуществлении работ по подготовке новых проектов, предполагающих применение сельскохозяйственной техники, модернизации имеющегося в наличии машинного парка с последующей возможностью расширения процесса диверсификации производства) до практической реализации подготовленных мероприятий и наступления положительного эффекта.

Полученные регрессионные модели позволяют осуществить прогнозирование промежуточных и итоговых результатов деятельности исследованных хозяйств в условиях повышения эффективности исходных факторов влияния.

Нами были рассчитаны значения эффективности использования технической подготовленности руководителей и специалистов, способных обеспечить на практике достижение максимально возможной эффективности использования сельхозтехники:

$$X = \frac{6,8 - 0,7857}{0,8636}, \quad (5)$$

где 6,8 – максимально возможная эффективность использования сельхозтехники (баллы); X – эффективность использования показателя «техническая подготовленность руководителей и специалистов».

Согласно расчетам, практическое достижение хозяйствующими субъектами максимально возможной эффективности использования сельхозтехники требует повышения уровня эффективности исходного фактора влияния до 6,96 балла (показатель заметно превышает фактические значения).

Рентабельность, ожидаемую по прошествии двух лет после повышения (до максимально возможной) эффективности использования сельхозтехники, рассчитаем на основе модели

$$Y = -73,4 + 18,005 \cdot 6,8, \quad (6)$$

где Y – рентабельность; 6,8 – максимально возможная эффективность использования сельхозтехники (баллы).

Как следует из расчетов, повышение до максимально возможного уровня эффективности использования сельхозтехники приведет к росту рентабельности до 49,3 %. Таким образом, прогнозный показатель в два раза превышает фактические, которые можно охарактеризовать как крайне низкие.

Для достижения прогнозных величин нами предложены меры управленческого воздействия на исходные факторы влияния. В целом руководству региональных предприятий, осознающему актуальность повышения эффективности использования факторов устойчивого развития, следует осуществлять целенаправленную деятельность, обеспечивающую ее неуклонный рост, с четким планом в основе. Этот план, по нашему мнению, должен опираться на: а) производственные потребности; б) имеющуюся ресурсную обеспеченность. Приступая к определению перспективных путей, ведущих к росту эф-

фективности использования факторов, менеджмент организаций выборочной совокупности должен решить проблему достижения максимального полезного эффекта за счет минимальных необходимых затрат.

Решение этой проблемы должно предполагать детальный анализ практики управления факторами, чья эффективность использования влияет на промежуточные результаты деятельности предприятий (эффективность использования «вторичных» факторов), а через них – конечные.

Менеджменту исследованных организаций необходимо подготовить спецификацию факторов, которая включала бы такие сведения, как значимость, характер влияния (включая его направленность, отдаленность во времени и т.п.). Кроме того, следует осуществить ревизию имеющегося ресурсного обеспечения и составить представление относительно объема ресурсов, необходимого для обеспечения роста эффективности использования факторов.

В итоге на основе полученных сведений целесообразно сформировать детальный план реальных мероприятий, способный обеспечить рост эффективности использования соответствующих первичных факторов. Как отмечалось выше, эффективность использования факторов подгруппы «Высокое качество профессионального образования» (из группы факторов, характеризующих качество человеческого капитала региона), включающей такой показатель, как «наличие технической подготовленности руководителей и специалистов сельхозпредприятий», может проявляться, на наш взгляд, прежде всего в активном участии имеющих на предприятии высококвалифицированных и опытных специалистов в ответственных и значимых для предприятия производственных программах, что, в свою очередь, следует рассматривать как уровень эффективности использования человеческого потенциала [7, с. 58].

Несмотря на присущие исследованным хозяйствам различия в размере доступных ресурсов, специфике целевой аудитории, особенностях экономико-географического положения, численности и квалификационном составе работников, которые определяют разноплановость самих подобных программ, их общей особенностью следует считать привязку к отраслям, инвестирование в развитие которых должно обеспечить максимальный экономический эффект.

В целях более полного использования человеческого потенциала исследованных организаций путем обеспечения их руководителям и специалистам участия в работе групп, занимающихся разработкой и реализацией на практике перспективных производственных программ, укрепления мотивационной основы их деятельности, нами рекомендовано ввести индивидуальные коэффициенты при установлении основной части оплаты труда по следующим категориям: работникам, имеющим техническое образование за выполнение работ в установленные сроки и с соблюдением определенных показателей качества, – от 0,1 до 1,5; за безаварийную эксплуатацию вверенных технических средств – от 0,5 до 1. Работникам, обладающим технологическим образованием, – за осуществление в означенный период и в объеме установленных норм соответствующих технологических изысканий – от 0,1 до 1,5; за рост показателей качества и объема функционирующих производств (через оптимизацию техпроцесса) – от 0,5 до 1; за рацпредложение, ведущее к снижению потерь, – 1,2.

Экономически подготовленным работникам – за мероприятия, повлекшие увеличение доли рынка (от 2 % и более), – от 0,1 до 1,5; за рацпредложение по совершенствованию оргструктуры, ведущее к снижению затрат и росту экономической эффективности, – от 0,5 до 1.

Работникам с правовой подготовкой – за повышение числа договоров с переработчиками либо поставщиками (на 20 % и выше) – от 0,1 до 0,5. Наличие пятилетнего стажа у работников исследованных организаций должно, по нашему мнению, явиться критерием, позволяющим применять при установлении основной части оплаты труда коэффициент от 0,1 до 0,2. При стаже работы 5–10 лет рекомендуем коэффициент 0,2–0,4; при стаже 11–15 лет – 0,5–0,7; свыше 15 лет – 1.

Работникам, имеющим высший производственный разряд за рацпредложение, преследующее целью модернизацию организационной структуры, а также процесса производства (в расчете на снижение себестоимости, рост рентабельности и т.д.), предлагаем применять индивидуальные коэффициенты от 0,1 до 1 (их окончательную величину следует устанавливать исходя из значимости предложенных разработок). Кроме того, обеспечение передачи профессионального мастерства, знаний и наработанных навыков высококвалифицированными специалистами с большим опытом работы молодым кадрам требует, по нашему мнению, организации в исследованных хозяйствах института наставничества.

Работникам, ведущим наставническое шефство над начинающими специалистами (в зависимости от числа последних), при начислении основной части оплаты труда мы рекомендуем применять индивидуальные коэффициенты от 0,5 до 1. Довольно высокие значения коэффициентов объяснимы ощутимой социально-экономической значимостью наставничества.

Данные нами рекомендации позволяют достичь желаемого уровня функционирования субъектов территориально-организованной экономической системы и повысить тем самым инвестиционную привлекательность региона. В свете вышеизложенного нельзя не согласиться с предложением М. А. Ананьева, что программа развития продовольственного обеспечения в качестве одного из ключевых направлений должна включать развитие устойчивого сельскохозяйственного производства, обеспечение которого возможно, в том числе путем детальной проработки и последующей реализации программы повышения технологического уровня (инвестиции в технику и технологии) и методов управления (инвестиции в сферу подготовки управленческих кадров и повышение уровня управляемости) [8, с. 25].

Проведенное нами исследование подтверждает обоснованность и актуальность мер, предложенных М. А. Ананьевым. В 2016 г. в качестве эксперимента результаты проведенного нами исследования были внедрены в практику исследованных хозяйств. О результатах, которые, согласно прогнозам, должны выразиться в росте рентабельности, объеме прибыли и производительности труда, будет доложено в последующих публикациях.

Библиографический список

1. **Володин, В. М.** Методологические основы исследования устойчивого развития регионов / В. М. Володин, И. А. Питайкина // *Успехи современной науки и образования*. – 2016. – Т. 2, № 4. – С. 74–78.

2. **Володин, В. М.** Проблема воспроизводства капитала здоровья в контексте обеспечения продовольственной безопасности в XXI веке / В. М. Володин, И. А. Питайкина // *Успехи современной науки*. – 2016. – № 1. – С. 30–34.
3. **Ананьев, М. А.** Концептуальные основы реализации национальной Доктрины продовольственной безопасности / М. А. Ананьев // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. – 2015. – № 11. – С. 23–25.
4. **Синявин, В. Ю.** Инвестиционный климат как фактор роста инвестиционной активности в России и регионах / В. Ю. Синявин // *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского*. – 2012. – № 28. – С. 540–543.
5. **Асаул, А. Н.** Модернизация экономики на основе технологических инноваций / А. Н. Асаул, Б. М. Карпов, В. Б. Перевязкин и др. – СПб. : АНО ИПЭВ, 2008. – 606 с.
6. **Васин, С. М.** Формирование концепции перспективной инвестиционной политики региональных предприятий : моногр. / С. М. Васин, В. Ю. Синявин. – Пенза : Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского, 2012. – 196 с.
7. **Синявин, В. Ю.** Стимулирование повышения инвестиционной привлекательности сельскохозяйственного производства и труда / В. Ю. Синявин, С. Н. Исаченко // *Нормирование и оплата труда в сельском хозяйстве*. – 2016. – № 5. – С. 55–62.
8. **Ананьев, М. А.** Концептуальные основы реализации национальной доктрины продовольственной безопасности / М. А. Ананьев // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. – 2015. – № 11. – С. 23–25.

References

1. Volodin V. M., Pitaykina I. A. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Progress of modern science and education]. 2016, vol. 2, no. 4, pp. 74–78.
2. Volodin V. M., Pitaykina I. A. *Uspekhi sovremennoy nauki* [Progress of modern science]. 2016, no. 1, pp. 30–34.
3. Anan'ev M. A. *Ekonomika sel'skokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiy* [Agricultural and processing enterprise economy]. 2015, no. 11, pp. 23–25.
4. Sinyavin V. Yu. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo* [Bulletin of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky]. 2012, no. 28, pp. 540–543.
5. Asaul A. N., Karpov B. M., Perevyazkin V. B. et al. *Modernizatsiya ekonomiki na osnove tekhnologicheskikh innovatsiy* [Economic modernization on the basis of technological innovations]. Saint-Petersburg: ANO IPEV, 2008, 606 p.
6. Vasin S. M., Sinyavin V. Yu. *Formirovanie kontseptsii perspektivnoy investitsionnoy politiki regional'nykh predpriyatiy: monogr.* [Formation of the conception of prospective investment policy of regional enterprises: monograph]. Penza: Penzenskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. V. G. Belinskogo, 2012, 196 p.
7. Sinyavin V. Yu., Isachenko S. N. *Normirovanie i oplata truda v sel'skom khozyaystve* [Work quota setting and remuneration in agriculture]. 2016, no. 5, pp. 55–62.
8. Anan'ev M. A. *Ekonomika sel'skokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiy* [Agricultural and processing enterprise economy]. 2015, no. 11, pp. 23–25.

Синявин Владимир Юрьевич

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономической теории
и международных отношений, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: vladimir.siniavin@mail.ru

Sinyavin Vladimir Yurievich

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of economics
and international relations, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Питайкина Инна Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономической теории
и международных отношений, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: Persey_@bk.ru

Pitaikina Inna Anatolievna

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of economics
and international relations, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Володин Виктор Михайлович

доктор экономических наук, профессор,
декан факультета экономики
и управления, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: 7volodin7@mail.ru

Volodin Victor Mihailovich

Doctor of economic sciences, professor,
dean of the Faculty of economics
and management, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 330.3

Синявин, В. Ю.

**Проблемы повышения эффективного использования человеческо-
го капитала как фактора устойчивого развития / В. Ю. Синявин,
И. А. Питайкина, В. М. Володин // Известия высших учебных заведений.
Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 157–166.
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-16**

К. Ж. Садвокасова, Г. С. Кодашева

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ В УСЛОВИЯХ РОСТА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Деятельность банка второго уровня в условиях роста неопределенности подвержена воздействию множества внешних и внутренних факторов. Необходимо комплексно оценить влияние факторов для осуществления процесса прогнозирования, выявления причин, препятствующих или стимулирующих развитие банковской деятельности, определение основных мероприятий для проведения оптимизации банковской деятельности, обеспечение более эффективной работы банка. Не учитывая влияние данных факторов, невозможно формировать стратегии развития банка и банковской системы в целом.

Материалы и методы. В данном исследовании использованы метод теоретического обобщения, графический метод, сравнительный метод, статистические методы исследования, с помощью которых был осуществлен анализ влияния отдельных факторов на уровень развития банковской деятельности в Казахстане в условиях роста неопределенности.

Результаты. В работе описаны основные факторы, влияющие на уровень развития банковской деятельности и на ухудшение финансового положения банка в Казахстане, исходя из которых были сделаны соответствующие выводы о степени зависимости банковской деятельности от этих факторов, а также предложены необходимые мероприятия по повышению эффективности стратегии банка.

Выводы. Выявление влияния факторов на уровень развития банковской деятельности в Казахстане в условиях роста неопределенности позволит повысить эффективность работы банка в современных условиях.

Ключевые слова: фактор, банковская деятельность, эффективность, стратегия, неопределенность, риск, сформированные резервы, чистые классифицированные займы.

K. Zh. Sadvokassova, G. S. Kodasheva

BANKING DEVELOPMENT INFLUENCING FACTORS IN KAZAKHSTAN UNDER CONDITIONS OF GROWING UNCERTAINTY

Abstract.

Background. Activities of commercial banks in conditions of growing uncertainty are influenced by numerous internal and external factors. Assessment of banking activity influencing factors is necessary as it allows forecasting, establishing the reasons interfering or stimulating its development to determine main paths for banking optimization and efficiency improvement. It is impossible to build banking strategies and a banking system in general without knowing the factors of influence.

Materials and methods. The research tasks were implemented using the method of theoretical generalization, the graphic approach, the comparative method, statis-

tical research methods that analyze the influence of separate factors on the level of banking development in Kazakhstan in conditions of growing uncertainty.

Results. The work describes major factors influencing the banking development level and the deterioration of the financial position of banks in Kazakhstan, on the basis of which the corresponding conclusions are drawn on the degree of dependence of banking activities on these factors. The article also suggests necessary actions to increase in the bank strategy efficiency.

Conclusions. Identification of influencing factors at the level of banking activity development in Kazakhstan in conditions of growing uncertainty will allow increasing the overall performance of banks in modern conditions.

Key words: factor, banking activity, efficiency, strategy, uncertainty, risk, created allowances, clear classified loans.

Введение

Банковская деятельность образует совокупность процессов, которые зависят от различных факторов макросреды, мезосреды (отраслевые) и др.

Для группировки факторы классифицируют по следующим признакам: в зависимости от места возникновения на внешние и внутренние факторы; в зависимости от важности результата на основные и второстепенные; с точки зрения структуры на простые и сложные; с точки зрения времени действия на постоянные и временные.

1. Основные факторы, влияющие на развитие банковской деятельности

Основные факторы, оказывающие различное воздействие на деятельность банков, подразделяют на внешние и внутренние. Внешние факторы связаны с окружающей средой, в которой банк осуществляет свою деятельность. Внутренние факторы напрямую зависят от функционирования банка, определяющего самостоятельно свою банковскую политику.

Изучая классификацию факторов, влияющих на развитие банковской инфраструктуры, А. В. Котова, можно сказать, что данное деление можно отнести и к банковской деятельности. Он выделил две группы факторов: макроуровня (природные, политико-правовые, социокультурные, технологические, экономические) и мезоуровня (отраслевого влияния).

Наиболее сильное влияние на развитие банковской деятельности оказывают экономические факторы. Кроме общего состояния национальной экономики, выделяют и другие факторы макроэкономического влияния, такие как налоговая система и уровень развития различных рынков.

Для того чтобы рассмотреть, как влияет на банковскую деятельность состояние различных рынков, требуется оценить развитие общего состояния финансового рынка и его показателей, в частности монетарной политики страны, уровень развития финансово-кредитной сферы, банковской системы, валютного рынка, фондового рынка, стабильность национальной валюты. Эти показатели в основном позволяют определить, насколько успешным будет развитие банковской деятельности в дальнейшем.

Несмотря на значительное воздействие факторов макроэкономического характера, с учетом их позитивного влияния, банковская деятельность может быть подвержена и влиянию отраслевых факторов.

Можно выделить три группы факторов мезоуровня, оказывающих влияние на уровень развития банковской деятельности:

- 1) степень развития и ключевые параметры банковского бизнеса, которые составляют фундамент банковской системы;
- 2) правовое обеспечение, определяющее ключевые «правила игры», предназначенные как банкам, так и обслуживающим их предприятиям;
- 3) предпринимательская среда, оказывающая прямое воздействие на уровень институционального развития банковской деятельности.

К внешним факторам можно отнести следующие: уровень социально-политической, общеэкономической ситуации, развитие финансового рынка, банковской системы. На социально-политическую ситуацию влияют устойчивая политика Президента и Правительства, оппозиция, внешние санкции, корректировка политики Правительства и стабильность в регионах, которая зависит от уровня социальной напряженности в них, межэтнических национальных отношений. Общеэкономическая ситуация подвержена воздействию промышленного потенциала экономики, конкурентоспособности товаров, сальдо по счету движения капитальных средств, уровня развития финансового рынка.

Развитие финансового рынка характеризуют такие показатели, как размер процентной ставки по банковским вкладам, зависящий от доходности денежного и валютного фондового рынка; валютный курс национальной валюты, складывающийся под влиянием объемов спроса на иностранную валюту, сделок на валютной бирже; кредитная эмиссия, паритет покупательной способности национальной валюты, уровень инфляции и инфляционные ожидания, политика Национального Банка Республики Казахстан, денежная эмиссия; конкуренция на финансовом рынке.

Уровень развития банковской системы можно охарактеризовать в основном уровнем ликвидности банковской системы, доходности банковских операций, системой страхования вкладов.

Внутренние факторы складываются из совокупности индивидуальных показателей характеристики банка, стратегии банка и его внутренней политики. Среди перечисленных факторов основным фактором, воздействующим на обеспечение финансовой устойчивости банка, являются индивидуальные характеристики деятельности банка.

К факторам, которые оказывают значительное воздействие на конечные результаты деятельности банка, можно отнести такие, как характер и масштаб деятельности, структура, степень независимости, тип деятельности. При большом масштабе деятельности (капитала) банка портфель активов более диверсифицированный с высоким их качеством. Специализация банка, преобладание какой-либо операции определяют состав и структуру активов, их качество и в конечном счете прибыль.

Если банки осуществляют операции на межбанковском рынке кредитов и высоколиквидных ценных бумаг с фиксированной процентной ставкой, то их деятельность подвержена процентному риску. Если они предоставляют большой объем ссуд без анализа кредитоспособности заемщика, то подвержены кредитному риску.

Не учитывая мобильность и сроки погашения активов и пассивов, которые определяют возможность трансформации краткосрочных ресурсов

в долгосрочные вложения, банки могут нести риск потери ликвидности. Взаимосвязанные банковские риски могут спровоцировать риск неплатежеспособности (риск, связанный с капиталом и прибылью) [1].

2. Особенности организации банковской деятельности в Казахстане

Законом РК «О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан» определены основные требования к операциям, которые проводятся банками¹. Банки вправе осуществлять банковскую деятельность только при наличии правил, которые определяют общие условия проведения операций, и внутренних правил.

Чтобы обеспечить финансовую устойчивость банков, защиту интересов их депозиторов, поддержание стабильности монетарной системы РК, уполномоченный орган регулирует деятельность банков.

К пруденциальным нормативам, установленным уполномоченным органом РК для банков второго уровня (БВУ), относятся показатели минимального размера уставного капитала банка; минимального размера собственного капитала банка; коэффициента достаточности собственного капитала; максимального размера риска на одного заемщика; коэффициента ликвидности; лимитов открытой валютной позиции.

Чтобы обеспечить защиту законных интересов депозиторов и кредиторов банков, финансовую устойчивость банка, недопущение ухудшения его финансового положения и увеличения банковских рисков, уполномоченный орган анализирует деятельность банков, чтобы выявить факторы, влияющие на ухудшение финансового положения банка.

Для мер раннего реагирования в соответствии с Законом РК «О банках и банковской деятельности в РК» Правлением Национального Банка РК были установлены следующие факторы, влияющие на ухудшение финансового положения банка (рис. 1)².

В настоящее время изменение внешней конъюнктуры экономики страны отразилось и на развитии банковского сектора Казахстана. В результате снижения мировых цен на энергоносители и металлы, а также снижения спроса на казахстанскую продукцию со стороны крупнейших стран-потребителей, в которых произошло снижение темпов роста, в Казахстане также наблюдалось замедлением деловой активности.

Согласно Концепции развития финансового сектора РК до 2030 г., одним из важных аспектов последующего развития банковского сектора является разрешение проблем, связанных с неработающими займами и дефицитом долгосрочных источников фондирования, дестимулирующими кредитную активность банков³.

¹ О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан : Закон Республики Казахстан от 31.08.1995 № 2444, ст. 31 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.07.2016 г.).

² Концепция развития финансового сектора Республики Казахстан до 2030 года, утвержденная Постановлением Правительства Республики Казахстан от 29.08.2014 № 954.

³ Там же.

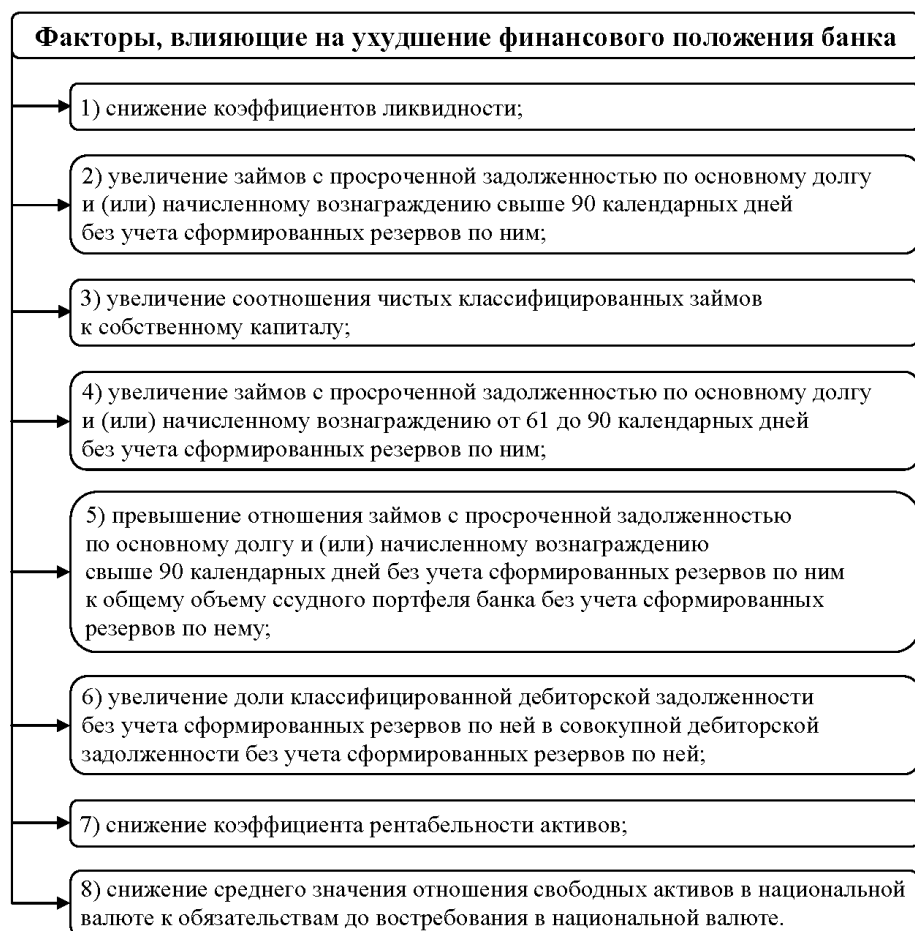

Рис. 1. Факторы, влияющие на ухудшение финансового положения банка

Примечание. Составлено авторами.

Вместе с тем в банках второго уровня Казахстана наблюдается высокая доля валютных депозитов, которая в последний год сильно увеличилась, особенно после проведенной девальвации национальной валюты в августе 2015 г. Долларизация депозитов вкладчиков и связанный с этим недостаток тенговой ликвидности (тенге – национальная валюта) также оказывали давление на возможности банков второго уровня по кредитованию реального сектора экономики.

Рассмотрим общую характеристику отдельных показателей состояния банковского сектора Республики Казахстан. На сегодняшний день в Казахстане по состоянию на 01.01.2017 банковский сектор представлен 33 БВУ, из них 15 банков с иностранным участием, в том числе 11 дочерних банков. На банковском рынке Казахстана наблюдались процессы консолидации и укрупнения банков второго уровня. Были объединены Альянс Банк, ForteBank и Темірбанк, а также объединились крупнейшие Казкоммерцбанк и БТА Банк (табл. 1)¹.

¹ Официальный сайт Национального банка Республики Казахстан. – URL: <http://www.nationalbank.kz/>

Структура банковского сектора Республики Казахстан
(по состоянию на 1 января отчетного периода)

№	Показатели	2013	2014	2015	2016	2017
1	Количество БВУ, в том числе:	38	38	38	35	33
2	– банки со 100 % участием государства в уставном капитале	1	1	1	1	1
3	– БВУ с иностранным участием	19	17	16	16	15
4	– дочерние БВУ	16	14	14	13	11
5	Количество филиалов БВУ	362	378	395	346	349

Примечание. Национальный Банк РК. – URL: <http://www.nationalbank.kz/>

Вместе с тем структура банковской системы Казахстана получила динамичное развитие. Можно отметить основную тенденцию, сопровождающуюся быстрым ростом банков среднего размера, в основном дочерних структур российских банков, на уровне выше среднего в целом по банковской системе РК. Многие малые и средние банки выделяются более высоким качеством, чем в среднем по банковскому сектору, что позволяет им концентрировать усилия на «новом» кредитовании, в то время как крупные игроки все еще заняты урегулированием накопившейся значительной задолженности по проблемным кредитам.

Концентрация банковского сектора РК представлена следующими показателями (по состоянию на 01.01.2017):

– доля пяти крупнейших банков в совокупных активах банковского сектора – 58,2 %;

– доля пяти крупнейших банков в совокупном ссудном портфеле банковского сектора – 60,6 %;

– доля пяти крупнейших банков в совокупных вкладах клиентов банковского сектора – 58,2 % (рис. 2).

В число пяти крупнейших банков РК входят следующие коммерческие банки: АО «Казкоммерцбанк», АО «Народный Банк Казахстана», АО «Цеснабанк», ДБ АО «Сбербанк», АО «Банк ЦентрКредит».

Банки все больше предоставляют краткосрочные высокодоходные, но и высокорискованные потребительские кредиты. Объем потребительских займов вырос в два раза, что может в перспективе повысить уровень кредитных рисков населения.

Недостаточно высокий текущий уровень долговой нагрузки населения (отношение совокупного долга домашних хозяйств к ВВП составляет 11 %) формирует запас для последующего развития банковского бизнеса в этом направлении. Но агрессивный рост необеспеченных потребительских займов требует принятия необходимых мер по его сокращению¹.

Перспективным направлением развития банковской системы Казахстана может стать активное привлечение коммерческих банков к реализации государственных программ посредством государственно-частного партнерства и прямого софинансирования проектов индустриально-инновационного развития.

¹ Официальный сайт Национального банка Республики Казахстан. – URL: <http://www.nationalbank.kz/>

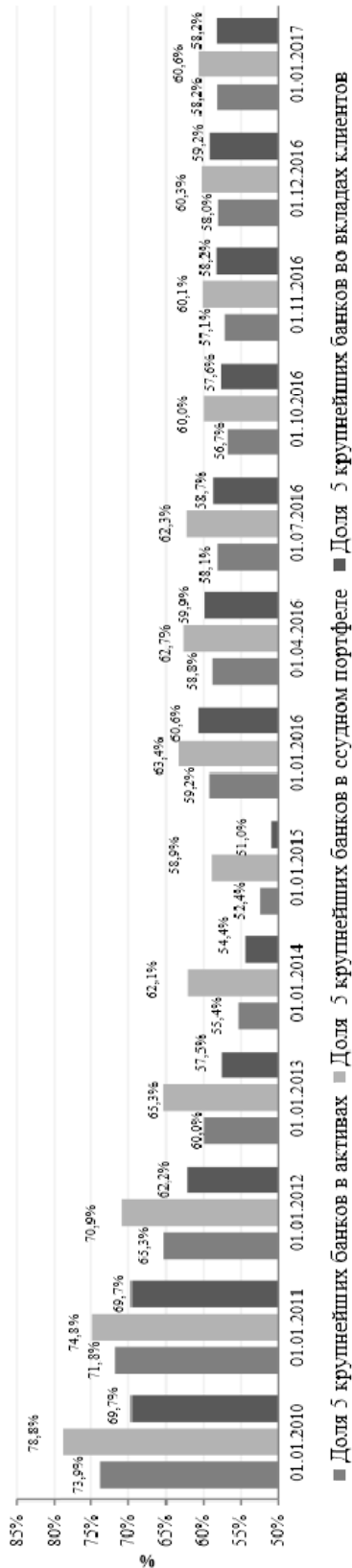

Рис. 2. Концентрация банковского сектора РК

Примечание. Источник: Национальный Банк РК – URL: <http://www.nationalbank.kz/>

На будущее банковского сектора Казахстана оказывает влияние развитие событий на международном рынке и развитие единого экономического пространства (ЕЭП) в союзе с Россией и Беларусью. Соответственно, повышение конкурентоспособности и устойчивости банков второго уровня остается приоритетной задачей государства.

Согласно Концепции развития финансового сектора РК до 2030 года, для развития финансового сектора требуется учитывать изменения, которые происходят в глобальном масштабе. С учетом развития интеграции формируются согласованные унифицированные подходы для регулирования национальных финансовых рынков (стандарты Базель III, Solvency II). Одним из вызовов для функционирования финансового рынка Республики Казахстан определена интернационализация финансовых услуг. В рамках ЕЭП иностранные банки и страховые (перестраховочные) организации при условии соответствия минимальным требованиям смогут беспрепятственно открывать свои филиалы на территории РК. Одной из задач реализации Концепции развития финансового сектора РК до 2030 года определено сокращение издержек общества и государства для поддержания устойчивости финансовой системы при возникновении потенциальных шоков. Для того чтобы повысить устойчивость банковской системы Казахстана, требуется сформировать систему эффективного поглощения шоков через внедрение международных стандартов Базель II и III¹. Осуществление данной программы будет проходить через внедрение рекомендаций Базельского комитета по банковскому надзору (БКБН) в вопросах достаточности капитала, показателей ликвидности и финансового левереджа, управления рисками. Повышенная капитализация банков РК при завершении перехода к стандартам Базель III обеспечит рост доверия депозиторов, что положительно повлияет на оценку инвесторов и рейтинговых агентств, отразится на стоимости привлечения фондирования. При вступлении Казахстана в состав международных экономических организаций различных уровней в последующем конкурентоспособность банков будет определяться достаточным уровнем капитализации.

Несомненно, в современных условиях банки второго уровня играют важную роль в процессе экономических преобразований. Банк осуществляет ряд операций и сделок, которые направлены на удовлетворение потребностей клиентов в банковских услугах и обеспечение своей деятельности как хозяйствующего субъекта. От эффективности их работы в значительной степени зависит успех в развитии реального сектора экономики.

Таким образом, большинство БВУ переориентировались в сегмент малого и среднего бизнеса, чему также способствуют различные государственные программы по поддержке субъектов малого и среднего бизнеса, благодаря которым банки обеспечиваются необходимым фондированием в условиях финансовой глобализации. Следовательно, для развития интеграционных процессов в рамках ЕЭП необходимо оценить с помощью количественных и качественных показателей деятельность БВУ на финансовых рынках России,

¹ Концепция развития финансового сектора Республики Казахстан до 2030 года, утвержденная Постановлением Правительства Республики Казахстан от 29.08.2014 № 954.

Беларуси и Казахстана. Для этого необходимо, чтобы гармонизация законодательства была направлена на рост конкурентоспособности национальных рынков банковских услуг.

На сегодняшний день одна из главных задач, стоящих перед банковским сектором, – очищение баланса от «токсичных» активов банками второго уровня, в частности крупными банками, что снижает их конкурентоспособность. Ни Фонд проблемных активов, ни предоставление налоговых льгот, ни создание специальных юридических лиц банками не дали должного эффекта по улучшению качества активов банков.

В заключение стоит отметить, что для повышения динамики развития банковского сектора в финансировании экономики необходимо реализовать две задачи – улучшение качества активов банков второго уровня и рост «аппетита» у банков к риску [2].

В настоящее время для банковского сектора страны в течение года характерными были выраженный рост валютного риска, а также актуальными рисками оставались кредитный риск и риск ликвидности. В таких условиях коммерческие банки начали ужесточать ценовые и неценовые условия финансирования с целью сдерживания спроса на кредитные ресурсы со стороны заемщиков. В частности, основной акцент был смещен на отбор качественных заемщиков, что повлияло на снижение уровня одобренных кредитных заявок.

Таким образом, стратегия управления рисками коммерческого банка направлена на соблюдение принципа безубыточности деятельности посредством обеспечения оптимального соотношения между доходностью основных направлений деятельности банка и уровнем принятых на себя рисков.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что на банковскую деятельность влияют различные макро- и мезофакторы. На основе факторного анализа можно создать модели развития банковской системы, которые приближены к реальности, для того чтобы с учетом целого ряда факторов сформулировать стратегические планы развития банковского сектора и национальной экономики.

Библиографический список

1. **Котов, А. В.** Факторы, влияющие на развитие банковской инфраструктуры и их оценка / А. В. Котов. – URL: <http://www.jourclub.ru/13/1262/>
2. **Оразалинова, М. Н.** Разработка предложений по стабилизации финансовой системы Казахстана / М. Н. Оразалинова // Вестник Университета «Туран». Научный журнал. – 2013. – № 3 (59). – С. 140–144.

References

1. Kotov A. V. *Faktory, vliyayushchie na razvitie bankovskoy infrastruktury i ikh otsenka* [Banking infrastructure influencing factors and estimation thereof]. Available at: <http://www.jourclub.ru/13/1262/>
2. Orazalinova M. N. *Vestnik Universiteta «Turan». Nauchnyy zhurnal* [“Turan” university bulletin. Scientific journal]. 2013, no. 3 (59), pp. 140–144.

Садвокасова Куляш Жабыковна

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой финансов,
Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева (Республика Казахстан,
г. Астана, ул. Мунайтпасова, 5)

E-mail: ksadvokas@mail.ru

Sadvokassova Kulyash Zhabykovna

Doctor of economic sciences, professor,
head of sub-department of finances,
L. N. Gumilyov Eurasian National
University (5 Munaytpasova street,
Astana, Kazakhstan)

Кодашева Гаухар Смагиловна

докторант, Евразийский национальный
университет им. Л. Н. Гумилева
(Республика Казахстан, г. Астана,
ул. Мунайтпасова, 5)

E-mail: kodasheva@mail.ru

Kodasheva Gaukhar Smagilovna

Doctoral candidate, L. N. Gumilyov
Eurasian National University
(5 Munaytpasova street, Astana,
Kazakhstan)

УДК 336.713(574):316.32

Садвокасова, К. Ж.

Факторы, влияющие на развитие банковской деятельности в Казахстане в условиях роста неопределенности / К. Ж. Садвокасова, Г. С. Кодашева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 167–176. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-17

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИСТЕМЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. В статье обосновывается необходимость оптимизации многоотраслевой структуры системы потребительской кооперации Республики Мордовия и предлагаются направления ее совершенствования, дифференцированные в зависимости от финансово-экономического положения потребительских обществ, эффективности использования экономических ресурсов во всех отраслях деятельности. Аргументирован авторский подход к исследованию развития многоотраслевой деятельности организаций потребительской кооперации Республики Мордовия.

Материалы и методы. В качестве методологической основы исследования были использованы системный подход, методы обобщения и сравнения, анализ и синтез, метод группировок, методы логистического анализа теоретического и практического материала.

Результаты. В предлагаемой статье дается анализ отраслевой структуры потребительской кооперации системы Мордовпотребсоюза Республики Мордовия, обосновывается необходимость ее оптимизации и предлагаются направления ее совершенствования, что является актуальной проблемой обеспечения поступательного развития национальной экономики на современном этапе. Особенностью данной статьи является то, что она охватывает прежде всего теоретические и практические вопросы развития потребительской кооперации в современных условиях. В статье проанализирован вклад потребительской кооперации в формирование оборота розничной торговли региона.

Выводы. В целях повышения конкурентоспособности потребительской кооперации системы Мордовпотребсоюза Республики Мордовия обоснована необходимость совершенствования его отраслевой структуры, в том числе мерами государственной поддержки.

Ключевые слова: потребительская кооперация, отраслевая структура, Мордовпотребсоюз, результат, потребительское общество.

E. A. Plekhanova, V. M. Volodin, I. V. Volgina

MODERN DEVELOPMENT TRENDS OF THE CONSUMER COOPERATION SYSTEM BRANCHES IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Abstract.

Background. The article substantiates the need to optimize the diversified structure of the consumer cooperative system in the Republic of Mordovia and suggests ways to improve it, differentiated depending on the financial and economic situation of consumer societies, the efficiency of the use of economic resources in all areas of activities. The author's approach to the study of the development of diversified activities of consumer cooperation organizations in the Republic of Mordovia is argued.

Materials and methods. The research methodology included the system approach, the methods of generalization and comparison, analysis and synthesis, the method of groupings, methods of logistical analysis of theoretical and practical materials.

Results. The article analyzes the branch structure of the consumer cooperation system of the Mordovia Consumers Union in the Republic of Mordovia, substantiates the need for its optimization and suggests directions for its improvement, which is an urgent problem of ensuring progressive development of the national economy at the present stage. The peculiarity of this article is that it covers, first of all, theoretical and practical issues of the development of consumer cooperation in modern conditions. The article analyzes the contribution of consumer cooperation to the retail trade turnover formation in the region.

Conclusions. For the purpose of increasing the consumer cooperation competitiveness of the Mordovia Consumers Union of the Republic of Mordovia, it is necessary to improve its branch structure, including measures of state support.

Key words: consumer cooperation, branch structure, Mordovia Consumers Union, result, consumer society.

Многоотраслевая деятельность потребительской кооперации России, ее самодостаточность обуславливает большую подготовленность кооперативных организаций к мировой экономической интеграции по сравнению с агропромышленным сектором страны.

За последние годы ситуация в социальной сфере сельской местности чрезвычайно ухудшилась. Вследствие передвижения функций финансирования с федерального на территориальный уровень, дефицита местных бюджетов и критичного состояния сельскохозяйственных производителей резко сократилась инвестиционная деятельность [1].

Основным вариантом восстановления и динамики социальной сферы является преобразование ее социально-экономической структуры. Цель данных модификаций – создание новых, более эффективных с точки зрения удовлетворения потребностей населения и учитывающих изменения в отношениях собственности в производственной сфере организационно-правовых форм услуговой деятельности и структуры мощностей социальной сферы [2].

Традиционно потребительская кооперация имела важное значение в инфраструктуре развития социальной сферы села и экономики АПК. В современных условиях санкционной экономики России и проводимой в стране политики импортозамещения у потребительской кооперации появляются новые возможности расширения своего участия в развитии инфраструктуры социальной сферы села и экономики АПК [3].

Мордовский республиканский союз потребительских обществ (Мордовпотребсоюз) создан в целях координации деятельности организаций потребительской кооперации в Республике Мордовия. Это некоммерческая организация, защищающая права потребительских обществ и союзов, представляет их интересы в государственных органах и органах местного самоуправления, оказывает информационные, правовые, финансовые и другие услуги. Его членами являются 13 райпо, ПО, ООО, осуществляющие свою деятельность в сельской местности: розничную торговлю, общественное питание, производственную, заготовительную деятельность и оказание услуг населению.

В настоящее время среди отраслей деятельности потребительской кооперации ведущее место занимает торговля. Рассмотрим удельный вес оборота розничной торговли организаций Мордовпотребсоюза в общем объеме оборота Республики Мордовия за 2014–2015 гг., представленный в табл. 1.

Таблица 1

Удельный вес оборота розничной торговли организаций
Мордовпотребсоюза в общем объеме оборота районов
Республики Мордовия за 2014–2015 гг.

Наименование	Оборот розничной торговли				
	2015 г. в районе всего, тыс. руб.	2015 г. Мордов- потреб- союз	Удельный вес в районе, %		Темп изменения удельного веса, %
			2014 г.	2015 г.	
1. Атяшевское райпо	1 533 529	240 584,8	14,9	15,7	105,4
2. Ельниковское райпо	892 005	174 817,0	16,9	19,6	116,0
3. Инсарское райпо	993 227	104 513,0	11,1	10,5	94,6
4. Ичалковское райпо	1 278 552	38 519,3	5,3	3,0	56,6
5. Краснослободское райпо	2 365 141	103 246,0	4,7	4,4	93,6
6. Ромодановское райпо	906 394	21 834,0	5,2	2,4	46,2
7. ПО «Б. Игнатовское»	442 282	17 834,0	2,9	4,0	137,9
8. Теньгушевское ПО	824 487	146 755,9	16,6	17,8	107,2
9. Чукальское ПО	1 774 326	55 560,0	3,3	3,1	93,9
10. ООО «Болдовское»	4 797 517	22 709,3	0,5	0,5	100
11. ООО «Стрельниковское»	598 730	35 520,9	1,7	5,9	347,1
12. ООО «Мордовкоопкнига»	–	9088,9	–	–	–
ИТОГО по РМ	57 692 639	–	1,24	1,68	135,5
Итого в зоне деятельности ПК	11 608 673	970 983,1	6,0	8,4	140

Проведенные в табл. 1 расчеты показывают, что оборот розничной торговли за 2015 г. Мордовпотребсоюза составил 970 983,1 тыс. руб., тогда как общий оборот розничной торговли по районам Республики Мордовия – 11 608 673 тыс. руб. Доля оборота розничной торговли Мордовпотребсоюза за 2015 г. составила 8,4 %. В 2014 г. этот показатель составлял 6,0 %. Темп изменения – 40 % [4].

Анализируя удельный вес организаций потребительской кооперации в районах Республики Мордовия за 2014–2015 гг., можно отметить, что среди 14 представленных организаций лишь пять имеют положительную динамику. Это такие, как: Атяшевское райпо (увеличило удельный вес с 14,9 до 15,7 %); Ельниковское райпо (увеличило с 16,9 до 19,6 %); Теньгушевское ПО (с 16,6 до 17,8 %); ПО «Б. Игнатовское» (с 2,9 до 4,0 %) и ООО «Стрельниковское» (с 1,7 до 5,9 %). Самая высокая доля у Ельниковского райпо – 19,6 %, Теньгушевского ПО – 17,8 %. На последнем месте находится ООО «Болдовское», его оборот составил в 2015 г. 22 709,3 тыс. руб. с долей в общем объеме продаж по Рузаевскому району республики 0,5 %.

Рассмотрим в табл. 2 удельный вес оборота общественного питания организаций Мордовпотребсоюза в общем объеме оборота Республики Мордовия за 2014–2015 гг.

Таблица 2

Удельный вес оборота общественного питания организаций
Мордовпотребсоюза в общем объеме оборота районов
Республики Мордовия за 2014–2015 гг., %

Наименование райпо, ПО, ООО	Оборот общественного питания				
	В районе всего, тыс. руб.	В том числе МПС	Удельный вес в районе, %		Темп изменения удельного веса, %
			2014 г.	2015 г.	
1. Атяшевское райпо	48 565	34 743	67,9	71,5	105,3
2. Ельниковское райпо	14 835	6035	43,7	40,7	93,1
3. Инсарское райпо	27 210	10 884	41,6	40,0	96,2
4. Ичалковское райпо	19 353	10 804	78,3	55,8	71,3
5. Краснослободское райпо	48 285	11 002	26,2	22,8	87,0
6. Ромодановское райпо	10 181	4923	44,6	48,4	108,5
7. ПО «Б. Игнатовское»	9970	9035	89,4	90,6	101,3
8. Теньгушевское ПО	10 085	2310	26,7	22,9	85,8
9. Чукальское ПО	26 050	8458	46,0	32,5	70,7
13. ООО «Ковылкинский общепит»	63 115	27 296	61,4	43,2	70,4
ИТОГО по РМ	2 390 310	–	4,0	5,2	130,0
Итого в зоне деятельности ПК	277 649,0	125 490	55,7	45,2	81,1

Проведенные в табл. 2 расчеты показывают, что оборот общественного питания за 2015 г. Мордовпотребсоюза составил 125 490 тыс. руб., тогда как общий оборот розничной торговли по районам Республики Мордовия – 277 649,0 тыс. руб. Доля оборота розничной торговли Мордовпотребсоюза за 2015 г. составила 45,2 %, тогда как в 2014 г. этот показатель составлял 55,7 %. Темп изменения 81,1 % [5].

По обороту общественного питания организаций Мордовпотребсоюза лидирует Атяшевское райпо – 34 743 тыс. руб. (доля в обороте Атяшевского района 71,5 %), ООО «Ковылкинский общепит» – 27 296 тыс. руб. (доля в обороте Ковылкинского района 43,2 %), Краснослободское райпо – 11 002 тыс. руб. (доля в обороте Краснослободского района 22,8 %). На последнем месте Теньгушевское ПО – 2310 тыс. руб. (доля в обороте Теньгушевского района 22,9 %).

В данный момент организация потребительской кооперации благоприятствует увеличению доходов сельских жителей, обеспечивая их рабочими местами и реализовывая производство и закупки выращенной сельхозпродукции и сырья.

В производственной отрасли на 31.11.2016 на балансе Мордовпотребсоюза находится 34 производственных цеха, из них восемь хлебопека-

рен (Атяшевское райпо, ПО «Б. Игнатовское», Ельниковское райпо, Инсарское райпо, Ичалковское райпо, Краснослободское райпо, Ромодановское райпо, Чукальское ПО), три колбасных цеха (ПО «Б. Игнатовское», Инсарское райпо, Ичалковское райпо), пять цехов по производству безалкогольных напитков (Атяшевское райпо, ПО «Б. Игнатовское», Ельниковское райпо, Краснослободское райпо, Теньгушевское ПО), три – по солению и копчению рыбы (Атяшевское райпо, Ичалковское райпо, Чукальское ПО), четыре – по выработке полуфабрикатов (Ельниковское райпо, Ичалковское райпо, Теньгушевское ПО, Чукальское ПО), девять кондитерских цехов (Атяшевское райпо – два, ПО «Б. Игнатовское» – один, Ельниковское райпо – один, Инсарское райпо – один, Ичалковское райпо – два, Краснослободское райпо – один, Ромодановское райпо – один), один скотоубойный пункт (Инсарское райпо).

Можно сделать вывод, что у Мордовпотребсоюза имеются финансовые возможности, материально-техническая база для роста объемов деятельности.

Мордовпотребсоюз производит хлебобулочные изделия, колбасные изделия, безалкогольные напитки (лимонад), полуфабрикаты (пельмени, котлеты, манты и др.), осуществляется переработка рыбы (соление, копчение).

Проанализируем выручку от реализации в разрезе структурных подразделений Мордовпотребсоюза, занимающихся производственной деятельностью, за 2013–2015 гг. (табл. 3).

Таблица 3

Динамика выручки от реализации в разрезе структурных подразделений Мордовпотребсоюза, занимающихся производственной деятельностью, за 2013–2015 гг., тыс. руб.

Наименование	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Отклонение (+, –)		Темп изменения, %	
				2014 г. к 2013 г.	2015 г. к 2014 г.	2014 г. к 2013 г.	2015 г. к 2014 г.
Атяшевское райпо	30 336,6	41 724,6	50 950,3	11 388,0	9225,7	138	122
ПО «Б. Игнатовское»	2696,0	2295,0	3033,0	–401,0	738,0	85	132
Ельниковское райпо	25 586,4	31 002,4	37 928,7	5416,0	6926,3	121	122
Инсарское райпо	28 300,0	32 361,3	36 456,8	4061,3	4095,5	114	113
Ичалковское райпо	11 155,5	12 243,0	12 421,0	1087,5	178,0	110	101
Краснослободское райпо	28 671,4	268,6	4922,5	–28 402,8	4653,9	0,94	18,3 п.
Ромодановское райпо	3847,0	3915,0	3257,0	68,0	–658,0	102	83
Теньгушевское ПО	18 063,2	17 076,3	16 358,7	–986,9	–717,6	95	96
Чукальское ПО	6260,0	5875,0	4033,0	–385,0	–1842,0	94	69
ИТОГО	154 916,1	146 761,2	169 361,0	–8154,9	22 599,8	95	115

Из табл. 3 следует, что в целом по системе Мордовпотребсоюза в 2015 г. по сравнению с предшествующим годом выручка от реализации произведенной продукции возросла на 22 599,8 тыс. руб., или на 15 %. В 2014 г. по сравнению с 2013 г. наблюдалась обратная тенденция: произошло сокращение выручки на 8154,9 тыс. руб., или на 5 %.

В 2014 г. по сравнению с 2013 г. мы наблюдаем значительное снижение активности производственной деятельности и, как следствие, сокращение

выручки от реализации в разрезе структурных подразделений Мордовпотребсоюза, занимающихся производственной деятельностью. Так, снижение выручки произошло у таких организаций, как ПО «Б. Игнатовское», Краснослободское райпо, Теньгушевское ПО и Чукальское ПО, на 401, 28 402,8, 986,9 и 385 тыс. руб. соответственно.

Причиной снижения объемов деятельности у Краснослободского райпо было отчуждение по суду хлебозавода и, как следствие, прекращение выпечки хлеба. Теньгушевское ПО приостановило в 2014 г. производство лимонада из-за проблем с реализацией данной продукции, пользующейся сезонным спросом. Чукальское ПО приостановило в данном году производство рыбы, хлебобулочных изделий в связи с тяжелым финансовым положением, сменой руководства ПО.

Остальные восемь организаций увеличили объемы своей выручки. Наиболее значительно среди них Атяшевское райпо – на 11 388 тыс. руб., или на 38 %, Ельниковское райпо – на 5416 тыс. руб., или на 21 %, Инсарское райпо – на 4061,3, или на 14 %.

В 2015 г. по сравнению с 2014 г. наибольший прирост выручки показали: Ельниковское райпо – на 6926,3 тыс. руб. (122 %); Краснослободское райпо – на 4653,9 тыс. руб. (в 18 раз); Инсарское райпо – на 4095,5 (113 %). Снижение продемонстрировали три из девяти представленных организаций: Ромодановское райпо, Теньгушевское ПО и Чукальское ПО – на 658,0, 717,6, 1842,0 тыс. руб. соответственно. Краснослободское райпо так значительно увеличило выручку за счет возобновления производства хлеба, лимонада. Были взяты кредиты на покупку новых линий. Стоит отметить, что сейчас руководство Краснослободского райпо столкнулось с проблемой нехватки рабочей силы по обслуживанию производственных процессов. Очевидно, работников не привлекает предложенная заработная плата. Таким образом, в целом, как уже говорилось ранее, общий объем выручки по Мордовпотребсоюзу увеличился на 15 %.

Можно сделать вывод о том, что Мордовпотребсоюз в условиях санкционной экономики и политики импортозамещения может нарастить объемы своей деятельности.

Заготовками на 2013–2015 гг. занимаются Атяшевское райпо, ПО «Б. Игнатовское», Ельниковское райпо, Инсарское райпо, Ичалковское райпо, Краснослободское райпо, Ромодановское райпо, Теньгушевское ПО, Чукальское ПО. Заготавливается мясо, молоко, плоды, овощи, картофель.

Рассмотрим динамику выручки от реализации в разрезе структурных подразделений Мордовпотребсоюза, занимающихся заготовительной деятельностью, за 2013–2015 гг. (табл. 4).

Из представленной табл. 4 следует, что динамика выручки от реализации в разрезе структурных подразделений Мордовпотребсоюза за 2013–2015 гг. имеет тенденцию к снижению с 101 307,3 тыс. руб. до 100 152,8 тыс. руб. Наибольшее сокращение наблюдается в 2014 г. по сравнению с предыдущим годом с 101 307,3 тыс. руб. до 87 376,5 тыс. руб., или на 0,9 %.

Приходится констатировать, что почти половина анализируемых организаций, входящих в состав Мордовпотребсоюза в 2014 г., получили выручку значительно меньшую, чем в 2013 г. Исключениями являются Инсарское

райпо, увеличившее показатели на 2430 тыс. руб., Ромодановское райпо (на 1265 тыс. руб.), Теньгушевское райпо (на 3889,4 тыс. руб.) и ООО «Ковылкинский общепит» (на 1243,6 тыс. руб.). Наибольшее сокращение объемов в том же году наблюдается в Ичалковском райпо – 8362 тыс. руб.

Таблица 4

Динамика выручки от реализации в разрезе структурных подразделений
Мордовпотребсоюза, занимающихся заготовительной деятельностью,
за 2013–2015 гг., тыс. руб.

Наименование	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Отклонение (+, –)		Темп изменения, %	
				2014 г. к 2013 г.	2015 г. к 2014 г.	2014 г. к 2013 г.	2015 г. к 2014 г.
Атяшевское райпо	15 145,4	10 800,0	13 622,3	–4345,4	2822,3	71	126
ПО «Б. Игнатовское»	3250,0	1400,0	2305,0	–1850,0	905,0	43	164
Ельниковское райпо	11 711,2	7415,0	5396,7	–4296,2	–2018,3	63	72
Инсарское райпо	16 578,0	19 008,0	26 992,9	2430,0	7984,9	114	142
Ичалковское райпо	11 595,0	3233,0	965,1	–8362,0	–2267,9	22	29
Краснослободское райпо	4038,6	2527,4	1884,5	–1511,2	–642,9	63	75
Ромодановское райпо	478,0	1743,0	955,7	1265,0	–787,3	364	55
Теньгушевское ПО	30 312,4	34 201,8	42 591,8	3889,4	8390,0	112	124
Чукальское ПО	4428,0	2034,0	557,0	–2394,0	–1477,0	45	27
ООО «Ковылкинский общепит»	3770,7	5014,3	4881,8	1243,6	–132,5	132	97
ИТОГО	101 307,3	87 376,5	100 152,8	–13 930,8	12 776,3	86	114

Тем не менее следует сказать, что, несмотря на отрицательную динамику 2014 г., 2015 г. оказался куда более прибыльным. В целом выручка от реализации по сравнению с прошлым годом возросла на 12 776,3 тыс. руб., но, несмотря на это, шесть из десяти организаций (60 %) сократили объемы продаж. Положительную динамику за 2015 г. имеют такие организации, как: Атяшевское райпо – 2822,3 тыс. руб.; ПО «Б. Игнатовское» – 905 тыс. руб.; Инсарское райпо – 7984 тыс. руб. и Теньгушевское райпо – 8390 тыс. руб. Наибольшее увеличение исследуемого показателя мы видим в Теньгушевском райпо (на 8390 тыс. руб.), а наибольшее сокращение выручки в Ичалковском райпо (на 2267,9 тыс. руб.).

Рассмотрим заготовительный оборот и ассортимент заготавливаемой продукции Мордовпотребсоюза за 2015 г. (табл. 5).

Проведя анализ заготовок за 2015 г., можно сделать вывод, что заготовительный оборот организаций, входящих в состав Мордовпотребсоюза, по таким продуктам, как мясо, молоко, яйца, плоды, овощи, картофель, составил 87 376 тыс. руб. Самые высокие показатели у Теньгушевского ПО – 34 201,8 тыс. руб. На последнем месте ПО «Б. Игнатовское» – 1400 тыс. руб. При рассмотрении ассортимента видно, что заготовка мяса составляет 222 т. Наибольший заготовительный оборот принадлежит Инсарскому райпо – 103,4 т, наименьший у ПО «Б. Игнатовское» – 1,9 т.

Заготовительный оборот и ассортимент
заготавливаемой продукции Мордовпотребсоюза за 2015 г.

Наименование	Заготовительный оборот, тыс. руб.	Мясо, т	Молоко, т	Яйцо, тыс. шт.	Фрукты, т	Овощи, т	Картофель, т
Атяшевское райпо	10 800,00	5,95	–	194,26	73,70	64,40	36,80
ПО «Б. Игнатовское»	1400,00	1,90	–	33,00	13,20	4,30	2,00
Ельниковское райпо	7415,00	28,59	175,90	–	–	–	–
Инсарское райпо	19 008,00	103,40	–	170,30	14,30	27,20	3,00
Ичалковское райпо	3233,00	10,20	–	194,00	6,50	7,00	–
Краснослободское райпо	2527,40	7,39	64,70	31,90	8,52	8,49	3,31
Ромодановское райпо	1743,00	4,00	–	–	–	26,70	23,30
Теньгушевское ПО	34 201,80	36,60	1811,70	282,50	32,00	32,00	–
Чукальское ПО	2034,00	8,20	–	235,00	–	2,50	2,00
ООО «Ковылкинский общепит»	5014,30	16,40	4,34	85,30	21,90	28,40	15,60
ИТОГО:	87 376,50	222,63	2056,64	1226,26	170,12	200,99	86,01

Анализируя заготовительный оборот по молоку, следует отметить, что только четыре из десяти (40 %) организаций занимаются заготовкой молока. Это Ельниковское райпо, Краснослободское райпо, Теньгушевское ПО и ООО «Ковылкинский общепит», что в сумме дает 2056,64 т. Среди них лидирует Теньгушевское ПО, где заготовительный оборот составляет 1811,7 т, наименьший показатель у Ковылкинского райпо – 4,3 т.

В заготовке яиц принимают участие восемь из десяти организаций, заготовительный оборот составляет 1226,2 т. Наибольшие показатели у Темниковского ПО – 282,5 т, последнее место занимает Краснослободское райпо – 31,9 т.

Заготовительный оборот плодов с начала года составил 171,1 т. Участие принимают семь из десяти организаций. Лидирует Атяшевское райпо – 73,7, значительно отстает Ичалковское райпо – 6,5 т.

Овощей с начала года заготовили 200,9 т. Девять из десяти организаций, входящих в состав Мордовпотребсоюза, приняли участие. Наилучший показатель у Атяшевского райпо – 64,4 т; наихудший у Чукальского ПО – 2,5 т.

Картофеля с начала года заготовили 86,01 т, приняли участие семь из десяти подразделений. Лидирует Атяшевское райпо – 36,8 т. Последнее место по заготовительному обороту делят две организации – ПО «Б. Игнатовское» и Чукальское ПО, заготовив одинаковое количество – 2 т. Остальные организации демонстрируют снижение данного показателя.

Таким образом, у производственной и заготовительной отрасли Мордовпотребсоюза имеются неиспользованные резервы, которые будут выявлены далее.

Выделим факторы, влияющие на развитие многоотраслевой деятельности потребительской кооперации Республики Мордовия:

- проводимая в стране политика импортозамещения;
- сокращение реальных доходов населения, что повышает привлекательность кооперативной продукции;

- исторически сложившиеся отрасли деятельности;
- наличие заготовительно-перерабатывающего комплекса;
- надежная сеть распределения.

Считаем целесообразным построение целевой модели развития потребительской кооперации в Республике Мордовия, которая должна состоять из нескольких блоков:

1 блок. Развитие и повышение качества регионального законодательства в области государственной поддержки сельскохозяйственных потребительских кооперативов, потребительских обществ и отдельных категорий граждан, ведущих личное подсобное хозяйство.

Приоритетным направлением деятельности государственных органов власти в сфере развития потребительской кооперации должно стать совершенствование нормативно-правовой базы развития кооперативных взаимоотношений. С целью содействия развитию системы потребительской кооперации в Республике Мордовия необходимо принятие Закона «О финансовой поддержке и льготном кредитовании субъектов потребительской кооперации».

2 блок. Повышение эффективности работы Мордовпотребсоюза по привлечению инвестиций и работе с инвесторами.

Для большинства региональных программ характерно отсутствие ресурсного обеспечения, сформулированных конечных результатов, обособленных показателей эффективности реализации, системы контроля за их выполнением.

В этой связи необходимо создание Координационного центра по развитию кооперации при Министерстве сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия, осуществляющего функции планирования и прогнозирования, информационно-аналитического обеспечения, мониторинга, а также обеспечивающего разработку, реализацию и контроль целевых программ развития системы потребительской кооперации региона [6].

Предлагаем создание Службы по разъяснению и техническому обеспечению процессов, связанных с инвестиционной поддержкой потребительских кооперативов республики на базе Мордовпотребсоюза.

3 блок. Содействие созданию кредитных кооперативов в сельской местности путем подготовки кадров, консультирования персонала и членов кооперативов, распространения информации о преимуществах кредитной кооперации.

4 блок. Активизация деятельности Гарантийного фонда кредитного обеспечения Республики Мордовия в области привлечения капитала в кредитные кооперативы путем введения системы государственных гарантий возврата ссуд, что позволило бы коммерческим банкам более активно кредитовать кредитные кооперативы.

5 блок. Организация контрольно-надзорной деятельности над расходованием средств, выделяемых как частными инвесторами, так и из регионального бюджета на поддержку потребительской кооперации в Мордовии.

Реализация перечисленных мер на региональном уровне будет способствовать устойчивому развитию системы потребительской кооперации хозяйствующих субъектов в Республике Мордовия.

Библиографический список

1. **Церфус, Т. А.** Актуальные проблемы современного развития потребительской кооперации России / Т. А. Церфус // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 4.

2. **Денисова, И. Н.** Организационно-управленческие инструменты в практике предпринимательской деятельности потребительской кооперации / И. Н. Денисова, И. К. Беляевский // *Статистика и экономика*. – 2011. – № 6-2.
3. **Вишар, С. П.** Современные проблемы финансового планирования предприятий системы потребительской кооперации в России / С. П. Вишар // *Символ науки*. – 2016. – № 6-1.
4. **Плеханова, Е. А.** Обоснование направлений повышения экономической эффективности деятельности Мордовпотребсоюза / Е. А. Плеханова, Е. К. Пухова // *Молодежь и кооперация : материалы VIII студ. науч.-практ. конф., посвящ. 185-летию потреб. кооп. России (г. Саранск, 30 марта 2016 г.)* / Саран. кооп. ин-т РУК. – Саранск : Принт-Издат, 2016. – С. 149–152.
5. **Плеханова, Е. А.** Направления увеличения оборота организаций общественного питания Мордовпотребсоюза / Е. А. Плеханова // *Реформирование образовательной среды : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 185-летию потреб. кооп. России (г. Саранск, 30–31 марта 2016 г.)* / Мелитоп. ин-т гос. и муницип. управления Классич. приват. ун-та ; Саран. кооп. ин-т РУК. – Саранск : ЮрЭксПрактик, 2016. – С. 375–378.
6. **Бутылина, М. П.** Развитие кооперационных связей в системе регионального АПК : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Бутылина М. П. – Саранск, 2006. – 230 с.

References

1. Tserfus T. A. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvash University]. 2012, no. 4.
2. Denisova I. N., Belyaevskiy I. K. *Statistika i ekonomika* [Statistics and economics]. 2011, no. 6-2.
3. Vishar S. P. *Simvol nauki* [The symbol of science]. 2016, no. 6-1.
4. Plekhanova E. A., Pukhova E. K. *Molodezh' i kooperatsiya: materialy VIII stud. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 185-letiyu potrebit. koop. Rossii (g. Saransk, 30 marta 2016 g.)* [Youth and cooperation: proceedings of VIII Student scientific and practical conference devoted to the 185th anniversary of consumer cooperation in Russia (Saransk, 30th March 2016)]. Saran. koop. in-t RUK. Saransk: Print-Izdat, 2016, pp. 149–152.
5. Plekhanova E. A. *Reformirovanie obrazovatel'noy sredy: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 185-letiyu potrebit. koop. Rossii (g. Saransk, 30–31 marta 2016 g.)* [Educational environment reforming: proceedings of the International scientific and practical conferences devoted to the 185th anniversary of consumer cooperation in Russia (Saransk, 30th–31st March 2016)]. Melitop. in-t gos. i munitsip. upravleniya Klassich. privat. un-ta; Saran. koop. in-t RUK. Saransk: YurEksPraktik, 2016, pp. 375–378.
6. Butylina M. P. *Razvitie kooperatsionnykh svyazey v sisteme regional'nogo APK: dis. kand. ekon. nauk: 08.00.05* [Development of cooperation ties in a regional agricultural sector: dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Saransk, 2006, 230 p.

Плеханова Елена Александровна

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой экономики,
Саранский кооперативный институт
(филиал) АНОО ВО Центросоюза РФ
«Российский университет кооперации»
(Россия, г. Саранск, ул. Транспортная, 17)

E-mail: plehanova1975@rambler.ru

Plekhanova Elena Alexandrovna

Candidate of economic sciences, associate
professor, head of sub-department
of economics, Saransk Cooperative
Institute (branch) of Russian University
of Cooperation (17 Transportnaya street,
Saransk, Russia)

Володин Виктор Михайлович

доктор экономических наук, профессор,
декан факультета экономики
и управления, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: 7volodin7@mail.ru

Volodin Victor Mihailovich

Doctor of economic sciences, professor,
dean of the faculty of economics
and management, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Волгина Ирина Викторовна

кандидат экономических наук, доцент,
декан экономического факультета,
Саранский кооперативный институт
(филиал) АНОО ВО Центросоюза РФ
«Российский университет кооперации»
(Россия, г. Саранск, ул. Транспортная, 17)

E-mail: ivolgina@rucoop.ru

Volgina Irina Viktorovna

Candidate of economic sciences, associate
professor, dean of the faculty of economics,
Saransk Cooperative Institute (branch)
of Russian University of Cooperation
(17 Transportnaya street, Saransk, Russia)

УДК 334.72

Плеханова, Е. А.

**Современные тенденции развития отраслей деятельности системы
потребительской кооперации Республики Мордовия / Е. А. Плеханова,
В. М. Володин, И. В. Волгина // Известия высших учебных заведений.
Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 177–187.
DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-18**

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области социологии, экономики, педагогики, права, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата A4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полупетельный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) **и английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисуночными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], ...). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно сотовые).

Обращаем внимание авторов на то, что перевод имен собственных на английский язык в списке литературы осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru). Для обеспечения единообразия указания данных об авторах статей во всех реферируемых базах при формировании авторской справки при подаче статьи необходимо предоставить перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык, или он будет осуществлен автоматически в программе транслитерации в кодировке BGN.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.